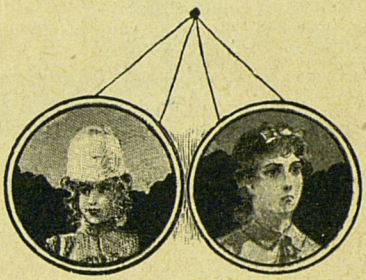
КНЯЖНА ДЖАВАХА

38.47.3.65

КНЯЖНА ДЖАВАХА

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 80 иллюстраціями В. А. Табурина и А. И. Сударушкина

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ • Москва

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,
изданныя Т-вомъ М. О. Вольфъ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 2-е.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4 частяхъ, съ илл.

ЛѢСОВИЧКА.
Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. повѣсть для юнош., съ иллюстр. Е. П. Самокишъ-Судковской

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА.
Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА.
Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ.
Разсказы для маленьк. дѣтей, съ хром. карт.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 лин., соб. д. 5—7

Содержаніе

ЧАСТЬ I.

НА КАВКАЗѢ.

		стр.
ГЛАВА	I. Первыя воспоминанія.—Хаджи-Магометъ.—Черная роза	1
»	II. Отецъ.—Послѣдній отпрыскъ славнаго рода	19
»	III. Два героя.—Абрекъ.—Моя фантазія	39
»	IV. Бэлла.—Неожиданная радость	53
»	V. Въ дорогѣ.—Аулъ Бестуди.—Свадьба Бэллы	64
»	VI. У княгини.—Хвастунишка.—Пажъ и королева.—Ночные стражи	83
»	VII. Таинственные огоньки.—Башня смерти	90
»	VIII. Обличительница	114
»	IX. Пиръ.—Демонъ.—Подслушанная тайна	123
»	X. Смерть Юлико.—Моя клятва	146

стр.
ГЛАВА XI. Колдунья Сарра —Бѣгство 161
» XII. Ночь въ горахъ.—Обвалъ 186
» XIII. Снова дома.—Двѣ клятвы 199
» XIV. Въ путь дорогу 204

ЧАСТЬ II.

ВЪ ИНСТИТУТѢ.

» I. Въ каменной клѣткѣ.—Неожиданные враги . . . 215
» II. Травля.—Послѣднее прости 234
» III. Послѣднее прости.—Обыскъ 246
» IV. Фея Ирэнъ въ лазаретѣ 260
» V. Преступленіе и наказаніе —Правило товарищества. 281
» VI. Ложь и правда.—Люда Власовская 297
» VII. Принцесса Горійская оказываетъ чудеса храбрости. 312
» VIII. Изъ за вороны.—Друзья на всю жизнь 325

ЧАСТЬ I.

НА КАВКАЗѢ.

Первыя воспоминанія. Хаджи-Магометъ. Черная роза.

Я грузинка. Мое имя Нина,—княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата. Родъ князей Джамата — славный родъ; онъ извѣстенъ всему Кавказу, отъ Ріона и Куры до Каспійскаго моря и Дагестанскихъ горъ.

Я родилась въ Гори, чудномъ, улыбающемся Гори, одномъ изъ самыхъ живописныхъ и прелестныхъ уголковъ Кавказа, на берегахъ изумрудной рѣки Куры.

Гори лежитъ въ самомъ сердцѣ Грузіи, въ прелестной долинѣ, нарядный и плѣнительный со своими развѣсистыми чинарами, вѣковыми липами, мохнатыми

каштанами и розовыми кустами, наполняющими воздухъ пряным, одуряющимъ запахомъ красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. А кругомъ Гори — развалины башенъ и крѣпостей, армянскія и грузинскія кладбища, дополняющія картину, отдающую чудеснымъ и таинственнымъ преданіемъ старины...

Вдали синѣютъ очертанія горъ, бѣлѣютъ перловымъ туманомъ могучія, недоступныя вершины Кавказа—Эльбрусъ и Казбекъ, надъ которыми парятъ гордые сыны востока—гигантскіе сѣрые орлы...

Мои предки—герои, сражавшіеся и павшіе за честь и свободу своей родины.

Еще недавно Кавказъ дрожалъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ и всюду раздавались стоны раненыхъ. Тамъ шла безпрерывная война съ полудикими горцами, дѣлавшими постоянные набѣги на мирныхъ жителей изъ нѣдръ своихъ недоступныхъ горъ.

Тихія, зеленыя долины Грузіи плакали кровавыми слезами...

Во главѣ горцевъ стоялъ храбрый вождь Шамиль, однимъ движеніемъ глазъ разсылавшій сотни и тысячи своихъ джигитовъ въ христіанскія селенія... Сколько горя, слезъ и разоренія причиняли эти набѣги! Сколько плачущихъ женъ, сестеръ и матерей было въ Грузіи...

Но вотъ явились русскіе и вмѣстѣ съ нашими воинами покорили Кавказъ. Прекратились набѣги, скры-

лись враги и обезсиленная войною страна вздохнула свободно...

Между русскими вождями, смѣло выступившими на грозный бой съ Шамилемъ, былъ и мой дѣдъ, старый князь Михаилъ Джаваха и его сыновья — смѣлые и храбрые, какъ горные орлы...

Когда отецъ разсказывалъ мнѣ подробности этой ужасной войны, унесшей за собою столько храбрыхъ, мое сердце билось и замирало, словно желая вырваться изъ груди...

Я жалѣла въ такія минуты, что родилась слишкомъ поздно, что не могла скакать съ развѣвающимся въ рукахъ бѣлымъ знаменемъ среди горсти храбрецовъ по узкимъ тропинкамъ Дагестана, повисшимъ надъ страшными стремнинами...

Во мнѣ сказывалась южная, горячая кровь моей матери.

Мама моя была простая джигитка изъ аула Бестуди... Въ аулѣ этомъ поднялось возстаніе и мой отецъ, тогда еще совсѣмъ молодой офицеръ, былъ посланъ съ казачьей сотней усмирять его.

Возстаніе усмирили, но отецъ мой не скоро уѣхалъ изъ аула...

Тамъ, въ саклѣ стараго Хаджи-Магомета, онъ встрѣтилъ его дочку—красавицу Маріемъ...

Черныя очи и горныя пѣсни хорошенькой татарки покорили отца, и онъ увезъ Маріемъ въ Грузію, гдѣ находился его полкъ.

Тамъ она приняла христіанскую вѣру, противъ желанія разгнѣваннаго старика Магомета, и вышла замужъ за русскаго офицера.

Старый татаринъ долго не могъ простить этого поступка своей дочери...

Я начинаю помнить маму очень, очень рано. Когда я ложилась въ кроватку, она присаживалась на край ея и пѣла пѣсни съ печальными словами и грустнымъ мотивомъ. Она хорошо пѣла, моя бѣдная красавица „деда“! [1]

И голосъ у нея былъ нѣжный и бархатный, какъ-будто нарочно созданный для такихъ печальныхъ пѣсенъ.. Да и вся она была такая нѣжная и тихая, съ большими, грустными черными глазами и длинными косами до пятъ. Когда она улыбалась, — казалось, улыбалось небо...

Я обожала ея улыбки, какъ обожала ея пѣсни... Одну изъ нихъ я отлично помню. Въ ней говорилось о черной розѣ, выросшей на краю пропасти въ одномъ изъ ущелій Дагестана... Порывомъ вѣтра пышную дикую розу снесло въ зеленую долину... И роза загрустила и зачахла вдали отъ своей милой родины... Слабѣя и умирая, она тихо молила горный вѣтерокъ отнести ея привѣтъ въ горы...

Несложная пѣсня съ простыми словами и еще бо-

---

[1] Деда—мать по-грузински.

лѣе простымъ мотивомъ, но я обожала эту пѣсню, потому что ее пѣла моя красавица-мать.

Когда я ложилась въ кроватку, она присаживалась на край ея...

Часто, оборвавъ пѣсню на полусловѣ, „деда“ схватывала меня на руки и, прижимая тѣсно, тѣсно къ

своей худенькой груди, лепетала сквозь смѣхъ и слезы:

— Нина, джанымъ, [1] любишь-ли ты меня?

О, какъ я любила, какъ я ее любила, мою ненаглядную деду!...

Когда я становилась разсудительнѣе, меня все больше и больше поражала печаль ея прекрасныхъ глазъ и тоскливыхъ напѣвовъ.

Какъ-то разъ, лежа въ своей постелькѣ съ закрытыми отъ подступавшей дремоты глазками, я невольно услышала разговоръ мамы съ отцомъ.

Она смотрѣла вдаль, на вьющуюся черной змѣеобразной лентой тропинку, убѣгающую въ горы, и тоскливо шептала:

— Нѣтъ, сердце мое, не утѣшай меня, онъ не пріѣдетъ!

— Успокойся, моя дорогая, онъ опоздалъ сегодня, но онъ будетъ у насъ, непремѣнно будетъ, — успокаивалъ ее отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Георгій, не утѣшай меня... Мулла [2] его не пуститъ...

Я поняла, что мои родители говорили о дѣдѣ Хаджи-Магометѣ, все еще не желавшемъ простить свою христіанку-дочь.

---

[1] Джанымъ — по-татарски душа, душенька—самая употребительная ласка на востокѣ.

[2] Мулла—священникъ мусульманъ.

Иногда дѣдъ пріѣзжалъ къ намъ. Онъ появлялся всегда внезапно со стороны горъ, худой и выносливый, на своемъ крѣпкомъ, словно изъ бронзы вылитомъ, конѣ, проведя нѣсколько сутокъ въ сѣдлѣ и нисколько не утомляясь длинной дорогой.

Лишь-только высокая фигура всадника показывалась вдали, моя мать, оповѣщенная прислугой, сбѣгала съ кровли, гдѣ мы проводили большую часть нашего времени (привычка, занесенная ею изъ родительскаго дома), и спѣшила встрѣтить его за оградой сада, чтобы, по восточному обычаю, поддержать ему стремя, пока онъ сходилъ съ коня.

Нашъ денщикъ, старый грузинъ Михако, принималъ лошадь дѣда, а старикъ Магометъ, едва кивнувъ головой моей матери, бралъ меня на руки и несъ въ домъ.

Меня дѣдушка Магометъ любилъ исключительно. Я его тоже любила и, несмотря на его суровый и строгій видъ, я ничуть его не боялась...

Лишь только, поздоровавшись съ моимъ отцомъ, онъ усаживался съ ногами, по восточному обычаю, на пестрой тахтѣ, я вскакивала къ нему на колѣни и, смѣясь, рылась въ карманахъ его бешмета, [1] гдѣ всегда находились для меня разныя вкусныя лакомства, привезенныя изъ аула. [2] Чего тутъ только не было—и за-

---

[1] Бешметъ—родъ кафтана, обшитаго галуномъ.

[2] Аулъ—селеніе горцевъ.

сахаренный миндаль, и кишъ-мишъ, [1] и нѣсколько приторныя медовыя лепешки, мастерски приготовленныя хорошенькой Бэллой—младшей сестренкой моей матери.

— Кушай, джанымъ, кушай, моя горная ласточка,— говорилъ онъ, приглаживая жесткой и худой рукой мои черныя кудри.

И я не заставляла себя долго просить и наѣдалась до-отвалу этихъ легкихъ и вкусныхъ, словно таявшихъ во рту лакомствъ.

Потомъ, покончивъ съ ними и все еще не сходя съ колѣнъ дѣда, я прислушивалась внимательнымъ и жаднымъ ухомъ къ тому, что онъ говоритъ съ моимъ отцомъ.

А говорилъ онъ много и долго... Говорилъ все объ одномъ и томъ-же: о томъ, какъ упрекаетъ и стыдитъ его при каждой встрѣчѣ старикъ-мулла за то, что онъ отдалъ свою дочь „урусу“, [2] что допустилъ ее отречься отъ вѣры Аллаха [3] и спокойно пережилъ ея поступокъ.

Отецъ, слушая дѣда, крутилъ только свой длинный черный усъ да хмурилъ свои тонкія брови.

— Слушай, кунакъ Магометъ, [4] — вырвалось у него въ одну изъ такихъ бесѣдъ,—тебѣ нечего безпокоиться за твою дочь: она счастлива, ей хорошо здѣсь, наша вѣра стала ей родной и близкой. Да и поправить

[1] Кишъ-мишъ—изюмъ.
[2] Горцы называютъ русскихъ и грузинъ, вообще христіанъ—урусами.
[3] Аллахъ—Богъ.
[4] Кунакъ—другъ, пріятель.

сдѣланнаго нельзя... Не безпокой-же ты даромъ мою княгиню. Видитъ Богъ, она не переставала быть тебѣ покорной дочерью. Передай это своему муллѣ, и пусть онъ поменьше заботится о насъ, да поусерднѣе молится Аллаху.

Боже мой, какъ вспыхнуло отъ этихъ словъ лицо дѣда!... Онъ вскочилъ съ тахты... Глаза его метали молніи... Онъ поднялъ загорѣвшійся взоръ на отца,—взоръ, въ которомъ сказалась вся полудикая натура кавказскаго горца, и заговорилъ быстро и грозно, мѣшая русскія, татарскія и грузинскія слова:

— Кунакъ Георгій... ты урусъ, ты христіанинъ и не поймешь ни нашей вѣры, ни нашего Аллаха и его пророка... Ты взялъ жену изъ нашего аула, не спросясь желанія ея отца... Аллахъ наказываетъ дѣтей за непокорность родителямъ... Маріемъ знала это и все-же пренебрегла вѣрою отцовъ и стала твоею женою... Мулла правъ, не давая ей своего благословенія... Аллахъ вѣщаетъ его устами и люди должны внимать волѣ Аллаха...

Онъ говорилъ еще долго, долго, не подозрѣвая, что каждое его слово прочно западаетъ въ юную головку прижавшейся въ уголокъ тахты маленькой дѣвочки.

А моя бѣдная деда слушала суроваго старика, дрожа всѣмъ тѣломъ и бросая на моего отца умоляющіе взоры. Онъ не вынесъ этого нѣмого укора, крѣпко обнялъ ее и, передернувъ плечами, вышелъ изъ дому... Черезъ нѣсколько минутъ я видѣла, какъ онъ скакалъ по тропинкѣ

въ горы. Я смотрѣла на удаляющуюся фигуру отца, на стройный силуэтъ коня и всадника и вдругъ точно что-то толкнуло меня къ Хаджи-Магомету.

— Дѣда!—неожиданно прозвучалъ среди наступившей тишины мой дѣтски звонкій голосъ,—ты злой, дѣда, я не буду любить тебя, если ты не простишь маму и будешь обижать папу! Возьми назадъ твой кишъ-мишъ и твои лепешки; я не хочу ихъ брать отъ тебя, если ты не будешь такимъ-же добрымъ, какъ папа!

И, не долго думая, я быстро вывернула карманы, куда набрала привезенныя дѣдомъ лакомства, и выбросила все ихъ содержимое на колѣни изумленнаго старика.

Моя мать, прижавшись въ уголъ комнаты, дѣлала мнѣ отчаянные знаки, но я не обращала на нихъ вниманія.

— На, на! и свой кишъ-мишъ бери, и лепешки бери, и армянскіе пряники... ничего, ничего не хочу отъ тебя, злой, недобрый дѣда! — твердила я, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ, продолжая выкидывать изъ кармановъ привезенныя имъ лакомства.

— Кто учитъ ребенка непочтенію къ старости?— загремѣлъ на весь домъ голосъ Хаджи-Магомета.

— Никто не учитъ меня, дѣда! — смѣло крикнула я.— Моя мама, хоть не молится на востокъ, какъ ты и Бэлла, но она любитъ васъ, и аулъ твой она любитъ, и горы, и скучаетъ безъ тебя и молится Богу, когда ты долго не ѣдешь, и ждетъ тебя на кровлѣ... Ахъ, дѣда, дѣда, ты и не знаешь, какъ она тебя любитъ!

Что-то необъяснимое при этихъ словахъ промелькнуло въ лицѣ старика. Орлиный взоръ его упалъ на маму. Вѣроятно, много муки и любви прочелъ онъ въ глубинѣ ея черныхъ, кроткихъ глазъ,—только его собственные глаза заблестѣли ярко-ярко, и словно задернулись набѣжавшей въ нихъ влагой.

— Правда-ли, джанымъ? — скорѣе прошепталъ, нежели спросилъ, Хаджи-Магометъ.

— О, батоно! [1]—стономъ вырвалось изъ груди моей матери и, подавшись впередъ всѣмъ своимъ гибкимъ и стройнымъ станомъ, она упала къ ногамъ дѣда, тихо всхлипывая и лепеча одно только слово, въ которомъ выражалась вся ея безпредѣльная любовь къ нему:

— О, батоно, батоно!

Онъ схватилъ ее, поднялъ и прижалъ къ своей груди.

Я не помню, что было дальше... Я понеслась, какъ бѣшеная горная лошадка, по тѣнистымъ аллеямъ нашего сада, будучи не въ силахъ удержать порывъ восторженнаго счастья, захватившаго могучей волной мое дѣтское сердечко...

Я носилась, задыхаясь, плача и смѣясь въ одно и то-же время... Я была счастлива, какъ никогда, острымъ, захватывающимъ, почти невыносимымъ порывомъ счастья...

Батоно — господинъ по-грузински; это слово прибавляютъ для почтительности.

Когда, нѣсколько успокоенная, я вернулась въ комнату, то увидѣла мою мать, сидящую у ногъ дѣда... Его рука лежала на ея чернокудрой головѣ и въ глазахъ обоихъ сіяла радость.

Отецъ, вернувшійся во время моей бѣшеной скачки по саду, подхватилъ меня на руки и покрылъ мое лицо десяткомъ самыхъ горячихъ и нѣжныхъ поцѣлуевъ... Онъ былъ такъ счастливъ за маму, мой гордый и чудный отецъ!

Это былъ лучшій день въ моей жизни. Это было первое настоящее, сознательное счастье, и я наслаждалась имъ всѣмъ моимъ юнымъ сердечкомъ...

Вечеромъ у моей постельки они собрались всѣ трое— отецъ, мать, дѣда и я, смѣясь сквозь дымку дремоты, соединяла ихъ большія руки въ моихъ крошечныхъ кулакахъ и заснула подъ тихій шопотъ ихъ ласковаго говора...

Новая, чудесная, мирная жизнь воцарилась подъ нашей кровлей. Дѣдъ Магометъ чаще пріѣзжалъ изъ аула, одинъ или съ Бэллой, моей молоденькой теткой— участницей моихъ дѣтскихъ игръ и проказъ.

Но наше счастье длилось не долго. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того блаженнаго дня, какъ вдругъ моя бѣдная дорогая мама тяжко заболѣла и скончалась. Говорятъ, она зачахла отъ тоски по родному аулу, который не могла даже навѣщать, боясь оскорбленій со стороны фанатиковъ-татаръ и непримиримаго врага ея—стараго муллы.

Весь Гори оплакивалъ маму... Полкъ отца, знавшій ее и горячо любившій, рыдалъ, какъ одинъ человѣкъ, провожая ея худенькое тѣльце, засыпанное дождемъ розъ и магнолій, на грузинское кладбище, разбитое поблизости Гори.

Мнѣ не вѣрилось до послѣдней минуты, что она умирала...

Передъ смертью, она не сходила съ кровли дома, откуда любовалась синѣющими вдали горами и серебристо-зеленой лентой Куры...

— Тамъ Дагестанъ... тамъ аулъ... тамъ мои горы... Тамъ отецъ и Бэлла...—шептала она между приступами кашля и указывала вдаль, по направленію сѣверо-востока, крошечной, почти дѣтской, вслѣдствіе поразительной худобы, рукой.

И вся она, укутанная бѣлой буркой, казалась нѣжнымъ, прозрачнымъ ангеломъ восточнаго неба.

Я помню съ мучительной ясностью вечеръ, когда она умирала...

Тахту, на которой она лежала, подняли на кровлю, чтобы она могла полюбоваться горами и небомъ...

Гори засыпалъ, обвѣянный крыломъ благоуханной восточной ночи... Спали розы на садовыхъ кустахъ, спали соловьи въ чинаровыхъ рощахъ, спали руины таинственной крѣпости, спала Кура въ своихъ изумрудныхъ берегахъ, и только несчастье одно не спало, одна смерть бодрствовала, поджидая жертву.

Мама лежала съ открытыми глазами, странно блестѣвшими среди наступающей темноты... Точно какой-то свѣтъ исходилъ изъ этихъ глазъ и освѣщалъ все ея лицо, обращенное къ небу. Лучи мѣсяца золотыми иглами скользили по густымъ волнамъ ея черныхъ косъ и вѣнчали блестящей короной ея матово-бѣлый лобъ.

Отецъ и я притихли у ея ногъ, боясь нарушить покой умирающей, но она сама поманила насъ трепещущей рукой и, когда мы склонились къ ея лицу, заговорила быстро, но тихо-тихо, чуть внятно:

— Я умираю... да, это такъ... я умираю... но мнѣ не горько, не страшно... Я счастлива... я счастлива тѣмъ, что умираю христіанкой... О, какъ хороша она — твоя вѣра, Георгій,—прибавила она, повернувшись въ сторону моего отца, припавшаго къ ея изголовью, — и я удостоилась ея... Я христіанка... я иду къ моему Богу... Единственному и Великому... Не плачь, Георгій, береги Нину... я буду смотрѣть на васъ... буду любоваться вами... а потомъ... не скоро, да, но все-же мы соединимся... Не плачьте... прощайте... до свиданья... Какъ жаль, что нѣтъ отца... Бэллы... Передайте имъ, что я ихъ люблю... и прощаюсь съ ними... Прощай и ты, Георгій, моя радость, спасибо тебѣ за счастье, которымъ ты подарилъ меня... Прощай, свѣтъ очей моихъ... Прощай, моя джанымъ... моя Нина... моя малюточка... Прощайте оба... не забывайте... черной розы...

Начинался бредъ... Потомъ она уснула... чтобы ни-

Страшенъ былъ крикъ дѣда Магомета...

когда больше не просыпаться. Она умерла тихо, такъ тихо, что никто не замѣтилъ ея кончины...

Я задремала, прикорнувъ щекою къ ея худенькой рукѣ, и проснулась подъ утро отъ ощущенія холода на моемъ лицѣ. Рука мамы сдѣлалась синей и холодной, какъ мраморъ... А у ногъ ея бился, рыдая, мой бѣдный, осиротѣвшій отецъ.

Гори просыпался... Лучи восхода освѣтили печальную картину. Я не могла плакать, хотя ясно сознавала случившееся. Точно ледяныя оковы сковали мое сердце...

А внизу по берегу Куры скакалъ всадникъ. — Онъ, видимо, торопился въ Гори и безжалостно горячилъ коня.

Вотъ онъ близко... близко... Я узнала въ немъ дѣда Магомета...

Еще немного, — и всадникъ пропалъ подъ горою. Внизу хлопнула калитка... Кто-то по-юношески быстро пробѣжалъ лѣстницу, и въ ту-же минуту Хаджи-Магометъ вошелъ на кровлю.

Трудно передать тотъ вопль отчаянія и безсильнаго, почти нечеловѣческаго горя, который вырвался изъ груди несчастнаго отца при видѣ тѣла дочери.

Страшенъ былъ крикъ дѣда Магомета... онъ потрясъ, казалось, не только кровлю нашего дома, но и весь Гори и дикимъ эхо раскатился въ горахъ, по ту сторону Куры. Вслѣдъ за первымъ воплемъ раздался второй и третій... Потомъ, дѣдъ внезапно затихъ и, упавъ на полъ, ле-

жалъ безъ движенія, широко разметавъ свои сильныя руки.

Теперь только поняла я, какъ безконечно дорога была моя мать этому полудикому питомцу горныхъ ауловъ...

Врядъ-ли подозрѣвала она когда-нибудь о силѣ этой молчаливой отцовской привязанности, врядъ-ли понимала она своего суроваго фанатика-отца!

Если-бъ она могла это чувствовать на своемъ смертномъ ложѣ, какимъ счастьемъ озарилось-бы ея прекрасное лицо!

Но—увы!—ни понимать, ни чувствовать она уже не могла. Передъ нами былъ трупъ, едва начинающій стынуть, трупъ той, которая еще такъ недавно пѣла свои чудесныя пѣсни, полныя восточной грусти, и смѣялась тихимъ, печальнымъ смѣхомъ. Только трупъ...

Она умерла — моя красавица-деда! Черная роза обрѣла свою родину... Ея душа возвратилась въ горы...

Бабушка.

Отецъ.

Послѣдній отпрыскъ славнаго рода.

ДЕДЫ не стало... На горійскомъ кладбищѣ прибавилась еще одна могила... Подъ кипарисовымъ крестомъ, у корней громадной чинары, спала моя деда! Въ домѣ наступила тишина, зловѣщая и жуткая. Отецъ заперся въ своей комнатѣ и не выходилъ оттуда. Дѣдъ ускакалъ въ горы... Я бродила по тѣнистымъ аллеямъ нашего сада, вдыхала ароматъ пурпуровыхъ бархатистыхъ розановъ и думала о моей матери, улетѣвшей въ небо... Михако пробовалъ меня развлечь... Онъ принесъ откуда-то орленка со сломаннымъ крыломъ и поминутно обращалъ на него мое вниманіе:

— Княжна, матушка, глянь-ко, пищитъ!

Орленокъ, дѣйствительно, пищалъ, изнывая въ неволѣ, и своимъ пискомъ еще болѣе растравлялъ мое сердце. „Вотъ и у него нѣтъ матери,—думалось мнѣ,—и онъ, какъ я!“

И мнѣ становилось нестерпимо грустно.

— Михако, голубчикъ, отнеси орленка въ горы, можетъ-быть, онъ найдетъ свою деду, — упрашивала я стараго казака, въ то время, какъ сердце мое разрывалось отъ тоски и жалости. .

Наконецъ, отецъ вышелъ изъ своей комнаты. Онъ былъ блѣденъ и худъ, такъ худъ, что военный длиннополый бешметъ висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ.

Увидя меня, съ печальнымъ лицомъ бродившей по чинаровой аллеѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ, прижалъ къ груди и шепнулъ тихо, тихо:

— Нина, чеми патара сакварело! [1]

Голосъ у него былъ полонъ слезъ, какъ у покойной деды, когда она пѣла свои печальныя горныя пѣсни.

— Сакварело, — прошепталъ еще разъ отецъ и покрылъ мое лицо поцѣлуями. Въ тяжелыя минуты онъ всегда говорилъ по-грузински, хотя всю свою жизнь находился между русскими.

— Папа, милый, безцѣнный папа!—отвѣтила я ему и въ первый разъ со дня кончины мамы тяжело и горько разрыдалась.

---

[1] Моя возлюбленная малютка.

Отецъ поднялъ меня на руки и, прижимая къ сердцу, говорилъ мнѣ такія ласковыя, такія нѣжныя слова, которыми умѣетъ только дарить чудесный, природой избалованный Востокъ!

А кругомъ насъ шелестѣли чинары и соловей начиналъ свою пѣсню въ каштановой рощѣ за горійскимъ кладбищемъ.

Я ласкалась къ отцу и сердце мое уже не разрывалось тоскою по покойной мамѣ,—оно было полно тихой грусти... Я плакала, но уже не острыми и больными слезами, а какими-то тоскливыми и сладкими, облегчающими мою наболѣвшую дѣтскую душу...

Потомъ отецъ кликнулъ Михако и велѣлъ сѣдлать своего Шалаго. Я боялась повѣрить своему счастью: моя завѣтная мечта побывать съ отцомъ въ горахъ осуществлялась.

Это была чудная ночь!

Мы ѣхали съ нимъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, въ одномъ сѣдлѣ на спинѣ самой быстрой и нервной лошади въ Гори, понимавшей своего господина по одному слабому движенію повода...

Вдали высокими синими силуэтами виднѣлись мохнатыя горы, внизу бѣжала засыпающая Кура... Изъ дальнихъ ущелій поднималась сѣдая дымка тумана и точно вся природа курила нѣжный фиміамъ подкрадывавшейся ночи.

— Отецъ! какъ хорошо все это! — воскликнула я, заглядывая ему въ глаза.

— Хорошо,—тихимъ, точно чужимъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

И, вглядѣвшись пристальнѣе въ его черные, ярко горящіе зрачки, я замѣтила въ нихъ двѣ крупныя слезы. Должно-быть, онъ вспомнилъ деду.

— Папа, — тихо произнесла я, какъ-бы боясь нарушить чарующее впечатлѣніе ночи, — мы часто будемъ такъ ѣздить съ тобою?

— Часто, голубка, часто, моя крошка,—поторопился онъ отвѣтить и отвернулся отъ меня, чтобы смахнуть непрошенныя слезы.

Въ первый разъ со дня кончины мамы я почувствовала себя снова счастливой. Мы ѣхали по тропинкѣ, между рядами невысокихъ горъ, въ тихой долинѣ Куры... А по берегамъ рѣки вырастали по временамъ въ сгущающихся сумеркахъ развалины замковъ и башенъ, носившихъ на себѣ печать давнихъ и грозныхъ временъ.

Но ничего страшнаго не было теперь въ этихъ полуразрушенныхъ бойницахъ, откуда давно-давно высовывались мѣдныя тѣла огнедышащихъ орудій. Глядя на нихъ, я слушала разсказъ отца о печальныхъ временахъ, когда Грузія стонала подъ игомъ турокъ и персовъ... Что-то билось и клокотало въ моей груди... Мнѣ хотѣлось подвиговъ—такихъ подвиговъ, отъ которыхъ ахнули-бы самые смѣлые джигиты [1] Закавказья...

---

[1] Джигиты—рыцари-горцы.

Мы только къ разсвѣту вернулись домой... Восходящее солнце заливало блѣднымъ пурпуромъ отдаленныя высоты и онѣ купались въ этомъ розовомъ морѣ самыхъ нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ. Съ сосѣдней крыши минарета [1] мулла кричалъ свою утреннюю молитву... Полусонную снялъ меня съ сѣдла Михако и отнесъ къ Барбале—старой грузинкѣ, жившей въ домѣ отца уже много лѣтъ.

Этой ночи я никогда не забуду... Послѣ нея я еще горячѣе привязалась къ моему отцу, котораго до сихъ поръ немного чуждалась...

Теперь я ежедневно стерегла его возвращеніе изъ станицы, гдѣ стоялъ его полкъ. Онъ слѣзалъ съ Шалаго и сажалъ меня въ сѣдло... Сначала шагомъ, потомъ все быстрѣе и быстрѣе шла подо мною лошадь, изрѣдка потряхивая гривой и поворачивая голову назадъ, какъ-бы спрашивая шедшаго за нами отца, какъ ей вести себя съ крошечной всадницей, вцѣпившейся ей въ гриву.

Но какова была моя радость, когда однажды я получила Шалаго въ мое постоянное владѣніе! Я едва вѣрила моему счастью... Я цѣловала умную морду лошади, смотрѣла въ ея каріе выразительные глаза, называла самыми ласковыми именами, на которыя такъ щедра моя поэтичная родина...

---

[1] Башенка на мусульманской мечети.

И Шалый, казалось, понималъ меня... Онъ скалилъ зубы, какъ бы улыбаясь, и тихо, ласково ржалъ.

Съ полученіемъ отъ отца этого неоцѣнимаго подарка, для меня началась новая жизнь, полная своеобразной прелести.

Каждое утро я совершала небольшія прогулки въ окрестностяхъ Гори, то горными тропинками, то низменнымъ берегомъ Куры... Часто я проѣзжала городскимъ базаромъ, гордо возсѣдая на конѣ, въ моемъ аломъ атласномъ бешметѣ, въ бѣлой папахѣ, лихо заломленной на затылокъ, похожая скорѣе на маленькаго джигита, нежели на княжну славнаго аристократическаго рода.

И торгаши-армяне, и хорошенькія грузинки, и маленькіе татарчата—всѣ смотрѣли на меня, разиня ротъ, удивляясь моему безстрашію.

Многіе изъ нихъ знали моего отца.

— Здравствуй, княжна Нина Джаваха,—кивали мнѣ они головами и хвалили, къ моему огромному удовольствію, и коня, и всадницу.

Но горныя тропинки и зеленыя долины манили меня куда больше пыльныхъ городскихъ улицъ.

Тамъ я была сама себѣ госпожа. Выпустивъ поводья и вцѣпившись въ черную гриву моего вороного, я изрѣдка покрикивала: „Айда, Шалый, айда!“ [1] — и онъ

[1] Айда—впередъ на языкѣ горцевъ.

несся, какъ вихрь, не обращая вниманія на препятствія, встрѣчающіяся на дорогѣ. Онъ скакалъ тѣмъ бѣшенымъ галопомъ, отъ котораго захватываетъ духъ и сердце бьется въ груди, какъ подстрѣленная птичка.

Каждое утро я совершала прогулки на Шаломъ...

Въ такія минуты я воображала себя могущественной представительницей амазонокъ и мнѣ казалось, что за мною гонятся цѣлыя полчища непріятелей.

— Айда! айда!—понукала я моего лихого коня, и онъ ускорялъ шагъ, пугая мирно бродившихъ по улицамъ предмѣстій поросятъ и барашковъ.

— Дели-акызъ! [1] — кричали маленькіе татарчата, разбѣгаясь въ стороны, какъ стадо козлятъ, при моемъ приближеніи къ ихъ аулу.

— Шайтанъ дѣвчонка! [2] — твердили старухи, сердито грозя мнѣ высохшими пальцами и недружелюбно поглядывая на меня изъ-подъ сѣдыхъ бровей.

И любо мнѣ было дразнить старухъ, пугать ребятъ и нестись впередъ и впередъ по безконечной долинѣ между полями, усѣянными спѣлой кукурузой, на встрѣчу теплому горному вѣтерку и синему небу, манящему къ себѣ своей неизъяснимой прелестью.

Какъ-то разъ, возвращаясь съ одной изъ такихъ прогулокъ съ тяжелой виноградной лозой въ рукахъ, срѣзанной мною на-ходу во время скачки при помощи маленькаго дѣтскаго кинжала, подареннаго мнѣ отцомъ, я была поражена необычайнымъ зрѣлищемъ.

На нашемъ дворѣ стояла коляска, запряженная парою чудесныхъ бѣлыхъ лошадей, а сзади нея крытая арба [3] съ сундуками, узлами и чемоданами. У арбы прохаживался старый сѣдой горецъ съ огромными усами и помогалъ какой-то женщинѣ, тоже старой и сморщенной, снимать узлы и втаскивать ихъ на крыльцо нашего дома.

— Михако,—звонко крикнула я,—что это за люди?

Сѣдой горецъ и сморщенная старушка посмотрѣли на меня съ чуть замѣтнымъ насмѣшливымъ удивленіемъ.

[1] Сумасшедшая дѣвчонка по-татарски.
[2] Шайтанъ—дьяволъ по-татарски.
[3] Мѣстный грузинскій экипажъ (телѣга).

Потомъ женщина подошла ко мнѣ и, прикрываясь слегка чадрой [1] отъ солнца, сказала по-грузински:

— Будь здорова въ твоемъ домѣ, маленькая княжна.

— Спасибо. Будь гостьей, — отвѣтила я по-грузинскому обычаю и перенесла удивленный взглядъ на сѣдого горца, лошадей и коляску.

Замѣтя мое изумленіе, незнакомая женщина сказала:

— Эти лошади и это имущество—все принадлежитъ вашей бабушкѣ, княгинѣ Еленѣ Борисовнѣ Джаваха-оглы-Джамата, а мы ея слуги.

— А гдѣ-же она, бабушка?—вырвалось у меня скорѣе удивленно, нежели радостно.

— Княгиня тамъ,— и женщина указала по направленію дома.

Соскочить съ Шалаго, бросить поводья подоспѣвшему Михако и ураганомъ ворваться въ комнату, гдѣ сидѣлъ мой отецъ, въ обществѣ высокой и величественной старухи съ сѣдою, точно серебряною головою и орлинымъ взоромъ,—было дѣломъ одной минуты.

При моемъ появленіи, высокая женщина встала съ тахты и смѣрила меня всю долгимъ и проницательнымъ взглядомъ. Потомъ она обратилась къ моему отцу съ вопросомъ:

— Это и есть моя внучка, княжна Нина Джаваха?

— Да, мамаша, это моя Нина, — поспѣшилъ отвѣ-

---

[1] Покрывало, женскій уборъ на Востокѣ.

тить отецъ, награждая меня тѣмъ взглядомъ восхищенія и ласки, которымъ я такъ дорожила.

Но, очевидно, старая княгиня не раздѣляла его чувства.

Въ моемъ аломъ, нарядномъ, но не совсѣмъ чистомъ бешметѣ, въ голубыхъ, тоже не особенно свѣжихъ шальварахъ, [1] съ бѣлой папахой, сбившейся на бокъ, съ пылающимъ, загорѣлымъ лицомъ, задорно-смѣлыми глазами, съ черными кудрями, въ безпорядкѣ разбросанными вдоль спины, я, дѣйствительно, мало походила на благовоспитанную барышню, какою меня представляла, должно-быть, бабушка.

— Да она совсѣмъ дикая джигитка у тебя, Георгій!—чуть-чуть улыбнувшись въ сторону моего отца, проговорила она.

Но я видѣла по лицу послѣдняго, что онъ не согласенъ съ бабушкой... Чуть замѣтная добрая усмѣшка шевельнула его губы подъ черными усами, — усмѣшка, которую я у него обожала, и онъ совсѣмъ серьезно спросилъ:

— А развѣ это дурно?

— Да, да, надо заняться ея воспитаніемъ,—какъ-то печально и укоризненно произнесла бабушка,—а то это какой-то мальчишка-горецъ!

Я вздрогнула отъ удовольствія. Лучшей похвалы

---

[1] Шаровары.

старая княгиня не могла мнѣ сдѣлать. Я считала горцевъ чѣмъ-то особеннымъ. Ихъ храбрость, ихъ выносливость и безстрашіе приводили меня въ неистовый восторгъ, я имъ стремилась подражать, и втайнѣ досадовала, когда мнѣ это не удавалось.

Между мною и княгиней-бабушкой словно рухнула стѣна, воздвигнутая ея несовсѣмъ любезной встрѣчей; за одно это сравненіе я готова была уже полюбить ее и, не отдавая себѣ отчета въ моемъ поступкѣ, я испустила мой любимый крикъ „айда“ и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, повисла у нея на шеѣ. Вѣроятно, я совершила что-то очень неблагопристойное по отношенію матери моего отца, потому что вслѣдъ за моимъ дикимъ „айда“ раздался пронзительный и визгливый голосъ бабушки:

— Вай-вай! [1], что это за ребенокъ, да уйми-же ты ее, Георгій!

Отецъ, смущенный немного, но едва сдерживающій улыбку, оторвалъ меня отъ шеи старухи и сталъ выговаривать мнѣ за мою необузданную радость.

Его глаза, однако, смѣялись, и я видѣла, что мой милый красавецъ-отецъ, вмѣсто выговора, хочетъ крикнуть мнѣ:

„Нина джанымъ, молодчина - горецъ. Джигитъ!“ Этимъ возгласомъ онъ всегда поощрялъ всѣ мои лихія выходки.

---

[1] Чисто грузинскій возгласъ горя, испуга.

Между тѣмъ бабушка торопливо приводила въ порядокъ свои сѣдыя букли и говорила сердитымъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя, Георгій, ты растишь маленькаго бѣсенка... Что изъ нея выйдетъ, вѣдаетъ Богъ! Такое воспитаніе немыслимо. Она вѣдь княжна стариннаго знатнаго рода!.. Наши предки ведутъ свое начало отъ самаго Богдана IV! Мы царской крови, Георгій, и ты не долженъ забывать этого. Твой отецъ былъ обласканъ Государемъ, я имѣла честь представляться Императрицѣ, ты получилъ свое воспитаніе между лучшими русскими и грузинскими юношами и только въ силу своего упрямства ты зарылся здѣсь, въ глуши, и не ѣдешь въ сѣверную столицу. Марія Джаваха скончалась,—помяни Господь ея душу,—ея происхожденіе простой джигитки могло повредить тебѣ и помѣшать быть на виду, но теперь, когда она мирно спитъ подъ крестомъ, странно и дико не пользоваться дарами, данными тебѣ Богомъ. Я пріѣхала, сынъ мой, напомнить тебѣ объ этомъ.

Я взглянула на говорившую. У нея было сердитое и важное лицо. Потомъ я встрѣтила взглядъ моего отца. Онъ сталъ мрачнымъ и суровымъ, какимъ я не разъ видѣла его во время гнѣва. Напоминаніе о моей покойной дедѣ со стороны ея врага (бабушка не хотѣла видѣть моей матери и никогда не бывала у насъ при ея жизни) не растрогало, а скорѣе разсердило его.

— Матушка,—проговорилъ онъ, и глаза его загорѣлись гнѣвомъ,—если вы пріѣхали для того, чтобы враждебно говорить о моей бѣдной Маріи,—лучше было-бы намъ не встрѣчаться!

И онъ сильно задергалъ концы своихъ черныхъ усовъ, что онъ дѣлалъ лишь въ минуты большого волненія.

— Успокойся, Георгій,—взволновалась старуха,—я ничѣмъ не обижу памяти покойной Маріи, но я не могу не сказать, что она не могла быть воспитательницей твоей Нины... Дочь аула, дитя горъ, развѣ она сумѣла-бы сдѣлать изъ Нины благовоспитанную барышню?

Отецъ молчалъ. Замолкла и бабушка, довольная впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея послѣдними словами.

Въ эту минуту взглядъ мой нечаянно упалъ черезъ раскрытую дверь въ сосѣднюю комнату. Тамъ на тахтѣ лежалъ мальчикъ однихъ лѣтъ со мною, но ростомъ гораздо меньше меня и, кромѣ того, блѣднѣе и воздушнѣе.

Онъ протянулъ худенькія, немного кривыя ноги, съ которыхъ старая грузинка, видѣнная мною на дворѣ, снимала изящные высокіе сапожки... Его хрупкое, некрасивое личико утонуло въ массѣ бѣлокурыхъ волосъ, падавшихъ на бѣлоснѣжный кружевной воротничекъ, надѣтый поверхъ коричневой бархатной курточки. Старая грузинка, вмѣсто снятыхъ дорожныхъ сапожекъ, надѣвала на его слабыя, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, ноги лакированныя туфли съ пряжками, какихъ я еще не видывала у насъ въ Гори.

Онъ вошелъ въ залъ, гдѣ мы находились, и остановился у двери, точно сошедшій со старинной картины, какія я видѣла въ большомъ альбомѣ отца, маленькій пажъ средневѣковой легенды.

Я успѣла разсмотрѣть, что у него, несмотря на пышные бѣлокурые локоны, живой рамой обрамляющіе хрупкій продолговатый овалъ лица, некрасивый, длинный, крючковатый носъ и маленькіе, узкіе, какъ у полевого мышенка, черные глазки.

— Кто это?—безцеремонно указывая на крошечнаго незнакомца пальцемъ, спросила я.

— Это твой двоюродный братъ, князь Юлико Джаваха-оглы-Джамата, послѣдній отпрыскъ славнаго рода, — не безъ нѣкоторой гордости проговорила бабушка.— Познакомьтесь, дѣти, и будьте друзьями. Вы оба сироты, хотя ты, Нина, счастливѣе княжича... У него нѣтъ ни отца, ни матери... между тѣмъ какъ твой отецъ такъ добръ къ тебѣ и такъ тебя балуетъ.

Послѣднія слова бабушки звучали нѣкоторымъ ехидствомъ.

— Здравствуй! — просто подошла я привѣтствовать моего двоюроднаго брата.

Онъ смѣрилъ меня любопытно-величавымъ взглядомъ и нерѣшительно протянулъ мнѣ свою блѣдную, сквозящую тонкими голубыми жилками прозрачную руку, всю утопающую въ кружевѣ его великолѣпныхъ манжетъ. Я не знала, что мнѣ съ нею дѣлать. Очевидно,

мой рваный бешметъ и запачканныя лошадинымъ потомъ и пылью шальвары производили на него непріятное впечатлѣніе.

Наконецъ, я догадалась пожать его худенькіе, сухіе пальцы.

Тогда онъ спросилъ:

— Вы дѣвочка? — и скользнулъ недоумѣвающимъ взглядомъ по моимъ шальварамъ и папахѣ, лихо сдвинутой на затылокъ.

Я громко расхохоталась...

— Бабушка говорила мнѣ, — продолжалъ такъ-же невозмутимо маленькій гость, —что я найду здѣсь кузину-княжну, но ничего не упоминала о маленькомъ братѣ.

Я захохотала еще громче; его наивность приводила меня въ восторгъ и къ тому же я радовалась его безсознательной похвалѣ; вѣдь онъ принялъ меня за мальчика!

Точно маленькій пажъ средневѣковой легенды...

Бабушка и отецъ тоже разсмѣялись.

— Пойдемте въ садъ! — успокоившись, предложила

я маленькому князю и, не дожидаясь его согласія, взяла его за руку.

Онъ безпрекословно повиновался и, не вынимая своихъ аристократическихъ пальчиковъ изъ моей черной отъ загара, не по годамъ сильной руки, послѣдовалъ за мною.

Я долго водила его по тѣнистымъ аллеямъ, показывая выведенныя мною розы, потомъ повела въ оранжерею за домомъ и угощала персиками... Онъ разсматривалъ все равнодушно-спокойными глазами, но отъ фруктовъ отказался, говоря, что у него больной желудокъ.

Я, никогда ничѣмъ не болѣвшая и наѣдавшаяся персиками и дынями до-отвала, съ жалостнымъ презрѣніемъ посмотрѣла на него.

Мальчикъ съ больнымъ желудкомъ! Что можетъ быть печальнѣе?

Но мое презрѣніе еще больше увеличилось, когда Юлико задрожалъ всѣми членами при видѣ ковылявшаго по аллеѣ на встрѣчу намъ орленка.

— Господи! откуда это страшилище?—почти со слезами вскрикнулъ онъ и спрятался за мою спину.

— Да онъ не кусается, — поторопилась я его успокоить, — это Казбекъ, ручной орленокъ, выпавшій изъ гнѣзда и принесенный мнѣ папинымъ денщикомъ. Ты не бойся. Можешь его погладить. Онъ не клюнетъ.

Но Юлико очевидно боялся и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Тогда я подхватила Казбека на руки и прижала къ своей щекѣ его маленькую голову, вооруженную громаднымъ клювомъ.

— Ну, вотъ видишь, онъ не тронулъ меня и ты можешь его приласкать,—урезонивала я моего двоюроднаго брата.

— Ахъ, оставьте вы эту скверную птицу!—вдругъ пискливо крикнулъ онъ и весь сморщился, готовый расплакаться.

— Скверную? — вспыхнула я,—скверную? Да какъ ты смѣешь оскорблять такъ моего Казбека!.. Да самъ ты... если хочешь знать... скверный цыпленокъ...

Я вся раскраснѣлась отъ негодованія и не находила словъ чѣмъ-бы больнѣе уколоть глупаго трусишку.

Но онъ, казалось, мало обратилъ вниманія на нелестное названіе, данное ему его дикой кузиной. Онъ только поежился немного и весь, точно нахохлившись, какъ настоящій цыпленокъ, выступалъ подлѣ меня своими худыми, кривыми и длинными ножками.

Мы поднялись на гору, возвышающуюся за нашимъ садомъ, на которой живописно раскинулись полуразрушенные остатки древней горійской крѣпости.

Съ другой стороны, уступомъ ниже, лежало кладбище, на самомъ краю котораго виднѣлся столѣтній кипарисъ, охраняющій развѣсистыми вѣтвями могилу мамы. Заросшій розовымъ кустомъ могильный холмикъ виднѣлся издалека...

— Тамъ лежитъ моя деда! — тихо произнесла я и протянула руку по направленію кладбища.

— Ваша мама была простая горянка; ее взяли прямо изъ аула... — послышался надменный голосокъ моего кузена.

— Ну, что-жъ изъ этого?—вызывающе крикнула я.

— Ничего. А вотъ моя мама принадлежала къ богатому графскому роду, который всегда былъ близокъ къ престолу Бѣлаго царя,—съ торжественной важностью пояснилъ Юлико.

— Ну, и что-жъ изъ этого?—еще болѣе вызывающе повторила я.

— А то, что это большое счастье имѣть такую маму, которая меня могла выучить хорошимъ манерамъ,—продолжалъ Юлико, — а то я бы бѣгалъ по горамъ такимъ-же грязнымъ маленькимъ чеченцемъ [1] и имѣлъ-бы такія-же черныя, осетинскія руки, какъ и у моей кузины.

Его крохотные глазки совсѣмъ сузились отъ насмѣшливой улыбки, между тѣмъ какъ руки, съ тщательно отполированными розовыми ногтями, небрежно указывали на мою запачканную одежду.

Это было уже слишкомъ! Чаша переполнилась. Я вспыхнула и, подойдя въ упоръ къ Юлико, прокричала ему въ ухо, вся дрожа отъ злости и негодованія:

---

[1] Горецъ.

— Хотя твоя мать была графиня, а моя деда—простая джигитка изъ аула Бестуди, но ты не сдѣлался отъ этого умнѣе меня, дрянная, безжизненная кукла!..

И потомъ, едва владѣя собой, я схватила его за руку и, съ силой тряся эту хрупкую, слабенькую руку, продолжала кричать такъ, что слышно было, я думаю, въ цѣломъ Гори:

— И если ты еще разъ осмѣлишься такъ говорить о моей дедѣ, я тебя сброшу въ Куру съ этого уступа... или... или дамъ заклевать моему Казбеку! Слышишь ты?!

Вѣроятно, я была страшна въ эту минуту, потому что Юлико заревѣлъ, какъ дикій туръ горнаго Дагестана.

Въ этотъ день, ознаменованный пріѣхавшей къ намъ, незнакомой мнѣ до сихъ поръ, бабушкой, я, по ея настоянію, была въ первый разъ въ жизни оставлена безъ сладкаго. Въ тотъ-же вечеръ ревѣла и я не менѣе моего двоюроднаго братца, насплетничавшаго на меня бабушкѣ,—ревѣла не отъ горя, досады и обиды, а отъ тайнаго предчувствія лишенія свободы, которою я такъ чудесно умѣла до сихъ поръ пользоваться.

— Барбалэ, о, Барбалэ, зачѣмъ они пріѣхали?—рыдала я, зарывая голову въ грязный передникъ всегда мнѣ сочувствующей старой служанки.

— Успокойся, княжна-козочка, успокойся, джанымъ-свѣтикъ, ни одна роза не расцвѣтетъ безъ воли Господа, — успокаивала меня добрая грузинка, гладя

мои черныя косы и утирая мои слезы грубыми, заскорузлыми отъ работы руками.

— Лучше-бы они не пріѣзжали — ни бабушка, ни этотъ трусишка!—продолжала я жаловаться.

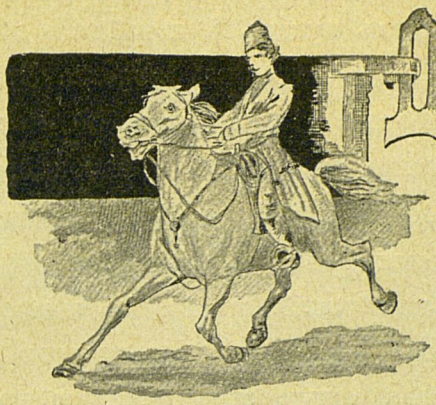
— Тише, тише,—пугливо озиралась она,—услышитъ батоно-князь, плохо будетъ: прогонятъ старую Барбалэ. Тише, ненаглядная джанымъ! Пойдемъ-ка лучше слушать соловьевъ!

Но соловьевъ я слушать не хотѣла, а не желая подводить своими слезами Барбалэ — мою утѣшительницу, я пошла въ конюшню, гдѣ тихимъ, ласковымъ ржаніемъ встрѣтилъ меня мой вѣрный Шалый.

— Милый Шалый... свѣтикъ мой... звѣзда очей моихъ, — перешла я на мой родной языкъ, богатый причитаніями — зачѣмъ они пріѣхали? Кончатся теперь наши красные дни... Не позволятъ намъ съ тобой скакать, Шалый, и пугать татарчатъ и армянокъ. Закатилось наше солнышко красное!

И я припадала головой къ шеѣ моего вороного и, цѣпляясь за его гриву, цѣловала его и плакала навзрыдъ, какъ - только умѣетъ плакать одиннадцатилѣтняя, полудикая дѣвочка.

И Шалый, казалось, понималъ горе своей госпожи. Онъ махалъ хвостомъ, трясъ гривой и смотрѣлъ на меня добрыми, прекрасными глазами...



Два героя. Дерекъ. Моя фантазія.

БАБУШКА съ Юлико пріѣхали надолго, кажется навсегда. Бабушка поселилась наверху, въ комнатахъ мамы. Эти дорогія для меня комнаты, куда я входила со смерти деды не иначе какъ съ чувствомъ сладкой тоски, стали мнѣ теперь вдругъ ненавистными. Каждое утро я и Юлико отправлялись туда, чтобы привѣтствовать бабушку съ добрымъ утромъ. Она цѣловала насъ въ лобъ,—своего любимчика-внука, однако, гораздо нѣжнѣе и продолжительнѣе, нежели меня,—и потомъ отпускала насъ играть.

Изъ Гори приходила русская учительница, дававшая намъ уроки — мнѣ и Юлико. Мой кузенъ оказывался куда умнѣе меня. Но я ему не завидовала: теперь мнѣ это было безразлично. Моя свобода, мои чудесные дни миновали и ко всему остальному я относилась безразлично.

Съ бабушкой пріѣхало пять человѣкъ прислуги. Сѣдой горецъ, какъ я узнала, былъ нукеръ [1] покойнаго дѣда, и провелъ вмѣстѣ съ нимъ не одинъ походъ. Этотъ нукеръ, родомъ изъ Кабарды, бывшій чѣмъ-то между дворецкимъ и конторщикомъ въ домѣ бабушки, сразу удостоился моего расположенія. Между нимъ и папинымъ Михако установился родъ постоянныхъ междоусобій по поводу вѣроисповѣданій, храбрости, выносливости грузинъ и горцевъ,—словомъ, они спорили обо всемъ, о чемъ можно было только спорить, благо предметовъ для спора находилось не мало.

Михако зналъ, что старый нукеръ былъ родомъ изъ мюридовъ [2]—воиновъ грознаго Шамиля, но, увлеченный львиною храбростью моего дѣда и образцовыми правилами русскихъ солдатъ, ушелъ отъ своихъ и на глазахъ самого Шамиля предался русскимъ.

Правда, онъ не дрался со своими, но сопровождалъ дѣда во всѣхъ его походахъ и былъ отличенъ не разъ самимъ главнокомандующимъ, княземъ Барятинскимъ.

Я любила до безумія разсказы стараго Брагима и съ этою цѣлью не разъ подговаривала Михако подзадорить нукера. Тотъ не заставлялъ себя долго просить для потѣхи „княжны-джанымъ“, своей любимицы.

— А что, батоно, — начиналъ Михако, лукаво под-

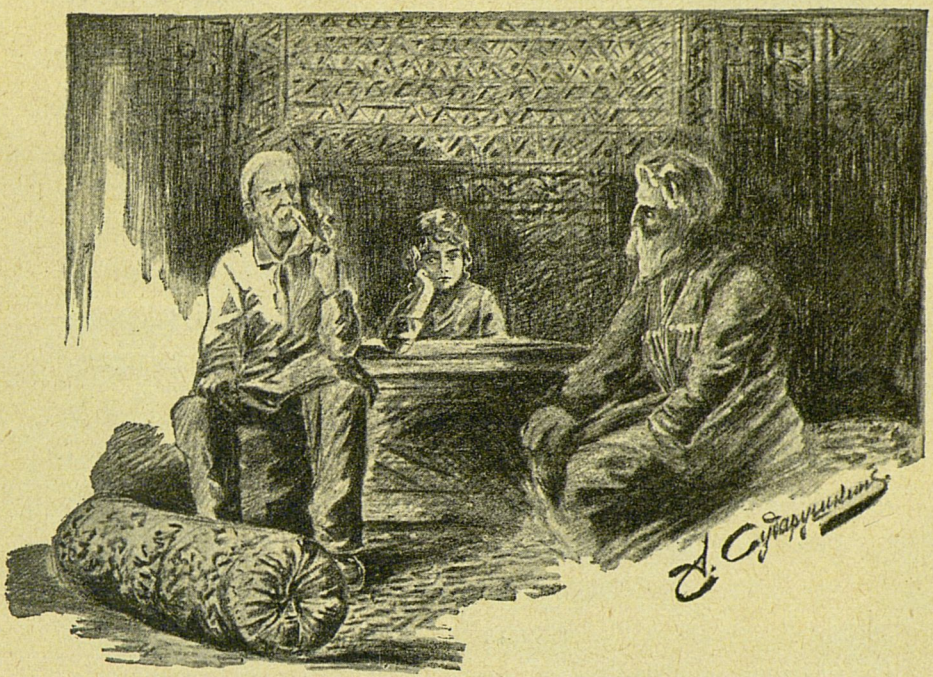
---

[1] Нукеръ—слуга.

[2] Фанатики-горцы, окружавшіе Шамиля.

мигивая мнѣ глазомъ, — вѣдь, слышно, вашъ Шамиль большой хвастунъ былъ?

— Нѣтъ, ага [1] (они во время самыхъ горячихъ споровъ иначе не величали другъ друга), не говори



Я любила до безумія разсказы стараго Брагима ..

такъ: Шамиль былъ великій вождь и не было такого другого вождя у мюридовъ.

— Да что-же онъ, самъ-то уськалъ, уськалъ свой народъ, травилъ его Исламомъ, а какъ попался, такъ самъ-же съ повинной пришелъ къ нашему вождю.

[1] Господинъ по-горски.

Вѣдь, небось, не бросился въ пропасть, какъ въ плѣнъ его взяли? Нѣтъ, привелъ-таки своихъ женъ и сыновей, и внуковъ и сдалъ ихъ на русское милосердіе.

— Не говори, ага, того, чего не знаешь, — сурово останавливалъ Брагимъ. — Наши долго бились... долго осаждали... Неприступное то было гнѣздо... На самой вершинѣ горъ засѣлъ вождь мюридовъ... Въ этой борьбѣ убили моего князя-орла... А мы все шли, все поднимались... Въ то время два ангела бились въ небесахъ у Аллаха, бѣлый и черный... Бѣлый побѣдилъ... и сбросилъ чернаго въ бездну... Задрожали горы, а съ ними и гнѣздо великаго Шамиля. И понялъ гордый старецъ волю Аллаха и открылъ ворота крѣпости и вывелъ женъ и дѣтей своихъ... Я былъ рядомъ, за камнемъ бѣлаго вождя. Я видѣлъ, какъ бѣлый вождь принялъ изъ рукъ Шамиля его саблю... кривую, длинную, изрубившую на своемъ вѣку не мало урусовъ.

— Вотъ то-то и скверно, что онъ отдалъ саблю, батоно, лучше-бы онъ себя самого этой саблей, — и Михако хладнокровно показывалъ рукой воображаемое движеніе сабли вокругъ своей шеи.

Брагимъ недовольно крутилъ бритой головою. Онъ не одобрялъ втайнѣ поступка Шамиля, но не хотѣлъ предавать своего бывшаго вождя на судъ уруса-грузина.

— Скажи, батоно, — начиналъ снова Михако, давъ немного остыть старому нукеру отъ его воинскаго за-

дора, — кто по твоему скорѣе въ рай попадетъ: наши или ваши?

— Аллахъ не дѣлитъ людей на племена... У него только свѣтлые и темные духи.

— А воины, мюридскіе или урусы, наслѣдуютъ землю Магомета?

Брагимъ и Михако.

— Всѣ храбрые, безъ различія племенъ и сословій: и уздени, и беки, [1] и вожди, и простые джигиты, всѣ они одинаково дороги Магомету,—отвѣчалъ невозмутимо старикъ, сверкая изъ-

[1] Князья.

подъ сѣдыхъ бровей своими юношески быстрыми глазами.

Я до страсти любила такіе разговоры, особенно когда Брагимъ воодушевлялся и раскрывалъ передо мною дивныя и страшныя картины боя, тамъ, въ далекихъ горныхъ тѣснинахъ, среди стремнинъ и обрывовъ, подъ дикій шумъ горныхъ потоковъ, смѣшанный съ оглушительной пушечной пальбой и стонами раненыхъ.

Я видѣла точно въ туманѣ страшныя крутизны, усыпанныя, какъ мухами, нашими солдатами, лѣзущими на приступъ... Ихъ встрѣчаютъ градомъ пуль, лезвіемъ шашекъ, криками „Алла!“, „Алла!“. И вотъ гнѣздо разрушено. Грозный вождь дѣлается смиреннымъ плѣнникомъ и слезно молитъ о свободѣ. И бѣлый и темный вождь долго смотрятъ другъ другу въ очи... Страшенъ и непроницаемъ этотъ взглядъ... Тысячи русскихъ и столько-же горцевъ ждутъ рѣшенія. И что-то дрогнуло въ сердцѣ русскаго героя при видѣ плѣннаго кавказскаго орла. Ему обѣщана милость устами князя, — обѣщано милосердіе Бѣлаго Царя.

Хорошо это! дивно хорошо! И никогда разъ видѣвшій не забудетъ этой картины. А онъ ее видѣлъ—счастливецъ Брагимъ! О, какъ я ему завидовала!...

Кромѣ Брагима, съ бабушкою пріѣхала еще старая горничная, привѣтствовавшая меня въ саду въ первый день пріѣзда. Ее звали Анной. Съ нею былъ ея внукъ Андро,

маленькій слабоумный камердинеръ Юлико, потомъ дѣвушка Родамъ, взятая въ помощь Аннѣ, и еще молодой кучеръ и наѣздникъ, быстроглазый горецъ Абрекъ.

Отца я за это время видѣла мало. У него начиналась усиленная стрѣльба въ полку, и онъ цѣлые дни проводилъ тамъ.

Прежде, бывало, я поджидала его за садомъ у спуска къ берегу Куры, но бабушка нашла неприличными для сіятельной княжны мои одинокія прогулки, и онѣ постепенно прекратились. Съ Шалымъ, къ моей великой радости, я могла не разставаться. Правда, за мною теперь постоянно ѣздилъ Абрекъ или вѣчно задумчивый, блаженный Андро, но они мнѣ не мѣшали. Вѣдь и раньше на болѣе продолжительныя прогулки меня не отпускали безъ Михако. Но Михако терпѣть не могъ подобныхъ поѣздокъ, потому что уставалъ въ достаточной мѣрѣ за домашними работами и къ тряскѣ въ сѣдлѣ не питалъ особаго влеченія.

За то Абрекъ умѣлъ и любилъ ѣздить. Онъ показалъ мнѣ такія мѣста въ окрестностяхъ Гори, о существованіи которыхъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія.

— Откуда ты все это знаешь, Абрекъ?—удивлялась я:—вѣдь ты не былъ ни въ Алозани, ни въ Кахетіи.

— Іокъ [1],—смѣялся онъ въ отвѣтъ, блестя своими бѣлыми, какъ сахаръ, и крѣпкими зубами,—іокъ! не былъ.

---

[1] Нѣтъ—по горски.

— Откуда-же ты знаешь?—приставала я.

— Абрекъ все знаетъ. Отъ моря до моря все знаетъ.—И онъ прищелкивалъ языкомъ и улыбался еще шире, отчего лицо его получало хищное и лукавое выраженіе.

Въ немъ было что-то лживое. Но я любила его за отчаянную храбрость, за то, что онъ всюду поспѣвалъ, какъ птица, на своемъ быстроногомъ конѣ, забивавшемъ порой своей ловкостью и скоростью моего Шалаго.

Безстрашный и смѣлый на-диво былъ этотъ Абрекъ.

Онъ выучилъ меня шутя джигитовкѣ, потихоньку отъ бабушки, и когда я на всемъ скаку коня поднимала воткнутый въ землю дагестанскій кинжаликъ, онъ одобрительно кивалъ головою и, прищелкивая языкомъ, кричалъ мнѣ:

— Хорошо! молодецъ! джигитъ будешь!

Я дорожила этими похвалами и гордилась ими.

Абрекъ былъ въ моемъ понятіи настоящимъ типомъ молодца-джигита.

Съ нимъ я выучилась всѣмъ тайнамъ искусства верховой ѣзды и джигитовки и вскорѣ ничуть не уступала въ ловкости своему учителю.

— Абрекъ! — кричала я въ восторгѣ отъ какой-либо новой ловкой продѣлки,—гдѣ ты выучился всему этому?

Онъ только смѣялся въ отвѣтъ.

— Горецъ долженъ быть ловкимъ и смѣлымъ, а не

то это будетъ баба-осетинка [1], либо... — и тутъ онъ значительно подмигивалъ по направленію нашего дома,— либо княжичъ Юлико.

Еслибъ бабушка услышала его слова, то навѣрное-бы и дня не продержала подъ своей кровлей.

Съ Юлико у меня установились самыя непріязненныя отношенія. Я не могла выносить его надменнаго вида, его женственно-нарядныхъ костюмовъ, ни его „по-дѣвченски“ причесанной кудрявой головы.

„О, этотъ ужь не будетъ никогда джигитомъ!“— тайно злорадствовала я, встрѣчая его на прогулкѣ въ саду, гдѣ онъ чинно выступалъ по утоптаннымъ дорожкамъ, боясь запачкать свои щегольскія ботинки, и прибавляла вслухъ, смѣясь ему прямо въ лицо:

— Княжичъ Юлико! а гдѣ-же твои няньки?—Онъ злился и бѣжалъ жаловаться бабушкѣ. Меня оставляли въ наказаніе безъ пирожнаго, но это нимало не огорчало меня и на слѣдующій день я выдумывала новые способы раздразнить моего двоюроднаго брата.

— Что съ тобой, Нина? — какъ-то разъ серьезно и строго спросилъ меня отецъ, заставъ меня и Юлико въ самомъ горячемъ спорѣ, — что съ тобой, я не узнаю тебя! Ты забываешь обычаи своей родины и оскорбляешь гостя въ своемъ домѣ! Не хорошо, Нина! Что-бы сказала твоя мама, еслибъ видѣла тебя такою.

---

[1] Осетины—презираемое между горцами племя.

— О, папа!—могла только выговорить я, задыхаясь отъ сухихъ рыданій, надрывавшихъ мою грудь, и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, чтобы не дать торжествовать Юлико.

О, какъ я его ненавидѣла! Вся моя дѣтская душа собрала, казалось, изо всѣхъ тайниковъ ея всѣ злобныя чувства гнѣва, обиды и презрѣнія, чтобы вылить ихъ на голову злополучнаго княжича.

— Барбалэ, я не могу, я не могу больше, — задыхаясь, говорила я моей повѣренной, — я убѣгу отсюда, Барбалэ.

— Что ты? Христосъ и святая Нина, твоя покровительница, да будутъ надъ тобою! — шептала старуха и крестила меня своей заскорузлой рукою.

— Да ты понимаешь-ли, что они внесли сюда горе, раздоръ и злобу! Вѣдь они сдѣлали меня такою! Вѣдь развѣ я похожа на прежнюю княжну Нину!

— Эхъ, княжна-джанымъ, у всякаго свое горе!— тяжело вздыхала Барбалэ.

Я понимала ея молчаливую тоску.

Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала бабушка со своимъ штатомъ, всѣ заботы по дому и хозяйству, лежавшія на ней, перешли къ Аннѣ, горничной княгини. Теперь не Барбалэ, а Анна или хорошенькая Родамъ бѣгала по комнатамъ, звеня ключами, приготовляя столъ для обѣдовъ и завтраковъ или разливая по кувшинамъ сладкое и легкое грузин-

ское вино. Я видѣла, какъ даже осунулась Барбалэ и уже не отходила отъ плиты, точно боясь потерять свои послѣднія хозяйственныя обязанности.

— Бѣдная Барбалэ! Бѣдная старушка! — растроганно говорила я, гладя съ любовью ея загорѣлыя щеки.

— Бѣдная княжна, бѣдная джанымъ! Бѣдная сиротка!—вторила мнѣ она и мы обнимались крѣпко и горячо, какъ родныя.

Какъ-то разъ бабушка, всевидящая и вездѣсущая, услышала наши жалобы и прислала за мною Родамъ.

— Пожалуйте, княжна, княгиня проситъ, — лукаво улыбаясь, объявила мнѣ она.

Я не любила Родамъ за ея чрезмѣрную привязанность къ моему врагу Юлико, съ которымъ она, взапуски съ Андро, няньчилась, какъ съ коронованнымъ принцемъ. Я передернула плечами (эту привычку я переняла отъ отца) и стала медленно подниматься въ комнаты бабушки.

Она меня встрѣтила, красная, какъ піонъ, забывъ въ своемъ волненіи все величіе, достойное княгини, происходившей родомъ отъ самого Богдана IV, и, измѣривъ всю меня враждебнымъ взглядомъ, визгливо закричала:

— Такъ вотъ оно что, внучка! Вы бѣгаете жаловаться на меня судомойкамъ и кухаркамъ... на меня — на вашу бабушку, желающую вамъ только добра и пользы! Чѣмъ я вамъ не угодила, позвольте спросить,

чѣмъ? Тѣмъ-ли, что я прилагаю всѣ мои старанія, чтобы изъ сквернаго, необузданнаго мальчишки сдѣлать хоть сколько-нибудь приличную барышню?... Юлико сказалъ мнѣ, что ты продолжаешь дразнить его, гадкая дѣвчонка! Предупреждаю, если это будетъ продолжаться, я отниму отъ тебя лошадь и велю запрягать ее въ фаэтонъ для Юлико, а ты будешь сидѣть до тѣхъ поръ дома, пока осенью я не отвезу тебя въ институтъ!

Слова бабушки, какъ громомъ, меня поразили... Мнѣ казалось, что земля уходитъ изъ-подъ моихъ ногъ!

Институтъ... возможность потерять Шалаго... и въ концѣ-концовъ жалобы, вѣчныя жалобы этого противнаго Юлико...

— Нѣтъ... нѣтъ... ни за что не разстанусь съ Шалымъ и не поѣду въ институтъ... Вѣдь не побезутъ-же меня туда связанную въ самомъ дѣлѣ! А Юлико я ненавижу и никогда не перестану изводить его...

Такъ разсуждала я и въ головѣ моей зрѣли планы одинъ другого замысловатѣе, какъ-бы досадить ненавистному мальчишкѣ.

Я вышла, шатаясь, изъ комнаты.

Моя злоба къ Юлико разгоралась все сильнѣе и сильнѣе...

Мнѣ живо стали представляться картины одна другой несообразнѣе, но полныя огня и красокъ, на которыя способно только пылкое воображеніе молоденькой южанки. Мнѣ казалось, что я — могущественная изъ королевъ,

веду непримиримую войну съ моимъ родственникомъ, тоже королемъ, Юлико. Мы бьемся долго, бьемся насмерть... Мои воины оказываютъ чудеса храбрости... Враги побѣждены... Король ихъ—мой плѣнникъ... Онъ стоитъ передо мною, весь закапанный кровью, со связанными за спиной руками, испуганный на-смерть тѣмъ, что его ожидаетъ. А его ожидаетъ смерть. Этого требуютъ мои воины...

— Князь Юлико... т.-е. король (поправляю я себя мысленно), знаете-ли вы, что будетъ съ вами?

Онъ блѣднѣетъ, ноги его дрожатъ и подкашиваются... Онъ на колѣняхъ предо мною униженно молитъ о пощадѣ.

— Вы должны умереть, ваше величество, — говорю я (въ такую минуту я не могу называть его иначе и потомъ онъ, въ моемъ воображеніи, былъ храбръ и дрался, какъ левъ).

Онъ поднимаетъ ко мнѣ блѣдное и прекрасное лицо... (Непремѣнно прекрасное... Юлико, король моей фантазіи, не можетъ обладать длиннымъ носомъ и мышиными глазками настоящаго Юлико). Я читаю въ его лицѣ смертельный ужасъ.

Тогда я сзываю моихъ воиновъ звукомъ серебрянаго рога, такого именно, какой бываетъ только у героевъ и вождей и говорю имъ:

— Я, ваша королева, прошу у васъ милости для этого царственнаго плѣнника... Я отдаю вамъ за его

жизнь всѣ мои сокровища! Вы должны, вопреки обычаю предковъ, пощадить его!

И вожди и воины, пораженные моимъ великодушіемъ, высоко поднимаютъ меня на щитѣ, какъ это дѣлалось у древнихъ народовъ, и молодой плѣнный король склоняется къ моимъ ногамъ, цѣлуя мои одежды.

— Вотъ какъ я тебѣ отомстила, Юлико! — кричу я ему и, забывъ дѣйствительность, бѣгу, какъ безумная, по чинаровой аллеѣ.

Мои щеки горятъ... Разметавшіяся косы хлещутъ меня по спинѣ... Я натыкаюсь на Абрека, сѣдлающаго Шалаго...

— Скорѣй, скорѣй, ѣдемъ, Абрекъ! — кричу я въ изступленіи.

Но вдругъ взглядъ мой замѣчаетъ ненавистную маленькую фигуру, пріютившуюся въ тѣни каштана, и я бросаю новое оскорбленіе Юлико,—не королю воображаемой сказки, а настоящему Юлико съ длиннымъ носомъ и мышиными глазками:

— Слушай, князь-дѣвчонка, если ты еще разъ осмѣлишься сплетничать на меня бабушкѣ, то я затопчу тебя копытами моего Шалаго! Слышишь?

И вихремъ уношусь въ горы...

НИНА! княжна-джанымъ! Сердце мое!

— Бэлла радость!

— Золотая Нина!

— Бэлла! Бэллочка! Драгоцѣнная!

Весь этотъ потокъ нѣжныхъ именъ вылился сразу съ бурными поцѣлуями и горячими объятіями у воротъ нашего сада, гдѣ стояли двѣ чистокровныя горныя лошадки и два джигита, въ праздничныхъ нарядахъ. Въ одномъ я узнала дѣдушку Магомета; другой, молоденькій, быстроглазый, оказался моей хорошенькой теткой, сестрой покойной деды, Бэллой, дочерью Хаджи-Магометъ-Брека. Хотя моя тетка была старше меня лѣтъ на 6 или на 7, но мы были съ нею закадычными друзьями. Бэлла рѣдко бывала въ Гори, и потому ея громадные черные глаза такъ и сіяли жаднымъ любопытствомъ.

— Золотая моя джанымъ, хорошенькая, изумрудная моя, яхонтовая...—тянула она своимъ пѣвучимъ голоскомъ и смѣялась и цѣловала меня и звенѣла запястьями подъ голубымъ, золотомъ шитымъ бешметомъ.

— А мы ѣхали... долго... ѣхали... все горами... горами... останавливались только у духановъ [1], а ночевали въ аулахъ... — разсказывала она, поминутно пересыпая свою рѣчь веселымъ, дѣтски-безпечнымъ смѣхомъ.

— Какъ-же ты безъ чадры [2], Бэлла? — удивилась я, зная, что дѣдъ Магометъ строго придерживается обычаевъ горцевъ.

— Тссъ!—лукаво погрозила она пальцемъ и покосилась на отца, дружески обнимающагося съ подоспѣвшимъ папой.—Чадра подъ бешметомъ... Здѣсь урусы, а ваши женщины не прячутся подъ чадрою... Я въ гостяхъ у урусовъ.

— Молодецъ Бэлла! Ай да дикая козочка,—разсмѣялся мой отецъ и повелъ дорогихъ гостей къ дому.

— А у насъ новость,—шопотомъ сообщала я моему другу.—Пріѣхала чужая бабушка... такая важная и сердитая... А съ нею братъ.... двоюродный... Такой кудрявый... вотъ увидишь, и злющій, какъ голодный волченокъ.

— Голодный волченокъ!—подхватила Бэлла и громко, раскатисто разсмѣялась.

---

[1] Духанъ—кабачокъ, харчевня.

[2] Обычай татарокъ скрывать лицо чадрою.

На крыльцѣ нежданныхъ гостей встрѣтила бабушка со своимъ неизмѣннымъ Юлико.

— Здравствуй, Хаджи-Магометъ, добро пожаловать,— насколько могла любезнѣе, привѣтствовала она дѣда, своего давнишняго врага.

— Здравствуй, княгиня, — сурово, безъ улыбки отвѣтилъ старикъ, не любившій ее за ея чрезвычайную кичливость.

— Здравствуй, госпожа!—прозвучалъ звонко голосокъ Бэллы, и смѣющееся, полное своеобразной прелести личико предстало передъ старухой.

— Эта хорошенькая дѣвушка—твоя дочь, ага-Магометъ?—обратилась бабушка къ гостю.

Тотъ молча кивнулъ головою.

— Ты счастливъ долженъ быть, ага, имѣя такую прекрасную дочь!..—желая довершить любезность, продолжала бабушка.

— Будь благословенна Аллахомъ, госпожа, за твою доброту, — сурово произнесъ старикъ и остановилъ ласковый и грустный взглядъ на дочери.

„Вѣрно онъ вспомнилъ деду“,—подумала я, и не ошиблась.

— У меня была и другая дочь, такая-же прекрасная и добрая, но волею Аллаха она въ раю.. — тихо произнесъ онъ.

Всѣмъ стало грустно... Всѣмъ вспомнилась моя милая, незабвенная красавица-мать.

— А вотъ это внукъ мой, княжичъ Юлико, — не безъ тайной гордости произнесла бабушка, выдвигая впередъ своего любимца.

И вдругъ веселое личико моей молоденькой тетки сморщилось отъ смѣха, и задрожали и запрыгали на ея груди звонкія золотыя монисты и ожерелья.

Она безъ церемоніи трогала пальцами бархатный костюмчикъ моего кузена, его отложной воротничокъ, его длинные, какъ у дѣвочки, кудри и хохотала до упаду.

— Косы дѣвушки... шальвары мальчика... ай да джигитъ! — кричала она, не стѣсняясь, между бѣшеными приступами хохота.

Мы съ отцомъ не могли не улыбнуться, смотря на эту веселую и живую дикарку.

— Перестань, Бэлла! — строго прикрикнулъ дѣдъ, видя, что старая княгиня начинаетъ краснѣть отъ приступа досады и самъ виновникъ этого смѣха не знаетъ куда дѣться отъ смущенія.

Смѣхъ прекратился, но Бэлла долго не могла успокоиться. Много позднѣе, съ возрастающимъ хохотомъ, говорила мнѣ:

— Я думала, это кукла... а онъ живой, настоящій... Джигитомъ будетъ.

И мы обѣ, и тетка и племянница, полныя веселья и жизненнаго задора, умирали со смѣху.

— Знаешь, зачѣмъ я пріѣхала? джанночка, свѣтикъ мой!—говорила мнѣ она, увлекая меня на наше любимое

мѣсто—подъ вѣтви старой густолиственной чинары, и быстро продолжала, не дожидаясь моего отвѣта:—Вѣдь Бэлла, не простая Бэлла, Бэлла счастливая... подъ хорошей звѣздой родилась... Бэлла замужъ идетъ за узденя... за богатаго... всего

— У меня была и другая дочь...

много будетъ... и табунъ будетъ... и стадо будетъ... и золото... все!

— Бэллочка! — воскликнула я въ ужасѣ, — ты замужъ! Да вѣдь ты маленькая!

— Маленькая!..—засмѣялась она неудержимымъ смѣхомъ.—Такъ чтожъ? Мнѣ лѣтъ много... Еще весна... и еще весна... и еще... три весны и еще... и Бэлла-старуха... и никто не женится на Бэллѣ... даже самый старый пастухъ...

— Да какъ-же, Бэллочка, я-то? — чуть не съ плачемъ вырвалось у меня.

— У-у, глупая джанночка! Ты моя подруга будешь, самая близкая... Сестра будешь... На свадьбѣ моей лезгинку плясать будешь. У-у, красавица моя, лань быстроглазая! душечка!

И она опять цѣловала меня крѣпко и восторгалась мною съ живостью и горячностью ея азіатской натуры.

Мнѣ ужасно страннымъ казалось, что крошка-Бэлла, семнадцатилѣтняя дѣвушка, подруга моихъ дѣтскихъ игръ, сорванецъ и веселая шалунья, выходитъ замужъ. Я боялась лишиться моей бойкой, черноглазой подруги, но желаніе присутствовать на ея свадьбѣ, плясать удалую лезгинку, которую я исполняла въ совершенствѣ, а главное—возможность уѣхать на нѣсколько дней въ горы, гдѣ я не была ни разу со дня смерти деды и гдѣ меня видѣли въ послѣдній разъ маленькимъ шестилѣтнимъ ребенкомъ—вотъ что меня обрадовало! И, не отдавая себѣ отчета въ томъ—будетъ-ли или не будетъ счастлива Бэлла, захваченная мыслью о предстоящихъ

мнѣ удовольствіяхъ, я запрыгала и закружилась, хлопая въ ладоши, вокругъ моей хорошенькой пріятельницы.

— Ай, Бэлла, ты княгиня будешь... настоящая княгиня! Ваше сіятельство...

И мы снова обнимались и хохотали, приводя бабушку въ негодованіе нашими дикими проявленіями восторга.

— А когда-же мы поѣдемъ?—приставала я къ отцу за обѣдомъ, лукаво переглядываясь съ сидящей противъ меня Бэллой.

— Завтра я отпущу васъ съ Юлико... Дѣдушка Магометъ,—обратился отецъ къ своему тестю,—ты возьмешь съ собою маленькаго княжича?

— Въ домѣ стараго Магомета рады гостямъ! — ласково отвѣтилъ мой дѣдъ.—А развѣ княгиня побрезгуетъ моимъ гостепріимствомъ?

Но бабушка съ любезной благодарностью отклонила предложеніе.

— Стара я уже для такихъ поѣздокъ, — сказала она,—а Юлико пусть ѣдетъ,—добавила она милостиво.—Только я не отпущу его безъ старой Анны. А ты, Георгій, не поѣдешь въ горы?..—обратилась она къ отцу.

Но у отца были постоянныя занятія. Войска перебирались въ лагерь, и онъ не могъ отлучиться надолго отъ своего полка.

— Я пришлю тебѣ мой подарокъ, Бэлла, — ласково обратился отецъ къ затуманившейся на минуту своячениць.

Они были большими друзьями, и молодой горянкѣ очень хотѣлось видѣть его на своей свадьбѣ.

Напоминаніе о подаркѣ, однако, живо прогнало печаль съ ея милаго личика, и она уже громко смѣялась и, хлопая въ ладоши, разсказывала, какая она будетъ знатная, богатая узденьша.

— Барбалэ, на зарѣ мы уѣзжаемъ... Прощай!—кричала я, съ шумомъ распахивая дверь каморки Барбалэ,— уѣзжаемъ всѣ, дѣда, Бэлла, Анна, я и Юлико.

— Анна? и она уѣзжаетъ?—встрепенулась моя старушка.

— И Анна! и Анна! Ты можешь одна подавать на столъ твоему князю, печь лобіи [1] и мариновать персики. Анна уѣзжаетъ, радуйся, моя Барбалэ!

И возвѣстивъ любимой служанкѣ столь радостную для нея вѣсть, я уже мчалась дальше по слѣдамъ Бэллы, крича во все горло: „Завтра на зарѣ мы уѣзжаемъ".

— Михако, миленькій, ты хорошенечко присматривай за Шалымъ,—упрашивала я нашего денщика.—Пожалуйста, Михако.

— Будьте покойны, княжна,—успокаивалъ онъ меня, гладя лоснящуюся спину моего вороного.

— Я уѣзжаю завтра съ дѣдой, — обратилась я къ Родамъ, тщательно разглаживавшей кружевные воротнички Юлико.

---

[1] Любимое грузинское кушанье.

— Прощай, Родамъ, я уѣзжаю надолго.

Нельзя сказать, чтобы дѣвушка приняла съ особенной печалью эту новость.

Вечеромъ того-же дня, я, уходя спать, завернула въ кабинетъ отца. Онъ лежалъ на тахтѣ со своей неизмѣнной трубкой въ зубахъ.

— Папа!— тихо сказала я,—завтра мы уѣзжаемъ. Ты прости мнѣ, папа, мои стычки съ Юлико, но я его такъ ненавижу!

— За что, Нина?—спросилъ отецъ.

— Ахъ, не знаю, право...—отвѣтила я.

Въ этотъ вечеръ мы долго слушали соловья...

Кажется, за все, за важность, за чванство, за трусость... ну, словомъ за все, за все.

— И ты думаешь, мнѣ это пріятно, дѣвочка?—И въ голосѣ моего отца послышались непривычныя для моего уха нотки грусти.

— Папочка,—пылко вырвалось у меня,—я знаю, я—дурная, злая дѣвчонка, но зачѣмъ они пріѣхали! Безъ нихъ было такъ хорошо!

— Тише! что ты, глупенькая!—и отецъ зажалъ мнѣ ротъ рукою, которую я покрыла горячими, бурными поцѣлуями.

— Ну, что мнѣ дѣлать съ тобою, буйная ты моя, непобѣдная головушка?—улыбнулся какъ-то грустно отецъ и добавилъ тихо:—Тамъ-то, въ гостяхъ, веди себя, по крайней мѣрѣ, хорошенько. Я спрошу по пріѣздѣ дѣдушку.

— О, да!—убѣжденно вырвалось у меня,—я обѣщаю тебѣ это, отецъ!—И поцѣловавъ его еще разъ, я птичкой выпорхнула изъ комнаты.

Въ этотъ вечеръ мы долго слушали соловья съ Бэллой. Потомъ, обнявшись, пошли въ комнату, гдѣ спали въ эту ночь вдвоемъ на широкой тахтѣ.

Молоденькая татарка сбросила съ ногъ красныя сафьяновыя туфельки и долго молилась, повернувшись лицомъ къ востоку. Ея лицо было серьезно и важно и мало походило на лицо той Бэллы, которая съ крикомъ и визгомъ гонялась за мной по аллеямъ сада.

— Слава Аллаху и Магомету — Пророку его!—вырывался по временамъ изъ груди ея молитвенный шопотъ.

Глядя на мою подругу, встала на молитву и я.

— Господи, — съ тоской повторяла я, — помоги Ты мнѣ, Господи, поменьше обижать Юлико и побольше радовать папу!

Въ дорогѣ. Аулъ Бестуди. Свадьба Бэлы.

Мы выѣхали на зарѣ... Еще за долго до восхода у воротъ стояла почтовая коляска, куда Родамъ, Абрекъ и Андро переносили всевозможные узелки и тюрички съ пожитками и провизіей. Бабушка напутствовала на крыльцѣ Юлико:

— Ты помни, милый, что настоящій князь долженъ держать себя съ достоинствомъ,—говорила она.—Веди же себя въ чужомъ аулѣ, какъ подобаетъ тебѣ по твоему происхожденію.

И она перекрестила его нѣсколько разъ и поцѣловала съ материнскою нѣжностью.

— Прощайте, бабушка,—подошла я къ ней.

— Прощай, — сухо кивнула она мнѣ и протянула руку для поцѣлуя. — Не обижай Юлико... Веди себя прилично...

— Я уже обѣщала это моему отцу! — не безъ гордости заявила я и, еще разъ повиснувъ на папиной шеѣ, шепнула ему, пока онъ цѣловалъ меня въ „свои звѣздочки“, какъ называлъ онъ мои глаза въ минуту особой нѣжности: — Слышишь? я обѣщала это тебѣ и постараюсь сдержать мое обѣщаніе.

Бэлла занесла ногу въ стремя и глядѣла на дѣдушку Магомета, готовая повиноваться по одному его взгляду. Она съ дѣдой ни за что не хотѣли сѣсть въ коляску и рѣшили сопровождать насъ всю дорогу верхомъ. Со мной въ экипажъ сѣли Анна и Юлико. Абрекъ помѣстился на козлахъ вмѣстѣ съ ямщикомъ-татариномъ. Нарядный и изнѣженный, какъ всегда, Юлико полулежалъ на пестрыхъ подушкахъ тахты, взятыхъ изъ дому. Ему хотѣлось спать, и онъ поминутно жмурился на появляющійся изъ-за горъ багровый дискъ солнца.

— Ну, храни васъ Богъ!—осѣнилъ отецъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ коляску, провожая меня долгимъ, любящимъ взглядомъ..

Лошади тронулись...

Горы и скалы, пастбища и поля, засѣянныя кукурузой, замелькали передъ нами. Мы ѣхали по долинѣ Куры и любовались ея плавнымъ теченіемъ. Изрѣдка на пути попадались намъ развалины крѣпостей и замковъ.

Къ вечеру мы остановились перемѣнить лошадей и отдохнуть въ духанѣ, прежде чѣмъ вступить за черту

въ горы. Духанъ стоялъ у подошвы горы, весь почти скрытый подъ навѣсомъ исполинской скалы... Хозяинъ духана, старый армянинъ, принялъ насъ какъ важныхъ путешественниковъ и гостепріимно открылъ намъ двери духана. Намъ отвели самую лучшую комнату съ громаднымъ бухаромъ [1], въ которомъ жарился на угольяхъ ароматичный кусокъ баранины. Вкусный шашлыкъ [2], соленый квели [3], легкое грузинское вино, заѣдаемое ловашами [4],— все было вмигъ уничтожено проголодавшимися желудками.

— Ночь мы проведемъ въ горахъ,—заявилъ дѣда Магометъ, чѣмъ привелъ меня въ неописуемый восторгъ.

— А тамъ нѣтъ разбойниковъ?—тревожно спросилъ задремавшій было у камина княжичъ.

— Душманы [5] всюду... Душманами кишатъ горы,— со смѣхомъ воскликнула Бэлла, но, замѣтивъ растерянный видъ Юлико, сразу осѣклась.

Я-же, помня обѣщаніе, данное отцу, старалась ничѣмъ не дразнить трусливаго мальчика.

На свѣжихъ горныхъ лошадкахъ мы бойко въѣхали въ горы. Я удивлялась только выносливости коней дѣды и Бэллы, которые неустанно ступали за ними своей быстрой иноходью. Мнѣ хотѣлось спать, но картина горной ночи была до того заманчиво-прекрасна, что я гля-

---

[1] Каминъ.
[2] Восточное кушанье изъ баранины.
[3] Мѣстный сыръ.
[4] Лепешки, замѣняющія хлѣбъ.
[5] Горные разбойники.

дѣла на нее, не отрываясь и забывая о снѣ. Палевый дискъ мѣсяца обливалъ горы блѣдно-золотистымъ дрожащимъ свѣтомъ. Внизу бѣжали потоки, шумя и волнуясь, точно спѣша на званый праздникъ... По краямъ дороги зіяли пропасти, страшныя и непроницаемыя... Часто-часто среди ночной тишины, обрывался камень отъ уступа и падалъ съ оглушительнымъ стономъ въ жадныя объятія бездны... Юлико вздрагивалъ отъ страха и съ испугомъ открывалъ слипшіеся глаза... Онъ пугался шума горныхъ потоковъ и поминутно вскрикивалъ при паденіи небольшихъ обваловъ и хваталъ то меня, то Анну за руку.

Между тѣмъ мы поднимались все выше и выше въ горы, теперь уже вдоль теченія быстрой Арагвы. Миновавъ ее, мы начали углубляться въ страну горцевъ.

Я уснула, убаюканная мирнымъ позвякиваніемъ нашихъ бубенчиковъ, въ первый разъ чувствуя себя свободной отъ нравоученій и поминутныхъ выговоровъ бабушки...

Проснулась я во время остановки у новаго духана. Подлѣ меня спала Бэлла. Ни мало не уставшая отъ проведенной въ сѣдлѣ ночи, она сѣла въ коляску по настоянію дѣды. Княжичъ Юлико прикурнулъ бѣлокурой головкою къ плечу старой Анны и также спалъ.

А солнце уже поднялось высоко и озолотило скаты горъ, покрытые зеленью и лѣсомъ...

Мы ѣхали теперь по узкой тропинкѣ на самомъ краю ущелья. Я взглянула внизъ, свѣсившись черезъ край коляски, и тотчасъ же зажмурила глаза, испугавшись зіяющей пасти черной бездны.

— Дѣда!—тихонько окликнула я старика, ѣхавшаго за нами и ведшаго на поводу коня Бэллы,—скоро Бестуди?

Онъ тихо засмѣялся въ отвѣтъ:

— Скоро захотѣла, торопиться некуда—успѣемъ!

— Возьми меня на сѣдло, дѣда!—попросила я, и старикъ, любившій меня, пожалуй, не меньше своей Бэллы, протянулъ свои сильныя руки и, перебросивъ меня черезъ кузовъ коляски, опустилъ на сѣдло Бэллиной лошади.

— Берегись, джанымъ, предайся волѣ коня и сиди спокойно,—сказалъ онъ, краснорѣчиво косясь на пропасть.

— Я не боюсь!—не безъ тайной гордости воскликнула я.

И дѣйствительно, я больше не ощущала страха.

Цѣлый день ѣхала я по краю горной стремнины, точно вросшая въ сѣдло моего коня... Иногда я понукала его легкимъ движеніемъ каблучка и ужасно радовалась, когда дѣдъ Магометъ оглядывался назадъ и обнималъ всю мою маленькую фигурку ободряющимъ и въ то-же время любующимся взглядомъ.

Вдругъ я замѣтила горнаго тура, выбѣжавшаго на самый край пропасти.

Мы ѣхали теперь по тропинкѣ на самомъ краю ущелья...

— Ахъ,—успѣла только крикнуть я,—смотрите!

Но туръ повелъ своими круглыми глазами, и увидя приближающуюся кучку людей, скрылся за уступомъ.

Намъ попадались на встрѣчу цѣлыя стада сернъ, прелестныхъ и граціозныхъ, съ умными глазами и гибкими членами. Онѣ разбѣгались при нашемъ приближеніи, пугливыя и дикія, съ вѣтвистыми рогами.

Проведя еще ночь подъ кровлей горнаго духана, мы, наконецъ, къ вечеру подъѣхали къ аулу Беджитъ.

Я первая замѣтила его бѣлѣющія сакли и радостно закричала привѣтствіе, подхваченное горнымъ эхомъ и разбудившее все еще соннаго Юлико.

Еще немного — и миновавъ Беджитъ съ его большими и богатыми саклями и высокою мечетью [1], мы выѣхали въ лѣсистую долину и стали снова подниматься къ аулу Бестуди, прилѣпившемуся своими саклями къ горнымъ склонамъ.

Вотъ полуразвалившіяся бойницы крѣпости, вотъ кривая улица, ведущая къ дому дѣда... По ней, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, русскій воинъ и князь увозилъ, пользуясь покровомъ ночи, неоцѣненную добычу—красавицу-горянку.

Я вспомнила этотъ аулъ при первомъ-же взглядѣ, несмотря на то, что была здѣсь очень маленькой дѣвочкой.

---

[1] Мусульманскій храмъ.

Насъ встрѣтилъ старый наибъ [1], весь затканный серебромъ, съ дорогимъ оружіемъ у пояса. Наибъ привѣтствовалъ дѣда съ благополучнымъ возвращеніемъ.

— Моя внучка—княжна Джаваха-оглы-Джамата,— представилъ онъ меня наибу.

— Привѣтствую дочь русскаго бека [2] въ моемъ аулѣ,—величаво и торжественно произнесъ старикъ.

— Это отецъ моего жениха,—успѣла мнѣ шепнуть Бэлла.—Онъ тоже бекъ, наибъ нашего аула. Онъ важный ага... А я буду женою его сына,— не безъ гордости произнесла она.

— И тоже будешь тогда важная!—засмѣялась я.

— Глупая джанночка! — расхохоталась Бэлла. — А вотъ и наша сакля [3]. Помнишь?

Коляска остановилась у большой сакли дѣда, пріютившейся на самомъ краю аула, подъ навѣсомъ скалы, созданнымъ самой природой, словно позаботившейся объ охраненіи ея плоской кровли отъ горныхъ дождей.

— Вотъ мое царство!—и съ этими словами Бэлла ввела насъ подъ свою кровлю.

Въ первой комнатѣ, устланной коврами и увѣшанной по стѣнамъ оружіемъ, стояли низенькія тахты и лежали на коврахъ подушки. Комната эта называлась „ку-

---

[1] Старшина селенія.
[2] Князя.
[3] Домикъ горцевъ.

нацкой". Здѣсь дѣда принималъ своихъ гостей, здѣсь пировали лезгины своего и чужихъ ауловъ.

Комнатка Бэллы, маленькая, уютная, съ ходомъ на кровлю, была тоже сплошь устлана коврами. Юлико разсматривалъ всю обстановку сакли любопытными глазами. Онъ даже на минуту оживился отъ своей сонливости и, войдя на кровлю, свѣсившуюся надъ бездной и охраняемую горной скалою, сказалъ:

— Здѣсь точно въ сказкѣ! Я вамъ завидую, Бэлла!

Она, конечно, не поняла, чему онъ завидуетъ, но разсмѣялась по обыкновенію своимъ заразительнымъ смѣхомъ.

Между тѣмъ со всего аула бѣжали маленькіе горяне и горянки къ саклѣ Хаджи Магомета. Они съ нескрываемымъ любопытствомъ горныхъ звѣрьковъ оглядывали насъ, трогали наше платье, и безцеремонно указывая на насъ пальцами, твердили на своемъ нарѣчіи:

— Не хорошо... Смѣшные...

Имъ страннымъ казались наши скромныя, по ихъ мнѣнію, одежды безъ серебряныхъ украшеній и позументовъ. Даже бархатная курточка Юлико не производила на нихъ никакого впечатлѣнія въ сравненіи съ ихъ пестрыми, атласными бешметами.

— Глупые, маленькіе дикари! — обидчиво произнесъ Юлико, когда Бэлла перевела намъ наивный лепетъ юнаго татарскаго населенія. А они, раскрывъ свои черные газельи глазки, лепетали что-то оживленно и скоро,

удивляясь, чему сердится этотъ смѣшной, бѣленькій мальчикъ.

Вечеромъ я заснула на открытомъ воздухѣ, на плоской кровлѣ, гдѣ хорошенькая Бэлла сушила виноградъ и дыни...

Уже горы окунулись во мракъ ночи, уже мулла прокричалъ свою вечернюю молитву съ крыши минарета [1], когда прямо на мою низенькую, почти въ уровень съ поломъ постель прыгнулъ кто-то съ ловкостью горной газели.

— Спишь, радость?—услышала я шопотъ моей шалуньи-тетки.

— Нѣтъ еще! а что?

— Хочешь, покажу моего жениха, молодого князя? Онъ у отца въ кунацкой... Иди за мной.

И, не дожидаясь моего отвѣта, Бэлла, ловкая и быстрая, какъ кошка, стала спускаться по крутой лѣстницѣ. Черезъ минуту мы уже прильнули къ окну кунацкой... Тамъ было много народу, все сѣдые большею частью, важные лезгины. Былъ тутъ и старый бекъ — наибъ аула, встрѣтившій насъ по пріѣздѣ. Между всѣми этими старыми, убѣленными мудрыми сѣдинами людьми, ярко выдѣлялся стройный и тоненькій, совсѣмъ юный, почти ребенокъ, джигитъ.

— Это и есть мой Израилъ!—шепнула мнѣ Бэлла.

---

[1] Башня на мечети.

— Красивый мальчикъ!—убѣжденно замѣтила я. — Зачѣмъ они собрались, Бэлла?

— Тсс! — тише, глупенькая... Услышатъ — бѣда будетъ. Сегодня они съ отцомъ вносятъ моему отцу калымъ [1]... Сегодня калымъ, черезъ три дня свадьба... Продали Бэллу... „Прощай, свобода!“ скажетъ Бэлла... — грустно заключила она.

— А развѣ ты не хочешь выйти за Израила? — заинтересовалась я.

— Страшно, джанымъ: у Израила мать есть, сестра есть... и еще сестра... много сестеръ... На всѣхъ угодить надо... Страшно... А, да что ужь,—неожиданно прибавила она и вдругъ залилась раскатистымъ смѣхомъ,— свадьба будетъ, новый бешметъ будетъ, барана зажарятъ, палить будутъ, джигитовка... Славно! И все для Бэллы!.. Ну, айда, бѣжимъ, а то замѣтятъ!—и мы съ гиканьемъ и смѣхомъ отпрянули отъ окна и бросились къ себѣ, разбудивъ по дорогѣ заворчавшую Анну и Юлико.

Черезъ три дня была свадьба...

Она съ утра сидѣла въ саклѣ на своей половинѣ, гдѣ старая лезгинка, ея дальняя родственница, убирала и плела ея волосы въ сотни тоненькихъ косичекъ. Набралось сюда не мало лезгинскихъ дѣвушекъ — поглазѣть на невѣсту. Тутъ была стройная и пугливая, какъ серна, Еме и Зара съ недобрымъ, восточнымъ ли-

---

[1] Выкупъ. По обычаю горцевъ, женихъ даетъ деньги за невѣсту.

цомъ, завидовавшая участи Бэллы, и розовая Салеме съ кошачьими ухватками и многія другія.

Но Бэлла, переставшая почему-то смѣяться, жалась ко мнѣ, пренебрегая обществомъ своихъ подругъ.

— Нина, свѣтикъ, яхонтовая... — шептала она по временамъ и быстро, быстро и часто цѣловала меня въ глаза, лобъ и щеки.

Она волновалась... Въ бѣломъ, шитомъ серебромъ бешметѣ, въ жемчужной шапочкѣ, съ длинной, мастерски затканной чадрой, съ массою ожерелій и запястій, которыя поминутно позвякивали на ея твердой и тонкой смуглой шейкѣ, Бэлла казалась красавицей.

Я не могла не сказать ей этого.

— У-у, глупенькая,—снова услышала я ея серебристый смѣхъ,—что говоритъ-то, сама душечка! У-у, газельи глазки, розаны-губки, зубы-жемчужины!—истинно восточными комплиментами наградила она меня.

Потомъ вдругъ оборвала смѣхъ и тихо шепнула: „пора“.

Еме подала ей бубенъ... Она встала, повела глазами, блестящими и тоскливыми въ одно и то же время, и вдругъ, внезапно сорвавшись съ мѣста и ударяя въ бубенъ, понеслась по ковру въ безумной и упоительной родимой пляскѣ.

Бубенъ звенѣлъ и стоналъ подъ ударами ея смуглой хорошенькой ручки. Стройная ножка скользила по ковру... Она вскрикивала по временамъ быстро и одно-

сложно, сверкая при этомъ черными и глубокими, какъ горная стремнина, глазами. Потомъ закружилась, какъ волчокъ, въ ускоренномъ темпѣ лезгинки, окруженная, точно облакомъ, развѣвающеюся бѣлою чадрою.

И вдругъ понеслась по ковру въ безумной и упоительной пляскѣ...

Салеме, Еме, Зара и другія дѣвушки ударяли въ тактъ въ ладоши и притоптывали каблуками.

Потомъ плясали онѣ. Наконецъ, очередь пришла на меня. Мнѣ было совѣстно выступать на судъ этихъ дикихъ, ничѣмъ не стѣсняющихся дочерей аула, но не плясать на свадьбѣ — значило обидѣть невѣсту и, скрѣпя сердце, я рѣшилась. Я видѣла, какъ во снѣ, усмѣхающееся не доброе лицо Зары и поощрительно улыбающіеся глазки Бэллы, слышала громкіе возгласы одобренія, звонъ бубна, веселый крикъ, пѣсни... Я кружилась все быстрѣе и быстрѣе, какъ птица летая по устланному коврами полу сакли, звеня бубномъ, переданнымъ мнѣ Бэллой, и разбросавъ по плечамъ черныя кудри, хлеставшія мое лицо, щеки, шею...

— Якши! [1] Нина молодецъ! Хорошо, дѣвочка! Ай-да урусъ! ай-да дочь русскаго бека! — услышала я голосъ моего дѣда, появившагося во время моей пляски на порогѣ сакли вмѣстѣ съ важнѣйшими гостями.

— Якши, внучка!—еще разъ улыбнулся онъ и протянулъ руки.

Я со смѣхомъ бросилась къ нему и скрыла лицо на его груди... И старые, строгіе цѣнители лезгинки, сами мастерски ее танцующіе черкесы, хвалили меня.

Между тѣмъ Бэлла, которая не могла, по обычаю племени, показываться въ день свадьбы гостямъ, набросила на лицо чадру и скрылась за занавѣской.

[1] Хорошо.

Изъ кунацкой доносились плачущіе звуки зурны [1] чіунгури. Дѣдъ Магометъ и бекъ-наибъ позвали всѣхъ въ кунацкую, гдѣ юноша-сазандаръ [2], съ робкими мечтательными глазами настраивалъ зурну.

Я и Юлико послѣдовали туда за взрослыми.

— Какъ вы хорошо плясали, Нина; куда лучше всѣхъ этихъ дѣвушекъ,—шепнулъ мнѣ восторженно мой двоюродный братъ.—Я-бы хотѣлъ научиться плясать такъ-же.

„Куда тебѣ, съ твоими кривыми ногами!“ — хотѣлось крикнуть мнѣ, но вспомня обѣщаніе, данное мною отцу, я сдержалась.

Лезгины разсѣлись по тахтамъ и подушкамъ. Слуги поставили между ними дымящіеся куски баранины, распространяющіе вкусный ароматъ, блюда съ пряными сладостями, кувшины съ душистымъ шербетомъ [3] и съ какою-то переливающеюся янтарною влагою, которую они пили, вспоминая Аллаха.

Дѣвушки одна за другою выходили на середину и съ пылающими лицами и блестящими глазами отплясывали лезгинку. Къ нимъ присоединялись юноши-лезгины, стараясь превзойти другъ друга въ искусствѣ танцевъ. Только юный бекъ Израилъ, женихъ Бэллы, сидѣлъ задумчивый между дѣдомъ Магометомъ и своимъ отцомъ наибомъ. Мнѣ было почему-то жаль моло-

---

[1] Музыкальный инструментъ въ родѣ волынки.
[2] Странствующій пѣвецъ.
[3] Лакомство на Востокѣ.

денькаго бека, жаль и Бэллу, связанныхъ на вѣки другъ съ другомъ по желанію старшихъ, и я искренно пожелала имъ счастья...

Лезгинка кончилась и выступилъ сазандаръ со своей чіунгури [1].

Онъ тихо провелъ рукой по струнамъ своего инструмента, и запѣли струны, которымъ вторилъ молодой и сочный голосъ сазандара.

Онъ пѣлъ о недавнемъ прошломъ, о могучемъ черномъ орлѣ, побѣжденномъ бѣлыми соколами, о кровавыхъ войнахъ и грозныхъ подвигахъ лихихъ джигитовъ... Мнѣ казалось, что я слышала и вой пушекъ и ружейные выстрѣлы въ сильныхъ звукахъ чіунгури... Потомъ эти звуки заговорили иное... Струны запѣли о бѣломъ плѣнникѣ и любви къ нему джигитской дѣвушки. Тутъ была цѣлая поэма съ соловьиными трелями и розовымъ ароматомъ...

И сѣдые, важные лезгины, престарѣлые наибы сосѣднихъ ауловъ и гордые беки слушали, затаивъ дыханіе, смуглаго сазандара...

Онъ кончилъ и въ его ветхую папаху, встрѣтившую не одну непогоду подъ открытымъ небомъ, посыпались червонцы.

Между тѣмъ наступалъ вечеръ. Западъ заалѣлъ нѣжнымъ заревомъ. Солнце пряталось въ горы...

---

[1] Родъ гитары.

Бекъ Израилъ первый всталъ и ушелъ съ пира; черезъ пять минутъ мы услышали ржаніе коней и онъ съ десяткомъ молодыхъ джигитовъ умчался изъ аула, въ свое помѣстье, лежавшее недалеко въ горахъ. Дѣдъ Магометъ, взволнованный, но старавшійся не показывать своего волненія передъ гостями, пошелъ на половину Бэллы. Я, Юлико и дѣвушки—подруги невѣсты послѣдовали за нимъ.

Тамъ онъ трогательно простился съ дочерью. Въ первый разъ я увидѣла слезы въ глазахъ хорошенькой Бэллы.

— Да будетъ благословенье Аллаха надъ моей голубкой, — тихимъ, растроганнымъ голосомъ произнесъ старикъ и положилъ руку на черную головку молодой дѣвушки, припавшей на его грудь.

Потомъ мы провожали Бэллу, усадили ее въ крытую арбу, всю закутанную отъ любопытныхъ глазъ непроницаемой чадрою. Въ одинъ мигъ ее окружили полсотни всадниковъ изъ лучшихъ джигитовъ аула Бестуди.

— Прощай, Нина, прощай, миленькая джанымъ, прощай, бирюзовая! — успѣла она шепнуть мнѣ, и наскоро прижалась мокрой отъ слезъ щекой къ моему лицу.

Лошади тронулись. Заскрипѣла арба, заскакали съ дикимъ гиканьемъ всадники, джигитуя всю дорогу отъ аула до помѣстья наиба.

Вотъ она дальше, дальше эта тяжелая, скрипучая

арба, окруженная гарцующими горцами. Вотъ еще разъ мелькнула своимъ бѣлымъ полотнянымъ верхомъ и исчезла за горнымъ утесомъ...

Мы вернулись въ саклю. Пустой и неуютной показалась мнѣ она по отъѣздѣ Бэллы.

— Да... да...—поймавъ мой тоскующій взоръ, произнесъ загрустившій, какъ-то разомъ осунувшійся дѣдушка, — двѣнадцати лѣтъ не минуло, какъ одна дочь упорхнула, а теперь опять другая... Обѣ важныя, обѣ княгини, обѣ въ золотѣ и довольствѣ... А что толку? Что мнѣ осталось?

— Я тебѣ осталась, дѣдушка-Магометъ. Я, твоя Нина, осталась тебѣ!—пылко вырвалось у меня и я обвила сильную шею старика моими слабыми, дѣтскими руками.

Онъ заглянулъ мнѣ въ глаза внимательнымъ и острымъ взглядомъ. Должно-быть, много любви и беззавѣтной ласки отразилось въ нихъ, если вдругъ теплый лучъ скользнулъ по его лицу и онъ, положивъ мнѣ на лобъ свою жесткую руку, прошепталъ умиленно:

— Спасибо тебѣ, малютка. Храни тебя Аллахъ за это, бѣлая птичка изъ садовъ рая!

ГЛАВА VI.

Княгини.
Хвастунишка.
Пажъ и королева.
Ночные страхи.

ГНѢЗДЫШКО опустѣло... Выпорхнула пташка. Смолкли веселыя пѣсни въ саклѣ Хаджи-Магомета, не слышно въ ней больше веселаго смѣха Бэллы...

Мы съ Юлико и Анной навѣстили на другой день молодую княгиню въ ея помѣстьѣ. Настоящимъ земнымъ раемъ показался намъ уголокъ, гдѣ поселилась Бэлла. Помѣстье Израила и его отца лежало въ чудесной лѣсистой долинѣ, между двумя высокими склонами горъ, образующими ущелье. Весь садъ около дома былъ полонъ душистыхъ и нѣжныхъ азалій; кругомъ тянулись пастбища, гдѣ безъ призора паслись стада овецъ. Табунъ лучшихъ горныхъ лошадокъ гулялъ тутъ-же.

Новая родня Бэлла жила отдѣльно, въ большомъ домѣ, въ верстѣ отъ сакли Израила.

Мы застали Бэллу за разсматриваніемъ подарковъ,

присланныхъ ей наканунѣ моимъ отцомъ. Она была въ расшитомъ серебромъ бешметѣ, съ массою новыхъ украшеній и ожерелій на шеѣ, и перебирала въ рукахъ золотыя нити, украшенныя камнями, тихо, радостно смѣясь. Ея юный мужъ сидѣлъ подлѣ на корточкахъ и тоже смѣялся весело и безпечно.

— Они совсѣмъ точно дѣти, смотри! — шепнула я Юлико съ важностью взрослой, чѣмъ несказанно насмѣшила молодую.

— Здравствуй, джанымъ, здравствуй, княжичъ!— вскрикнула она, цѣлуя насъ и не переставая смѣяться.

По ея лицу я замѣтила, что она счастлива.

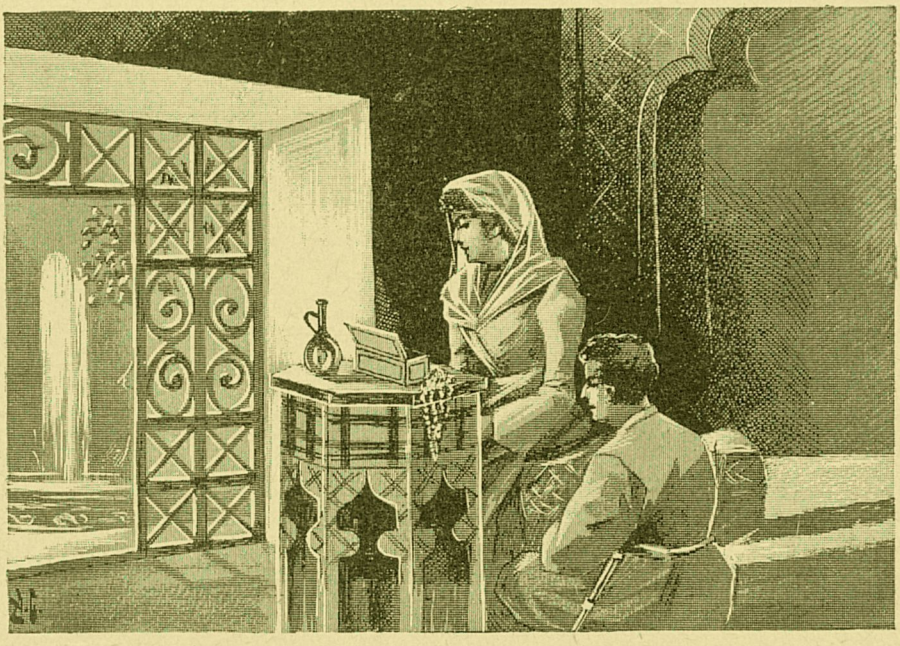
Черезъ пять минутъ она уже сорвалась съ персидской тахты и съ визгомъ гналась за мной по долинѣ, начинавшейся за садомъ. Израилъ, забывъ свое княжеское достоинство, слѣдовалъ за нами, бѣгло оглядываясь, не видитъ-ли кто-нибудь изъ нукеровъ дикую скачку своего бека. И Бэлла и Израилъ гораздо болѣе походили на дѣтей, нежели одиннадцатилѣтній Юлико, ушедшій весь въ презрительное созерцаніе нашей забавы. Я могла радоваться отъ души, что не теряю Бэллы, шалуньи Бэллы, горной козочки-попрыгуньи, незамѣнимаго товарища моихъ дѣтскихъ продѣлокъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ, она неожиданно стала серьезной.

— Скажи отцу, — произнесла она, и глаза ея въ эту минуту были торжественны и горды,—что я и мой

господинъ,—тутъ она метнула взоромъ въ сторону Израила, столь-же похожаго на господина, сколько Юлико на горнаго оленя,—что мой господинъ ждетъ его къ себѣ.

— И что сказать еще, Бэлла?



Мы застали Бэллу за разсматриваніемъ подарковъ...

— Скажи ему то, что видѣла и... ну,—что счастлива Бэлла... скажи, что хочешь, маленькая джанымъ!

— Прощайте, княгиня! — неожиданно расшаркался передъ нею Юлико съ граціей и важностью маленькаго маркиза.

Она не поняла сначала, потомъ такъ и прыснула со

смѣху и, обхвативъ его за курчавую голову, вьюномъ закружилась по скалѣ.

— Однако, княгинѣ Бэллѣ не мѣшаетъ поучиться хорошимъ манерамъ!—говорилъ мнѣ на обратномъ пути мой двоюродный братецъ.

— Сиди смирно, а то ты скатишься въ пропасть,— презрительно оборвала я его, обиженная за моего друга, отодвигаясь отъ Юлико въ самый уголъ коляски.

* * *

— Ну, что Бэлла?

— Что княгиня?

— Много стада?

— Большой табунъ?

— Есть новыя ожерелья?

Этими вопросами забросали насъ Еме, Зара, Салеме, Фатима и другія подруги Бэллы, ожидавшія насъ при въѣздѣ въ аулъ. Онѣ проводили насъ до сакли дѣда и съ любопытствомъ слушали мои разсказы о житьѣ молодой княгини.

— Слава Аллаху, если дочь моя счастлива... — сказалъ дѣдъ-Магометъ, направляясь къ своему пріятелю-муллѣ, которому онъ сообщалъ всѣ свои и радости и невзгоды.

Съ его уходомъ опять посыпались на мою голову разспросы юныхъ джигитокъ.

— А велика-ли сакля бека?

— Много оружія?

— А нукеровъ много?

Я еле успѣвала отвѣчать на вопросы молодыхъ татарокъ.

— О, какъ-бы я хотѣла, волею Аллаха, быть на мѣстѣ Бэллы!—искренно воскликнула миловидная, розовенькая Салеме, всплеснувъ руками.

— Что она говоритъ? — спросилъ Юлико, который не понималъ языка лезгиновъ.

Я перевела ему слова дѣвушки.

— Есть чему завидовать! — презрительно сказалъ онъ.—Вотъ у бабушки моей въ Тифлисѣ дѣйствительно несмѣтныя богатства. У насъ тамъ домъ въ три этажа, сплошь засыпанный разными драгоцѣнностями! Мы ѣли на золотыхъ блюдахъ, а за одну только рукоятку дѣдушкинаго кинжала можно получить цѣлый милліонъ тумановъ [1]. А сколько слугъ было у бабушки... Въ саду били фонтаны сладкаго вина, а вокругъ нихъ лежали груды конфектъ...

— Вино запрещено кораномъ [2],—вмѣшалась Зара, перерывая вранье моего кузена.

— Грузинамъ оно не запрещено. Только глупые магометане могутъ вѣрить подобнымъ запретамъ.

---

[1] Туманъ—10 рублей.

[2] Священный завѣтъ мусульманъ.

— Не смѣй оскорблять вѣру нашихъ отцовъ!— крикнула Зара и глаза ея загорѣлись злыми огоньками.

— Кто смѣетъ говорить это мнѣ, князю Юлико Джаваха?—отвѣтилъ онъ и надменно обвелъ маленькими мышиными глазками собраніе дѣвушекъ.

— Перестань, Юлико,—шепнула я ему,—перестань, это можетъ дурно кончиться для тебя!

— Да какъ-же она смѣетъ такъ относиться ко мнѣ, природному грузинскому князю!

— Да какой ты князь!—недобро разсмѣялась Зара.— Развѣ такіе князья бываютъ? Вотъ наибъ—князь... видный, высокій, усы въ палецъ, глаза, какъ у орла... А ты маленькій, потѣшный, точно безрогій горный козелъ съ переломанными ногами.

И всѣ три дѣвушки, довольныя остротой подруги, залились громкимъ, безцеремоннымъ смѣхомъ.

Что-то кольнуло мнѣ въ сердце. Жалость-ли то была, или просто родовитая гордость, не позволяющая оскорблять въ моемъ присутствіи члена семьи Джаваха, но, не отдавая себѣ отчета, я близко подошла къ Зарѣ и крикнула ей, заглушая ея обидный смѣхъ:

— Стыдись, Зара! Или въ лезгинскомъ аулѣ забыли обычаи гостепріимства Дагестанской страны?

Зара вся вспыхнула и смѣрила меня взглядомъ. На минуту воцарилось молчаніе. Потомъ она подхватила со злымъ смѣхомъ:

— А ты чего заступаешься за этого ощипаннаго

козленка?.. Или онъ удѣляетъ тебѣ отъ своего богатства? Или ты служишь унаиткой [1] въ саклѣ его бабки?

Это было уже слишкомъ... Моя рука невольно схватилась за рукоятку кинжала, висѣвшаго на поясѣ. Однако, я сдержалась и, чувствуя, какъ блѣднѣю отъ оскорбленной гордости и гнѣва, твердо произнесла:

— Знай, что никогда ничѣмъ нельзя подкупить княжну Нину Джаваха!

— Княжну Нину Джаваха,—какъ эхо, повторилъ за мною чей-то голосъ.

Живо обернувшись, я увидѣла маленькаго, сгорбленнаго, желтаго старика въ бѣлой чалмѣ [2] и длинной мантіи, стоявшаго неподалеку.

Что-то жуткое было въ выраженіи его острыхъ глазъ, скользившихъ по нашимъ лицамъ.

— Это мулла...—шепнула мнѣ Еме, и всѣ дѣвушки разомъ встрепенулись и опустили головы въ знакъ уваженія къ его священной особѣ.

Мулла приблизился. Я не безъ тайнаго волненія смотрѣла на заклятаго врага моего отца, на человѣка, громившаго мою мать за то, что она перешла въ христіанскую вѣру, несмотря на его запрещеніе.

— Приблизься, христіанская дѣвушка...—чуть внятнымъ отъ старости голосомъ произнесъ мулла

---

[1] Крѣпостная служанка, рабыня.
[2] Головной уборъ мусульманъ.

Я подошла къ нему не безъ тайнаго волненія и смѣло взглянула въ его глаза.

— Хорошій, открытый взглядъ... — произнесъ онъ, кладя мнѣ на лобъ свою тяжелую руку.—Да останется онъ, волею Аллаха, такимъ-же честнымъ и правдивымъ во всю жизнь... Благодаренье Аллаху и пророку, что милосердіе ихъ не отвернулось отъ дочери той, которая преступила ихъ священные законы... А ты, Леила-Зара,—обратился онъ къ дѣвушкѣ,—забыла, должно-быть, что гость долженъ быть принятъ въ нашемъ аулѣ, какъ посолъ великаго Аллаха!

И, сказавъ это, онъ кивнулъ мнѣ едва замѣтно головою и пошелъ, опираясь на палку.

Когда вечеромъ я спросила дѣдушку-Магомета, что значитъ эта любезность стараго муллы, — онъ сказалъ тихимъ, грустнымъ голосомъ:

— Я говорилъ, дитя мое, съ муллою. Онъ слышалъ твой разговоръ и остался доволенъ твоими мудрыми рѣчами въ спорѣ съ нашими дѣвушками. Онъ нашелъ въ тебѣ большое сходство съ твоею матерью, которую очень любилъ за набожную кротость въ ея раннемъ дѣтствѣ. Ради твоихъ честныхъ, открытыхъ глазокъ и твоего мудраго сердечка, простилъ онъ моей дорогой Маріемъ... Много грѣховъ отпускается той матери, которая сумѣла сдѣлать своего ребенка такимъ, какъ ты, моя внучка-джанымъ, моя горная козочка, моя ясная звѣздочка съ восточнаго неба!

И цѣлый потокъ ласкательныхъ словъ полился изъ устъ дѣда, и казалось, никогда еще не была такъ дорога ему его маленькая внучка Нина!

Въ тотъ-же вечеръ мы уѣхали. Все населеніе Бестуди высыпало насъ провожать. Бекъ-наибъ далъ намъ двухъ нукеровъ въ провожатые, но Абрекъ смѣло заявилъ, что дорога спокойна и что на немъ одномъ лежитъ забота доставить маленькую княжну и княжича его начальнику.

— Прощай, дѣда, прощай, милый!—еще разъ обняла я старика на порогѣ сакли и вскочила въ коляску между Анной и Юлико.

— Прощай, милая пташка изъ садовъ Магомета! — ласково отвѣтилъ дѣдъ, и коляска затряслась по кривымъ улицамъ аула.

Изъ помѣстья бека-Израила намъ навстрѣчу неслись два всадника, сверкая въ лучахъ заходящаго солнца серебряными рукоятками поясного оружія. Когда они приблизились, мы узнали въ нихъ Бэллу и Израила.

— Прощай, джанночка, не могла не проводить тебя.

И свѣсившись со своего расшитаго шелками и золотомъ сѣдла, Бэлла звонко чмокнула меня въ обѣ щеки.

— Бэлла, душечка, спасибо!

— Чего спасибо! не тебѣ радость... мнѣ радость, — быстро затараторила она по своему обыкновенію. — Говорю сегодня Израилу — ѣдемъ: Нина уѣзжаетъ, проводимъ на коняхъ... Онъ боится... коней взять изъ

табуна боится безъ отцова спросу... „Ну, я возьму“, — говорю... И взяла... Чего бояться... не укуситъ отецъ...

И оба звонко расхохотались, сами не зная чему — тому-ли, что отецъ ихъ не можетъ кусаться, или что оба они молоды, счастливы и что вся жизнь улыбается имъ, какъ интересная сказка съ чудеснымъ началомъ.

Они долго провожали насъ... Солнце уже сѣло, когда Бэлла еще разъ обняла меня и погнала лошадь назадъ.

Я привстала въ коляскѣ, несмотря на воркотню Анны, и смотрѣла на удаляющіеся силуэты двухъ юныхъ и стройныхъ всадниковъ.

Между тѣмъ надвигалась ночь, и Анна, при помощи молчаливаго Андро, постлала намъ постели въ коляскѣ. Я зарылась въ подушки и готовилась уже заснуть, какъ вдругъ почувствовала прикосновеніе чьихъ-то тоненькихъ пальчиковъ къ моей рукѣ.

— Нина, — послышался мнѣ тихій шопотъ,— ахъ, Нина, не засыпайте, пожалуйста, мнѣ такъ много надо поговорить съ вами!

— Ну, что еще?—высунулась я изъ-подъ покрывавшей меня теплой бурки, все еще сердитая на своего двоюроднаго братца.

— Ради Бога, не засыпайте, Нина! — продолжалъ умоляющій голосъ. — Вы на меня сердитесь? — добавилъ Юлико торопливо.

— Я не люблю лгунишекъ!—гордо бросила я.

— Я больше не буду... Ниночка, клянусь вамъ... — горячо залепеталъ мальчикъ, — я самъ не знаю, что сдѣлалось со мною... Мнѣ просто хотѣлось подурачить глупыхъ дѣвочекъ... а онѣ оказались умнѣе, чѣмъ я думалъ! Не сердитесь на меня... Еслибъ вы знали, до чего я несчастливъ!

И вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ мой кузенъ, этотъ надменный маленькій гордецъ съ манерами маркиза, разрыдался совсѣмъ по-дѣтски, вытирая слезы бархатными рукавами своей щегольской курточки.

Вмигъ бурка, укутывавшая меня, полетѣла въ уголъ коляски на колѣни сладко храпѣвшей Анны, и я, усѣвшись подлѣ плакавшаго мальчика, гладила его спутанныя кудри и говорила задыхающимся шопотомъ:

— Что ты? что ты? тише, разбудишь Анну... Перестань, Юлико, что съ тобою? Ну, я не сержусь на тебя, ну, право-же не сержусь! Ахъ, какой ты...

— Не сердитесь, правда?—спросилъ онъ, всхлипывая.

— Я всегда говорю одну только правду!—гордо отвѣтила я.—Да что съ тобою? О чемъ ты плакалъ?

— Ахъ, Нина! — порывисто вырвалось у него, — еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело, когда вы на меня сердитесь... Сначала я васъ не любилъ... ненавидѣлъ... ну, а теперь, когда я вижу, какая вы храбрая, умная, насколько вы лучше меня, я такъ хотѣлъ-бы, чтобы вы меня полюбили! Такъ-бы хотѣлъ! Вы такая чудная,

смѣлая, вы лучше всѣхъ дѣвочекъ, которыхъ я когда-нибудь видѣлъ. Вы заступились за меня сегодня, не дали въ обиду этимъ сквернымъ татарскимъ дѣвчонкамъ, и я вамъ никогда этого не забуду. Меня вѣдь никогда никто не любилъ!—добавилъ онъ съ грустью.

— Какъ? а бабушка?—удивилась я.

— Бабушка... — и Юлико съ горькой улыбкой посмотрѣлъ на меня.—Бабушка меня совсѣмъ не любитъ. Когда былъ живъ мой старшій братъ Дато, она и вниманія не обращала на меня. Ахъ, Нина! еслибъ вы знали, что это былъ за красавецъ! Какіе гордые, прекрасные глаза были у него! И самъ онъ былъ такой сильный и стройный! Я его очень любилъ и очень боялся... Онъ командовалъ мною, какъ командуютъ вельможи своими слугами... И я его слушался, потому что его всѣ слушались—и мать, и бабушка, и слуги... У него былъ тонъ и голосъ настоящаго принца. Когда онъ былъ живъ, обо мнѣ забывали... но когда онъ умеръ отъ какой-то тяжелой грудной болѣзни, всѣ попеченія родныхъ обратились на меня... Дато не стало... остался Юлико, послѣдній представитель нашего рода. Вотъ почему такъ полюбила меня бабушка... Поняли вы меня, Нина?

Да, я его поняла, этого бѣднаго маленькаго князя, и мнѣ было безконечно жаль его!

— Юлико!—совсѣмъ уже ласково обратилась я къ нему,—а твоя мама, развѣ она тебя не любила?

— Моя мама любила Дато... очень любила, а когда Дато умеръ, мама все грустила и ничего не кушала долго, долго... Потомъ и она умерла. Но при жизни она рѣдко меня ласкала... Да я и не обижался за это. Я съ удовольствіемъ уступалъ всѣ ея ласки моему чудесному брату. Я такъ любилъ его!

— Бѣдный Юлико! бѣдный Юлико!—прошептала я и вдругъ неожиданно обняла его за тонкую шею и поцѣловала въ бѣлый, не дѣтски серьезный лобъ.

Онъ весь какъ-то задохнулся отъ радости.

— Нина! — заговорилъ онъ, чуть не плача, — вы больше не сердитесь на меня? О, я также буду васъ любить за вашу доброту, какъ любилъ Дато!.. Ахъ, Нина! теперь я такъ счастливъ, что у меня есть другъ! Такъ счастливъ!.. Хотите, я что-нибудь серьезное, большое сдѣлаю для васъ? Хотите, я буду прислуживать вамъ, какъ прислуживалъ Дато? буду вашимъ пажомъ... а вы будете моей королевой?

Я посмотрѣла на его воодушевленное лицо, слабо освѣщенное блѣдными лучами мѣсяца, и произнесла торжественно и важно:

— Хорошо! будь моимъ пажомъ, я буду твоей королевой!

Мы долго еще болтали, пока сонъ не смежилъ усталыя вѣки моего пажа, и онъ уснулъ, прислонясь къ плечу своей королевы.

Я не могла спать. Меня грызло раскаяніе за мое

прошлое недоброе отношеніе къ Юлико... Бѣдный мальчикъ, не видѣвшій до сихъ поръ участія и дружеской ласки, сталъ мнѣ вдругъ жалкимъ и близкимъ. Я обѣщала мысленно искупить мои злыя выходки заботами о бѣдномъ, слабомъ ребенкѣ.

Уже ночь окутала окрестности, когда я уснула. Но мой сонъ почему-то былъ тревоженъ. Это скорѣе была какая-то тяжелая дремота.

Я проснулась очень скоро и выглянула изъ коляски. Ночь совсѣмъ овладѣла окрестностями, и туча, застилавшая золотой шаръ мѣсяца, мѣшала видѣть въ двухъ шагахъ разстоянія. Коляска стояла. Я уже хотѣла снова залѣзть подъ бурку, какъ слухъ мой былъ внезапно прикованъ тихой татарской рѣчью. Голосовъ было нѣсколько, въ одномъ изъ нихъ я узнала Абрека.

Онъ говорилъ что-то на кабардинскомъ нарѣчіи, которое я едва понимала.

Рѣчь шла о лошади: татары упрашивали Абрека доставить имъ лошадь князя. Абрекъ просилъ за нее много тумановъ, и они, забывъ о спящихъ въ колескѣ, уговаривали его не скупиться. Тогда, насколько я поняла, Абрекъ сбавилъ цѣну, и они поладили.

— Такъ черезъ три дня... ждать?— спросилъ хриплый и грубый голосъ.

— Черезъ три дня ждите, — обѣщалъ Абрекъ и добавилъ: — останетесь довольны Абрекомъ... жалко

княжну — любитъ коня; набавь еще, Бекиръ, два тумана.

Я похолодѣла... Они говорили о моей лошади, о моемъ Шаломъ!.. Абрекъ обѣщалъ выкрасть Шалаго и продать его душманамъ!..

Мнѣ хотѣлось крикнуть во все горло имъ — этимъ ворамъ, что я знаю ихъ замыселъ и пожалуюсь отцу, что Шалый принадлежитъ мнѣ и что я ни за что въ мірѣ не разстанусь съ моимъ сокровищемъ. Но я одумалась: вѣдь онъ не называлъ Шалаго. Можетъ-быть, рѣчь идетъ о другой лошади, которую хочетъ продать бабушка и поручила это дѣло Абреку?.. Но почему тогда Абреку жаль княжну?.. Я путалась въ моихъ мысляхъ, не допуская, однако, чтобы мой любимецъ Абрекъ могъ быть предателемъ. Абрекъ, охотно выучившій меня джигитовкѣ и лихой ѣздѣ, Абрекъ, холившій моего коня, не могъ быть воромъ!..... И успокоившись на этой мысли, я уснула.

На утренней зарѣ слѣдующаго дня мы въѣхали въ Гори.

Отецъ, бабушка, старая Барбале, Михако и хорошенькая Родамъ встрѣтили насъ довольные нашимъ возвращеніемъ. Я и Юлико наперерывъ разсказывали имъ впечатлѣнія поѣздки.

Отъ глазъ старшихъ не укрылись новыя отношенія мои къ Юлико. Молчаливая, восторженная покорность съ его стороны и покровительственное дружелюбіе съ моей—не могли не удивить домашнихъ.

— Спасибо, дѣвочка, — поймавъ меня за руку, сказалъ отецъ и поцѣловалъ особенно продолжительно и нѣжно.

Я поняла, что онъ благодаритъ меня за Юлико, и вся вспыхнула отъ удовольствія.

О ночномъ разговорѣ Абрека съ татарами я промолчала и только, на всякій случай, рѣшила удвоить мой надзоръ надъ моимъ конемъ и подозрительнымъ конюхомъ.

НИНА, Нина, подите сюда!

Я стояла у розоваго куста, когда услышала зовъ моего пажа—Юлико.

Стоялъ вечеръ — чудесный, ароматный, на которые такъ щедръ благодатный климатъ Грузіи. Было одиннадцать часовъ; мы уже собирались спать, и на минутку вышли подышать ночной прохладой.

— Да идите-же сюда, Нина!—звалъ меня мой двоюродный братъ.

Онъ стоялъ на самомъ краю обрыва и пристально взглядывалъ по направленію развалинъ старой крѣпости.

— Скорѣе! Скорѣе!

Въ одинъ прыжокъ я очутилась подлѣ Юлико и

взглянула туда, куда онъ указывалъ рукою. Я увидѣла, дѣйствительно, что-то странное, изъ ряда вонъ выходящее. Въ одной изъ башенокъ давно позабытыхъ, поросшихъ мхомъ и дикой травою, развалинъ мелькалъ огонекъ. Онъ то гасъ, то опять свѣтился неровнымъ желтымъ пламенемъ, точно свѣтлякъ, спрятанный въ травѣ.

Въ первую минуту я испугалась. „Убѣжимъ!“— хотѣлось мнѣ крикнуть моему двоюродному брату. Но вспомнивъ, что я королева, а королевы должны быть храбрыми, по крайней мѣрѣ въ присутствіи своихъ пажей, я сдержалась. Да и мой страхъ начиналъ проходить и мало-по-малу замѣняться жгучимъ любопытствомъ.

— Юлико, — спросила я моего пажа, — какъ ты думаешь, что бы это могло быть?

— Я думаю, что это злые духи,—безъ запинки отвѣчалъ мальчикъ.

Я видѣла, что онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Какой же ты трусъ! — откровенно замѣтила я и добавила увѣренно: — Огонекъ свѣтится изъ Башни смерти.

— Башни смерти? Почему эта башня называется Башнею смерти?—со страхомъ въ голосѣ спросилъ онъ.

Тогда, присѣвъ на краю обрыва и не спуская глазъ съ таинственнаго огонька, я передала ему слѣдующую исторію, которую разсказывала мнѣ Барбале.

„Давно-давно, когда мусульмане бросились въ Гори

и предприняли ужаснѣйшую рѣзню въ его улицахъ, нѣсколько христіанскихъ дѣвушекъ-грузинокъ заперлось въ крѣпости въ одной изъ башенъ. Храбрая и предпріимчивая грузинка Тамара Бербуджи вошла послѣдней въ башню и остановилась у закрытой двери съ острымъ кинжаломъ въ рукахъ. Дверь была очень узка и могла пропустить только по одному турку. Черезъ нѣсколько времени дѣвушки услышали, что ихъ осаждаютъ. Дверь задрожала подъ ударами турецкихъ ятагановъ.

— Сдавайтесь!—кричали имъ враги.

Но Тамара объяснила полумертвымъ отъ страха дѣвушкамъ, что смерть лучше плѣна, и когда дверь уступила напору турецкаго оружія, она вонзила свой кинжалъ въ перваго ворвавшагося воина. Враги перерѣзали всѣхъ дѣвушекъ своими кривыми саблями, Тамару они заживо схоронили въ башнѣ.

До самой смерти слышался ея голосъ изъ заточенія; своими пѣснями она прощалась съ родиной и жизнью"...

— Значитъ, этотъ огонекъ ея душа, не нашедшая могильнаго покоя! — съ суевѣрнымъ ужасомъ рѣшилъ Юлико и, дико вскрикнувъ отъ страха, пустился къ дому.

Въ тотъ же мигъ огонекъ въ башнѣ потухъ...

Вечеромъ, ложась спать, я долго разспрашивала Барбале о юной грузинкѣ, умершей въ башнѣ. Мое дѣтское любопытство, моя любовь къ таинственному были затронуты необычайнымъ явленіемъ Однако, я

ничего не сказала Барбале о таинственныхъ огонькахъ въ башнѣ и рѣшила хорошенько прослѣдить за ними.

Въ эту ночь мнѣ плохо спалось... Мнѣ снились какія-то страшныя лица въ фескахъ и съ кривыми ятаганами въ рукахъ. Мнѣ слышались и дикіе крики и стоны, и голосъ, нѣжный, какъ волшебная свирѣль, голосъ дѣвушки, заточенной на-смерть...

Нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ я отправлялась къ обрыву, въ сопровожденіи моего пажа, которому строго-на-строго запретила говорить о появленіи свѣта въ Башнѣ смерти. Мы садились на краю обрыва и, свѣсивъ ноги надъ бѣгущей далеко внизу, потемнѣвшей въ вечернемъ сумракѣ Курой, предавались созерцанію. Случалось, что огонекъ потухалъ или переходилъ съ мѣста-на-мѣсто и мы съ ужасомъ переглядывались съ Юлико, но все-таки не уходили съ нашего поста.

Любопытство мое было разожжено. Начитавшись средневѣковыхъ разсказовъ, которыми изобиловали шкапы моего отца, я жаждала постоянно чего-то фантастическаго, чудеснаго. Теперь же, благодаря таинственному огоньку, мой не-дѣтски пытливый умъ нашелъ себѣ пищу.

— Юлико, — говорила я ему шопотомъ, — какъ ты думаешь: бродитъ тамъ умершая дѣвушка?

И встрѣтивъ его глаза, расширенные ужасомъ, я добавила, охваченная какимъ-то жгучимъ, но почти пріятнымъ ощущеніемъ страха:

Я увидѣла трехъ горцевъ, разсматривавшихъ куски какихъ-то тканей...

— Да, да, бродитъ и проситъ могилы.

— Не говорите такъ, мнѣ страшно,—молилъ меня Юлико чуть не плача.

— А вдругъ она выйдетъ оттуда, — продолжала я пугать его, чувствуя сама, какъ трепетъ ужаса пронизываетъ меня всю, — вдругъ она перейдетъ обрывъ и утащитъ насъ за собою?

Это было уже слишкомъ. Храбрый пажъ, забывая объ охранѣ королевы, съ ревомъ понесся къ дому по каштановой аллеѣ, а за нимъ, какъ на крыльяхъ, понеслась и сама королева, испытывая скорѣе чувство сладкаго и остраго волненія, нежели испуга...

— Юлико!—сказала я ему какъ-то, сидя на томъ-же неизмѣнномъ обрывѣ и не сводя глазъ съ таинственно мерцающаго огонька,—ты меня очень любишь?

Онъ посмотрѣлъ на меня глазами, въ которыхъ было столько преданности, что я не могла ему не повѣрить.

— Больше Дато?—добавила я только.

— Больше, Нина!

— И сдѣлаешь для меня все, что я ни прикажу?

— Все, Нина, приказывайте! Вѣдь вы моя королева.

— Хорошо, Юлико, ты добрый товарищъ,—и я нѣсколько покровительственно погладила его бѣлокурые локоны. — Такъ вотъ, завтра въ эту пору мы пойдемъ въ Башню смерти.

Онъ вскинулъ на меня глазами, въ которыхъ отражался ужасъ, и задрожалъ, какъ осиновый листъ.

— Нѣтъ, ни за что, это невозможно! — вырвалось у него.

— Но вѣдь я буду съ тобою!

— Нѣтъ, ни за что! — повторилъ онъ.

Я смѣрила его презрительнымъ взглядомъ.

— Князь Юлико!—гордо отчеканила я.—Отнынѣ вы не будете моимъ пажомъ.

Онъ заплакалъ, а я, не оглядываясь, пошла къ дому.

Не знаю, какъ мнѣ пришло въ голову идти узнавать, что дѣлается въ Башнѣ смерти, но разъ эта мысль вонзилась въ мой мозгъ, отдѣлаться отъ нея я уже не могла. Но мнѣ было страшно идти туда одной и я предложила раздѣлить мой подвигъ Юлико. Онъ отступилъ, какъ малодушный трусъ. Тогда я рѣшила отправиться одна и даже обрадовалась этому, соображая, что вся слава этого „подвига“ достанется въ такомъ случаѣ мнѣ одной. Въ моихъ мысляхъ я уже слышала, какъ грузинскія дѣвушки спрашиваютъ своихъ подругъ: — „Которая это — Нина Джаваха?“ — и какъ тѣ отвѣчаютъ: — „Да та безстрашная, которая ходила въ Башню смерти.“ — Или: — „Кто эта дѣвочка?“ — „Какъ, вы не знаете? Вѣдь это — безстрашная княжна Джаваха, ходившая одна ночью въ таинственную башню!“

И произнося мысленно эти фразы, я замирала отъ восторга удовлетворенной гордости и тщеславія. Къ Юлико я уже не чувствовала больше прежняго сожа-

лѣнія и симпатіи. Онъ оказывался жалкимъ трусомъ въ моихъ глазахъ. Я перестала даже играть съ нимъ въ войну и рыцарей, какъ дѣлала это вскорѣ по пріѣздѣ изъ аула дѣдушки.

Но заниматься много мыслью о Юлико я не могла. Въ моей душѣ созрѣло рѣшеніе посѣтить Башню смерти во что бы то ни стало и я вся отдалась моимъ мечтамъ.

И вотъ страшная минута настала. Какъ-то вечеромъ, простясь съ отцомъ и бабушкой, чтобы идти спать, я, вмѣсто того, чтобы отправиться въ мою комнату, свернула въ каштановую аллею и однимъ духомъ домчалась до обрыва. Спуститься сквозь колючій кустарникъ къ самому берегу Куры и, пробѣжавъ мостъ, подняться по скользкимъ ступенямъ, поросшимъ мхомъ, къ руинамъ крѣпости — было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Сначала издали, потомъ все ближе и ближе, точно путеводной звѣздой, мелькалъ мнѣ привѣтливо огонекъ въ самомъ отдаленномъ углу крѣпости.

То была Башня смерти...

Я лѣзла къ ней по ея каменистымъ уступамъ и — странное дѣло! — почти не испытывала страха. Когда передо мною зачернѣли въ сумеркахъ наступающей ночи высокія, полуразрушенныя мѣстами стѣны, я оглянулась назадъ. Нашъ домъ покоился сномъ на томъ берегу Куры, точно узникъ, плѣненный мохнатыми стражниками-чинарами. Нигдѣ не видно было свѣта. Только въ кабинетѣ отца горѣла лампа. „Если я крик-

ну—тамъ меня не услышатъ",—мелькнуло въ моей головѣ, и на минуту мнѣ сдѣлалось такъ жутко, что захотѣлось повернуть назадъ.

Однако, любопытство и любовь къ таинственному превозмогли чувство страха и черезъ минуту я уже храбро пробиралась по узкимъ переулкамъ крѣпости къ самому ея отдаленному пункту, откуда привѣтливо мигалъ огонекъ.

Вотъ она — высокая, круглая башенка. Она какъ-то разомъ выросла передо мною. Я тихонько толкнула дверь и стала подниматься по шаткимъ ступенямъ. Я шла безшумно, чуть касаясь пятками земли и испуганно прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

И вотъ я у цѣли. Прямо передо мною дверь, сквозь трещину которой проникала узкая полоса свѣта.

Осторожно прижавшись къ сырой и скользкой отъ моха и плѣсени стѣнѣ, я приложила глазъ къ дверной щели и чуть не вскрикнула во весь голосъ.

Вмѣсто мертвой дѣвушки, вмѣсто призрака горійской красавицы, я увидѣла трехъ, сидѣвшихъ на полу, горцевъ, которые при свѣтѣ ручного фонаря разсматривали куски какихъ-то тканей. Они говорили тихимъ шопотомъ. Двоихъ изъ нихъ я разглядѣла. У нихъ были бородатыя лица и рваныя осетинскія одежды. Третій сидѣлъ ко мнѣ спиной и перебиралъ въ рукахъ крупныя зерна великолѣпнаго жемчужнаго ожерелья. Тутъ-же рядомъ лежали богатыя, золотомъ расшитыя

сѣдла, драгоцѣнныя уздечки и нарядные, камнями осыпанные дагестанскіе кинжалы.

— Такъ не уступишь больше за штучку?—спросилъ одинъ изъ сидящихъ того, который былъ ко мнѣ спиною.

— Ни одного тумана.

— А лошадь?

— Лошадь будетъ завтра.

— Ну, дѣлать нечего, получай десять тумановъ и айда!

И говоря это, черноусый горецъ передалъ товарищу нѣсколько золотыхъ монетъ, ярко блеснувшихъ при свѣтѣ фонаря. Голосъ говорившаго показался мнѣ знакомымъ.

Въ ту-же минуту третій горецъ вскочилъ на ноги и повернулся лицомъ къ двери. Вмигъ узнала я его. Это былъ Абрекъ.

Этого я не ожидала!...

Предо мною совершалась неслыханно дерзкая мошенническая сдѣлка.

Очевидно, это были душманы, горные разбойники, не брезгавшіе и простыми кражами. Абрекъ, безъ сомнѣнія, игралъ между ними не послѣднюю роль. Онъ поставлялъ имъ краденыя вещи и продавалъ ихъ въ этой комнаткѣ Башни смерти, чудесно укрытой отъ любопытныхъ глазъ.

Всѣ эти соображенія вихремъ пронеслись въ моей пылавшей головѣ.

— Слушай, юноша,—произнесъ въ эту минуту другой татаринъ съ сѣдой головою, — завтра послѣдній

срокъ. Если не доставишь коня—берегись... Гори не въ раю Магомета и мой кинжалъ достанетъ до тебя.

— Слушай, старикъ: слово правовѣрнаго такъ-же непоколебимо, какъ и законъ Аллаха. Берегись оскорблять меня. Вѣдь и мой тюфенкъ (винтовка) бьетъ безъ промаха.

И обмѣнявшись этимъ запасомъ любезностей, они направились къ выходу.

Дверь скрипнула. Фонарь потухъ. Я прижалась къ стѣнѣ, боясь быть замѣченной. Когда они прошли мимо меня—я стала ощупью впотьмахъ слѣзать съ лѣстницы. У нижней двери я помедлила. Три фигуры неслышно скользнули по крѣпостной площади, носившей слѣды запустѣнія болѣе, чѣмъ другія мѣста въ этомъ мертвомъ царствѣ.

Двое изъ горцевъ исчезли за стѣною съ той стороны, гдѣ крѣпость примыкаетъ къ горамъ, третій, въ которомъ было не трудно узнать Абрека, направился къ мосту.

Я догнала его только у обрыва, куда онъ вскарабкался съ ловкостью кошки, и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю, схватила его за рукавъ бешмета.

— Абрекъ, я все знаю!—сказала я.

Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности и схватился за рукоятку кинжала. Потомъ, узнавъ во мнѣ дочь своего господина, онъ опустилъ руку и спросилъ немного дрожащимъ голосомъ:

— Что угодно княжнѣ?

— Я все знаю,—повторила я глухо,— слышишь ты это? Я была въ Башнѣ смерти и видѣла краденыя

Берегись, княжна!

вещи и слышала уговоръ увести одну изъ лошадей моего отца. Завтра-же весь домъ узнаетъ обо всемъ. Это

такъ-же вѣрно, какъ я ношу имя княжны Нины Джаваха...

Абрекъ вскинулъ на меня глазами, въ которыхъ сквозилъ цѣлый адъ злобы, безсильной злобы и гнѣва, но сдержался и проговорилъ возможно спокойнѣе:

— Не было случая, чтобы мужчина и горецъ побоялся угрозъ грузинской дѣвочки!

— Однако, эти угрозы сбудутся, Абрекъ: завтра-же я буду говорить съ отцомъ.

— О чемъ? — дерзко спросилъ онъ меня, нервно пощипывая рукавъ бешмета.

— Обо всемъ, что слышала и видѣла и сегодня и въ ту ночь въ горахъ, когда ты уговаривался съ этими же душманами.

— Тебѣ не повѣрятъ,—дерзко засмѣялся горецъ:— госпожа княгиня знаетъ Абрека, знаетъ, что Абрекъ вѣрный нукеръ, и не выдастъ его полиціи по глупой выдумкѣ ребенка.

— Ну, посмотримъ! — угрожающе проговорила я.

Вѣроятно, по моему тону горецъ понялъ, что я не шучу, потому что круто перемѣнилъ тонъ рѣчи.

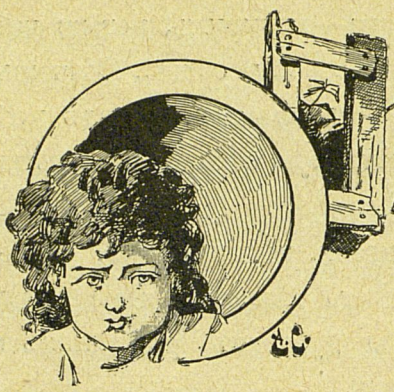
— Княжна,—началъ онъ вкрадчиво, — зачѣмъ ссоришься съ Абрекомъ? Или забыла, какъ Абрекъ ухаживалъ за твоимъ Шалымъ? какъ училъ тебя джигитовкѣ?... А теперь я узналъ въ горахъ такія мѣста, такія!..—и онъ даже прищелкнулъ языкомъ и сверкнулъ своими восточными глазами. — Лань, газель не пробе-

рется, а мы проскочимъ! Трава— изумрудъ, потоки изъ серебра... туры бродятъ... А сверху орлы... Хочешь, завтра поскачемъ? Хочешь? — и онъ заглядывалъ мнѣ въ глаза и вкладывалъ необычайную нѣжность въ нотки своего грубаго голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ! — твердила я, затыкая уши, чтобы помимо воли не соблазниться его рѣчами,— я не поѣду съ тобой никуда больше. Ты душманъ, разбойникъ и завтра-же я все разскажу отцу...

— А-а!— дико, по-азіатски взвизгнулъ онъ, — берегись, княжна! Плохи шутки съ Абрекомъ. Такъ отомститъ Абрекъ, что всколыхнутся горы и застынутъ рѣки. Берегись!—и еще разъ гикнувъ, онъ скрылся въ кустахъ.

Я стояла ошеломленная, взволнованная, не зная, что предпринять, на что рѣшиться...



Обличительница.

УТРОМЪ я была разбужена отчаянными криками и суматохой въ домѣ. Я плохо спала эту ночь. Меня преслѣдовали страшныя сновидѣнія и только на зарѣ я забылась...

Разбуженная криками и шумомъ, еще вся подъ вліяніемъ вчерашнихъ ужасовъ, я не могла долго понять—сплю я или нѣтъ. Но крики дѣлались все громче и яснѣе. Въ нихъ выдѣлялся голосъ старой княгини, пронзительный и рѣзкій, какимъ я привыкла его слышать въ минуты гнѣва.

— Вай-ме,—кричала бабушка,—украли мое старинное, драгоцѣнное ожерелье! Вай-ме! его украли изъ-подъ замка, и кольца, и серьги — все украли. Вчера еще они были въ шкатулкѣ. Мы съ Родамъ перебирали ихъ. А сегодня ихъ нѣтъ! Украли! вай-ме, украли!

Я быстро одѣлась... Выйдя изъ моей комнаты, я столкнулась съ отцомъ.

— Покража въ домѣ. Какая гадость!— сказалъ онъ, и по обыкновенію передернулъ плечами.

Потомъ онъ прошелъ въ кабинетъ, и я слышала, какъ онъ отдавалъ приказаніе Михако немедленно скакать въ Гори и дать знать полиціи обо всемъ случившемся.

Прибѣжала Родамъ и съ плачемъ упала въ ноги отцу.

— Батоно-князь! — кричала она, вся извиваясь въ судорожныхъ рыданьяхъ,— я хранила брилліанты княгини, я и моя тетка, старая Анна. Насъ обвиняютъ въ воровствѣ и посадятъ въ тюрьму. Батоно-князь! я не крала, я не виновата, клянусь св. Ниной—просвѣтительницей Грузіи!

Да, она не крала. Это видно было по ея прекраснымъ глазамъ, честнымъ и яснымъ, какъ у ребенка. Она не могла, хорошенькая Родамъ, украсть брилліанты моей бабушки.

Ни она, ни Анна...

Но кто-же воръ въ такомъ случаѣ?

И вдругъ острая, какъ кинжалъ, мысль прорѣзала мой мозгъ:

— Воръ—Абрекъ!

Да, да, воръ—Абрекъ! Въ этомъ не было сомнѣній. Онъ укралъ брилліанты бабушки. Я видѣла драгоцѣнныя нити жемчуга и камней въ Башнѣ смерти. Я присутствовала при его позорномъ торгѣ. И быстро обнявъ плачущую Родамъ, я воскликнула.

— Утри свои слезы! Я знаю и назову вора... Папа, папа, вели созвать людей въ залу, только скорѣе, скорѣе, ради Бога.

— Что съ тобой, Нина? — удивился моему возбужденію отецъ.

Но я вся горѣла отъ нетерпѣнія. Съ моихъ губъ срывались безсвязные разсказы о Башнѣ Смерти, о драгоцѣнностяхъ, о двухъ душманахъ и Абрекѣ-предателѣ, но все такъ скоро и непонятно, точно въ бреду.

— Иди, Родамъ, прикажи всѣмъ людямъ собраться въ залѣ,— приказалъ отецъ.

Когда она вышла, онъ заперъ дверь за нею.

— Ну, Нина-радость, чеми-патара, — ласково произнесъ онъ,—разскажи мнѣ все по порядку толково, что случилось?

И онъ усадилъ меня на колѣни, какъ сажалъ въ дѣтствѣ, и старался успокоить меня насколько могъ.

Я, въ какія-нибудь пять минутъ, повѣдала ему все, захлебываясь и торопясь отъ волненія.

— И ты увѣрена, что это тебѣ не приснилось? — спросилъ отецъ.

— Приснилось? — пылко вырвалось у меня, — приснилось? Но если ты не вѣришь мнѣ, спроси Юлико, онъ тоже видѣлъ огоньки въ башнѣ и слѣдилъ за ними.

— Юлико дурно. Онъ заболѣлъ отъ испуга. Но еслибъ даже онъ былъ здоровъ, я не обратился-бы къ

нему. Я вѣрю моей дѣвочкѣ больше, чѣмъ кому-либо другому.

— Спасибо, папа! — отвѣтила я ему и объ руку съ нимъ вошла въ залу.

Тамъ собрались всѣ люди, за исключеніемъ Михако, ускакавшаго въ Гори.

Я взглянула на Абрека. Онъ былъ бѣлѣе своего бѣлаго бешмета.

— Абрекъ!—смѣло подошла я къ нему.—Ты укралъ вещи бабушки! Слышишь, я не боюсь твоихъ угрозъ и твоего мщенія и повторяю тебѣ, что ты воръ!

— Княжна шутитъ, — криво усмѣхнулся горецъ и незамѣтно пододвинулся къ двери.

Но отецъ поймалъ его движеніе и, схвативъ за плечо, поставилъ его прямо передъ собою. Лицо отца горѣло. Глаза метали искры. Я не узнавала моего спокойнаго, всегда сдержаннаго отца. Въ немъ проснулся одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ порывовъ гнѣва, которые дѣлали его неузнаваемымъ.

— Молчать! — прогремѣлъ онъ такъ, что, казалось, задрожали своды нашего дома и всѣ присутствующіе въ страхѣ переглянулись между собой. — Молчать, говорятъ тебѣ! Всякое запирательство только увеличитъ вину. Куда дѣлъ ты фамильныя драгоцѣнности княгини?

— Я не бралъ ихъ, батоно-князь. Аллахъ знаетъ, что не бралъ.

— Ты лжешь, Абрекъ!—выступила я снова:—я ви-

дѣла у тебя въ башнѣ много драгоцѣнныхъ вещей, но ты всѣ ихъ передалъ тѣмъ двумъ душманамъ и они отнесли все въ горы.

— Назови мнѣ сейчасъ-же имена твоихъ сообщниковъ, укажи мѣсто, гдѣ они скрываются! — снова проговорилъ отецъ.

— Не знаю, батоно-князь, никакихъ душмановъ. Вѣрно княжнѣ привидѣлся дурной сонъ про Абрека. Не вѣрь, батоно, ребенку.

Но слова горца, очевидно, истощили послѣднее терпѣніе отца. Онъ сорвалъ со стѣны нагайку и взмахнулъ ею. Раздался пронзительный крикъ. Вслѣдъ за этимъ, прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ опомниться, въ рукахъ Абрека что-то блеснуло. Онъ бросился на отца съ поднятымъ кинжаломъ, но въ ту-же минуту сильныя руки Брагима схватили его сзади.

— Потише, орленокъ, не доросли еще крылья! — крикнулъ съ недобрымъ смѣхомъ Брагимъ, закручивая на спинѣ руки Абреку.

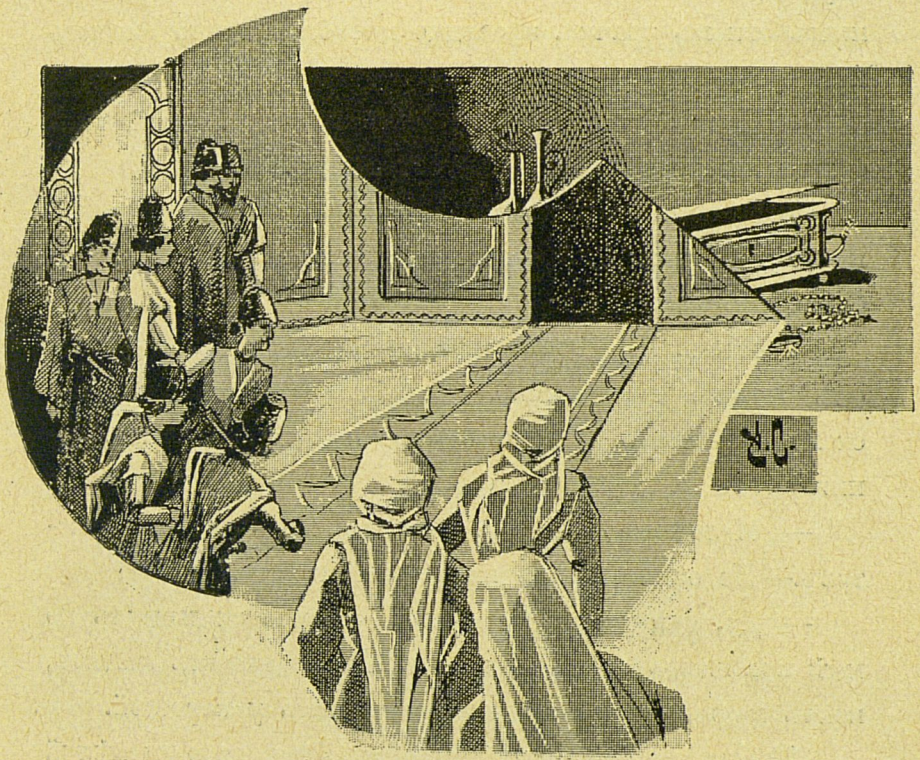
Тотъ дрожалъ съ головы до ногъ, его глаза горѣли бѣшенствомъ, багрово-красный рубецъ—слѣдъ нагайки—бороздилъ щеку.

Въ ту-же минуту дверь широко распахнулась и полиція, предшествуемая Михако, вошла въ залъ.

При видѣ вооруженныхъ людей Абрекъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе и, вырвавшись изъ сильныхъ рукъ Брагима, бросился къ окну. Съ быстротой молніи вскочилъ

онъ на подоконникъ и, крикнувъ „айда“, спрыгнулъ внизъ, съ высоты нѣсколькихъ саженей прямо въ тихо плещущія волны Куры...

Это былъ отчаянно-смѣлый прыжокъ, которому могъ-бы позавидовать любой джигитъ Кавказа...



Тамъ собрались всѣ люди.

Я долго не могла забыть стройную фигуру разбойника-горца, стоящую на подоконникѣ, его дикій взглядъ и короткую, полную злобной ненависти фразу: „Еще свидимся — тогда попомните душмана Абрека!“

Къ кому относилась эта угроза—ко мнѣ-ли, за то, что я выдала его, или къ моему отцу, оскорбившему вольнаго сына горъ ударомъ нагайки, — я не знаю. Но его взглядъ скользнулъ по насъ обоихъ, и невольно опустились мои глаза, встрѣтивъ его сверкающіе бѣшенымъ огнемъ зрачки, а сердце мое болѣзненно сжалось предчувствіемъ и страхомъ.

— Исчезъ мошенникъ,— сказалъ отецъ, подойдя къ окну и вперивъ глаза въ пространство.

— Отчаянный прыжокъ,— сказалъ старый военный приставъ, другъ отца,—этотъ негодяй, должно-быть, разбился на смерть.

— Нѣтъ, я увѣренъ, что бездѣльникъ остался живъ, онъ ловокъ, какъ кошка, — отвѣтилъ отецъ и, въ нѣсколько пріемовъ разломавъ свою казацкую нагайку, отшвырнулъ ее далеко въ сторону.

— Молодецъ-барышня, — обратился ко мнѣ приставъ.—Не ожидалъ отъ васъ такой прыти.

— Да, она у меня храбрая!—ласково скользнулъ по мнѣ взглядомъ отецъ и потомъ, съ серьезнымъ лицомъ, взялъ мою руку и поцѣловалъ ее, какъ у взрослой.

Я была въ восторгѣ. Мнѣ казалось, что поцѣлуй такого героя, такого безстрашнаго джигита, какимъ я считала отца, долженъ превратить мою нѣжную дѣтскую руку въ сильную и твердую, какъ у воина.

Ликуя и бѣснуясь, я вихремъ помчалась къ Юлико—разсказать ему о случившемся. Онъ лежалъ блѣдный,

какъ трупъ, въ своей нарядной постелькѣ и, увидя меня, протянулъ мнѣ руки. Андро успѣлъ его предупредить обо всемъ, и теперь глаза его выражали неподдѣльное восхищеніе передъ моимъ геройствомъ.

— О, Нина!—могъ только выговорить онъ,—если у престола Бога есть Ангелы-воители, вы будете между ними!

Не могу сказать, чтобы восторженный лепетъ моего кузена я пропустила мимо ушей. Напротивъ, я готова была теперь простить ему его вчерашнюю трусость.

— Уйди, Андро!—приказала я мальчику.

Какъ-только маленькій слуга вышелъ, я разсказала Юлико все, что случилось со мною.

— Вы настоящая героиня!— прошепталъ мой двоюродный братъ.—Какъ жаль, что вы не родились мальчикомъ!

— Это ничего не значитъ,—спокойно возразила я, и вдругъ совершенно безжалостно добавила:—вѣдь между мальчиками найдется и не одна такая тряпка, какъ ты.

Но когда я увидѣла, какъ онъ безпокойно заметался въ своей постелькѣ среди подушекъ, украшенныхъ тончайшими кружевами и княжескими гербами, я словно спохватилась и сказала:

— Успокойся, Юлико, вѣдь я понимаю, что твоя робость происходитъ отъ болѣзненности и увѣрена, что она пройдетъ съ годами.

— Да, да, она пройдетъ, навѣрное пройдетъ, только

вы не презирайте меня, Нина. О, я вырасту и буду храбрымъ. Я пойду въ горы, найду Абрека, если онъ не погибъ въ рѣкѣ, и убью его изъ винтовки дяди. Вы увидите, что я это исполню... Только это будетъ не скоро!

Потомъ онъ тихо прибавилъ:

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы снова возвратили мнѣ званіе пажа. Я постараюсь быть храбрымъ насколько могу!

Я посмотрѣла въ его глаза. Въ нихъ были слезы. Тогда, жалѣя его, я сказала торжественно:

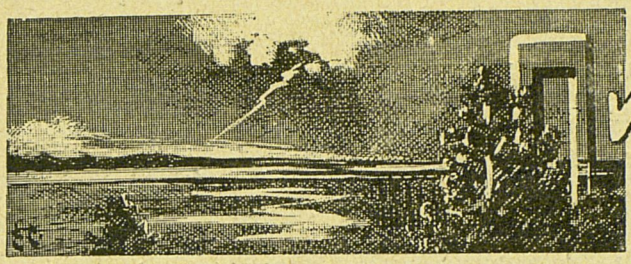
— Князь Юлико! Возвращаю вамъ званіе пажа вашей королевы.

И давъ ему поцѣловать мою руку, я съ подобающей важностью вышла изъ комнаты.

. . . . . .

Проходили дни, недѣли,—фамильныхъ брилліантовъ бабушки такъ и не нашли, хотя подняли на ноги всю полицію Гори. Не нашли и Абрека, хотя искали его усердно. Онъ исчезъ, какъ исчезаетъ камень, брошенный въ воду.

Таинственные огоньки, мерцавшіе по вечерамъ въ Башнѣ смерти и плѣнявшіе меня своей таинственностью, также исчезли. Тамъ снова воцарилась прежняя тьма...



Пиръ.

Дедоко. Подслушанная тайна.

НАСТУПИЛЪ іюль, пышный и знойный, съ ароматомъ подоспѣвшихъ плодовъ и частыми ночными грозами, разрѣжающими воздухъ, насыщенный электричествомъ.

Въ нашемъ виноградникѣ зрѣли и наливались изумрудныя лозы. Ягоды наполненныя сокомъ, горѣвшимъ янтаремъ на солнцѣ подъ тонкой пленкой кожицы, манили къ себѣ уже однимъ своимъ видомъ.

Приближался день рожденія отца, который всегда особенно праздновался у насъ въ домѣ.

Пріѣхалъ дѣдушка Магометъ изъ аула, примчались Бэлла съ мужемъ на своихъ горныхъ скакунахъ, и домъ огласился веселыми звуками ихъ голосовъ и смѣха. Только двое людей не принимали участія въ общемъ весельѣ. Бабушка, которая не могла примириться съ мыслью о пропажѣ драгоцѣнностей, и князекъ Юлико, захваченный недугомъ, отъ котораго онъ таялъ не по

днямъ, а по часамъ, приводя этимъ бабушку въ новое волненіе.

Нашъ домъ раздѣлился на двѣ половины: печальную—въ апартаментахъ княгини, которая поминутно заходила въ комнату Юлико, надоѣдая ему вопросами и микстурами, и безпечную, — гдѣ слышался веселый смѣхъ Бэллы, ея пронзительныя взвизгиванія, которымъ я вторила съ особеннымъ наслажденіемъ, да дѣтски-добродушный хохотъ Израила. Тамъ была тоска и дума, здѣсь—беззаботное веселье и смѣхъ. Часто къ намъ присоединялся отецъ, и тогда нашему веселью не было конца.

— Тише!— иногда останавливалъ онъ Бэллу,—тамъ больной.

— Онъ выздоровѣетъ,— отвѣчала она безпечно,— и будетъ еще джигитовать, вотъ увидишь!

Въ день рожденія отца, мы вскочили спозаранку съ Бэллой и украсили нашъ домъ вѣнками изъ каштановыхъ вѣтвей и липъ вперемежку съ бѣлыми и пурпуровыми розами.

— Какъ хорошо!—прыгали мы и хлопали въ ладоши, любуясь своей работой.

Отецъ, тронутый сюрпризомъ, расцѣловалъ насъ обѣихъ.

Къ обѣду ожидали гостей. Бабушка приказала мнѣ надѣть бѣлое кисейное платье и собственноручно пригладила мои черныя, въ безпорядкѣ разбросанныя вдоль спины, косы.

— Развѣ такъ не лучше, дѣвочка? — спросила она и подвела меня къ зеркалу.

Я замѣтила, что съ нѣкоторыхъ поръ бабушка относилась много ласковѣе и добрѣе ко мнѣ. Я заглянула въ зеркало и ахнула.

Въ бѣломъ платьѣ, воздушнымъ облакомъ окутывающемъ мои худенькія плечи, руки и станъ, съ туго заплетенными изсиня-черными косами, я страшно походила на мою покойную маму.

— Красоточка, джанымъ, хорошенькая! — бросилась ко мнѣ на шею Бэлла, когда я вышла къ моимъ друзьямъ. Потомъ она сорвала съ куста розу и воткнула мнѣ ее въ косы со словами:—Такъ будетъ еще краше.

Отецъ взглянулъ на меня съ грустной улыбкой и сказалъ:

— Совсѣмъ большая выросла! совсѣмъ большая!

— И глупая! правда, папочка, глупая?—приставала я къ нему, тормоша его и хохоча, какъ безумная!

— Ну и глупая! — улыбнулся онъ, и сейчасъ же лицо его стало снова серьезнымъ. — Надо будетъ эту зиму начать серьезно учиться, Нина. Тебѣ одиннадцать лѣтъ.

Я заявила ему, что я отлично читаю по-русски и по-французски, знаю исторію и географію, словомъ — учительница довольна мною, и мое время еще не ушло.

— Вѣдь Бэлла не ученая, а какъ она счастлива, — добавила я серьезно, тономъ взрослой.

— Бэлла дикарка, она выросла въ горахъ и всю жизнь проживетъ такъ,—сказалъ отецъ и сталъ подробно объяснять мнѣ разницу между мной и Бэллой.

Но въ этотъ день я была не менѣе дикая, нежели она,—я и хохотала и визжала, какъ безумная, бѣгая съ нею отъ преслѣдовавшаго насъ Израила. Я вполнѣ оправдывала названіе „дели акызъ“ [1], данное мнѣ горійскими татарчатами.

Отецъ, куря папиросу, сидѣлъ на террасѣ въ ожиданіи гостей. Вдругъ онъ неожиданно вздрогнулъ. Послышался шумъ колесъ, и къ нашему дому подъѣхалъ небольшой шарабанчикъ, въ которомъ сидѣли двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая въ бѣломъ платьѣ— нѣжное бѣлокурое созданіе съ мечтательными глазами и тоненькой, какъ стебель, таліей. Она легко выпрыгнула изъ шарабана и, ловко подобравъ шлейфъ своего наряднаго шелковаго платья, пошла на встрѣчу отцу. Онъ подалъ ей руку и поманилъ меня.

— Вотъ, баронесса, моя дочь Нина. Прошу любить и жаловать.

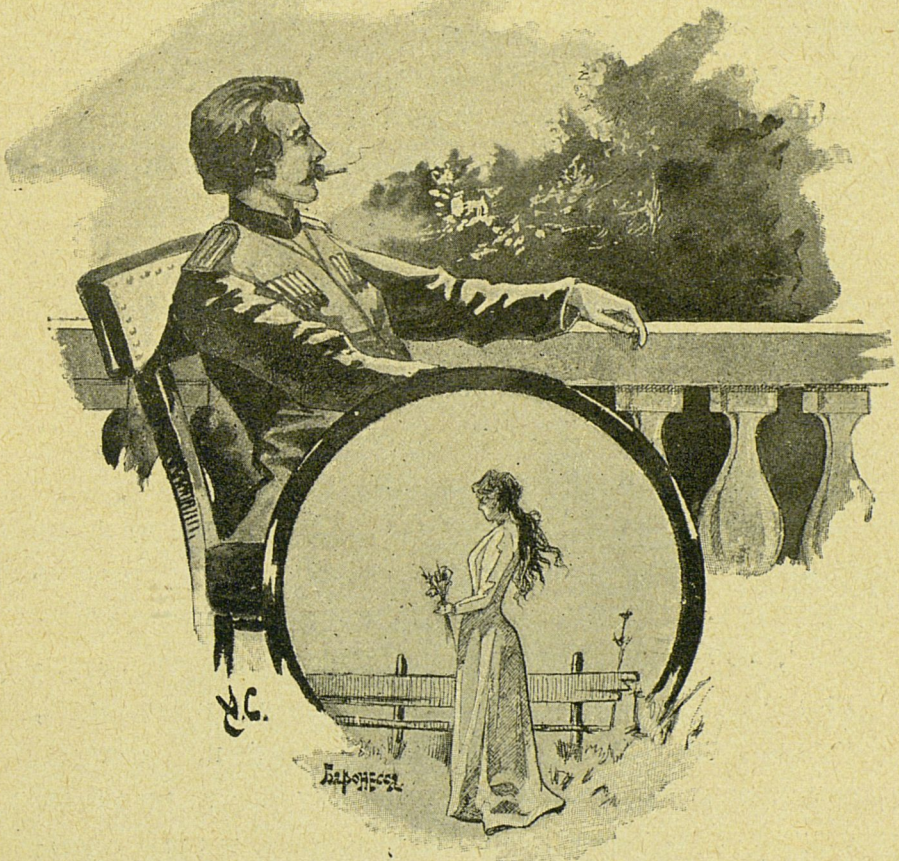
Потомъ онъ помогъ пожилой женщинѣ съ величественной осанкой выйти изъ экипажа и тоже представилъ меня ей:

— Моя дочь Нина.

---

[1] Сумасшедшая дѣвчонка.

Я не знала что дѣлать и смотрѣла на нихъ обѣихъ съ любопытствомъ маленькаго звѣрька.



Отецъ, куря папиросу, сидѣлъ на террасѣ въ ожиданіи гостей...

— Какая прелестная дѣвочка,—проговорила молодая дама въ бѣломъ и, нагнувшись ко мнѣ, поцѣловала меня въ щеку.

Губы у нея были мягкія, розовыя, и отъ всей ея фигурки, эфирной и хрупкой, пахло очень нѣжными и очень пріятными духами.

— Будемъ друзьями! — проговорила она мнѣ и ласково еще разъ улыбнулась.

— У-у! какая красавица!—прошептала Бэлла, когда молодая дама въ бѣломъ скрылась въ домѣ вмѣстѣ со своей старой спутницею и отцомъ,—лучше насъ съ тобою, правда, Израилъ?

Но Израилъ не согласился съ нею. Лучше Бэллы, по его мнѣнію, никого не было на свѣтѣ. Она погрозила ему пальцемъ и снова мы пустились бѣгать и визжать, забывъ о прибывшихъ гостяхъ.

Хотя отецъ мой много лѣтъ состоялъ на службѣ русскаго царя и въ нашемъ домѣ все было на русскую ногу, но по торжественнымъ семейнымъ праздникамъ у насъ невольно возвращались къ старымъ грузинскимъ обычаямъ. Неизмѣнный обѣдъ съ выборомъ тулунгуши [1], бочки вина, поставленныя подъ чинарами, шумные тосты, порою сазандары, нанятые на время пира, удалая джигитовка, стрѣльба изъ ружей и, наконецъ, милая родная лезгинка подъ стонъ зурны и жалобныя струны чіунгури — все это сопровождало каждое семейное торжество. Въ этотъ день праздникъ обѣщалъ быть особенно интереснымъ.

---

[1] Распорядитель пира.

Изъ полка ожидались товарищи отца съ ихъ женами и другіе гости. Мнѣ было какъ-то неловко: по свойственной мнѣ дикости, я не любила общества, и вотъ почему Бэллѣ много надо было труда, чтобы уговорить меня выйти къ столу, приготовленному на вольномъ воздухѣ въ тѣни вѣковыхъ липъ и густолиственныхъ чинаръ.

Когда мы вышли къ гостямъ, всѣ уже были въ сборѣ. Бабушка торжественно возсѣдала на почетномъ мѣстѣ въ концѣ стола; противъ нея, на другомъ концѣ стола, помѣстился избранный тулунгуши, — въ лицѣ дѣдушки Магомета. Справа отъ бабушки сидѣла баронесса, а подлѣ нея молодая дама въ бѣломъ, около которой помѣстился мой отецъ. Появленіе Бэллы и Израила въ богатыхъ туземныхъ нарядахъ, блещущихъ красками и серебромъ, произвело легкое смятеніе между гостями. Ихъ встрѣтили шопотомъ одобренія. Дѣдушка Магометъ не могъ не порадоваться тому пріему, который сдѣлали его дѣтямъ.

— Какая чудесная пара! — слышалось кругомъ на татарскомъ, русскомъ и грузинскомъ языкѣ.

И Бэлла принимала всѣ эти похвалы, какъ должную дань.

Она скоро привыкла къ своей новой роли, эта маленькая княгиня!

Анна, Барбале и Родамъ разносили куски жареной баранины и дичи, а Михако, Андро и Брагимъ разливали

вино по кувшинамъ и обносили ими гостей, при чемъ Михако не упускалъ случая подшутить надъ старымъ мусульманиномъ, которому вино было запрещено Кораномъ.

Я сидѣла между Бэллой и молоденькимъ казачьимъ хорунжіемъ, подчиненнымъ отца, который весь обѣдъ смѣшилъ насъ, забавляя самыми невѣроятными разсказами.

Мы такъ и покатывались со смѣху, слушая его. Бабушка приходила въ ужасъ отъ моего громкаго смѣха и дѣлала мнѣ отчаянные знаки успокоиться.

Между тѣмъ, дѣдушка Магометъ поднялъ заздравный кубокъ въ честь моего отца и сталъ славить его по старому кавказскому обычаю. Онъ сравнивалъ его силу съ силой горнаго орла Дагестана, его смѣлость — со смѣлостью ангела-мечеиосца, его красоту и породу — съ красотою горнаго оленя, царя горъ.

И мой отецъ слушалъ и всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи маститаго старца, видѣвшаго на своемъ вѣку много храбрыхъ.

Потомъ, когда онъ кончилъ, всѣ подняли бокалы въ честь моего отца. Мнѣ было дивно хорошо въ эту минуту. Я готова была прыгать и смѣяться и цѣловать дѣда Магомета за то, что онъ такъ хвалитъ моего умнаго, добраго, прекраснаго папу!

Послѣ каждаго блюда, заѣдаемаго по обыкновенію ловашами и чади [1] или солоноварнымъ вкуснымъ квели,

---

[1] Густая каша кусками вмѣсто хлѣба.

Дѣдушка Магометъ поднялъ заздравный кубокъ въ честь моего отца...

дѣда поднимался съ мѣста и съ полной чашей въ рукѣ восхвалялъ того или другого гостя. Вина, какъ вѣрующій магометанинъ, онъ не пилъ, и каждый разъ передавалъ свой кубокъ кому-либо изъ почетнѣйшихъ гостей.

Восхваленіе присутствующихъ шло поочереди. Послѣ блюда вкуснаго шашлыка, мастерски приготовленнаго Барбале, дѣдушка поднялъ чашу въ честь Бэллы, называя ее княгиней Израилъ. Онъ обращался къ ней немного напыщенно и важно, точно къ совершенно посторонней. Бэлла, потупясь, смотрѣла въ тарелку. Я-же, прикрывъ лицо концомъ скатерти, еле сдерживалась, чтобы не фыркнуть на весь столъ. Вѣрно глаза мои краснорѣчиво смѣялись, потому что бабушка не менѣе краснорѣчиво погрозила мнѣ пальцемъ черезъ весь столъ.

Очередь дошла, наконецъ, до меня.

Дѣдушка поднялся еще разъ съ полной чашей вкусной сладковатой влаги и, вперивъ въ меня любящій, ласковый взглядъ, произнесъ торжественно и нѣжно:

— Много на небѣ Аллаха восходящихъ вечернихъ звѣздъ, но онѣ не сравнятся съ золотымъ солнцемъ. Много въ Дагестанскихъ аулахъ черноокихъ дочерей, но красота ихъ потускнѣетъ при появленіи грузинской дѣвушки. Немного лѣтъ осталось имъ красоваться! Она придетъ и—улыбнется восточное небо. Черныя звѣзды—глаза ея. Пышныя розы — ея щечки. Темная ночь — кудри ея. Хвала дочери храбраго князя! Хвала маленькой княжнѣ Нинѣ Джавахѣ-оглы-Джамата, моей внучкѣ!

Дѣдушка кончилъ. А я сидѣла, какъ зачарованная. Ко мнѣ относилось это восхваленіе, точно къ настоящей взрослой дѣвушкѣ. Моя радость не имѣла предѣла. Еслибъ не гости, я-бы запрыгала, завизжала на весь домъ и выкинула что-нибудь такое, за что бы меня навѣрное выгнала изъ-за стола строгая бабушка. Но я сдержала себя, степенно встала и не менѣе степенно поблагодарила милаго тулунгуши:

— Спасибо на добромъ словѣ, дѣдушка Магометъ!

И всѣ — и гости, и родные, и мой милый отецъ не могли не улыбнуться ласковой улыбкой маленькой дѣвочкѣ, игравшей въ взрослую.

Послѣ обѣда, тотъ-же молоденькій хорунжій началъ разсказывать, какъ онъ пріѣхалъ на дикомъ горномъ скакунѣ, не подпускавшемъ къ себѣ никого другого.

Эта лошадь была его гордостью. Онъ прозвалъ ее Демономъ за ея отчаянную злую непобѣдимость.

— Удивительный конь!—говорилъ хорунжій.—Мнѣ привелъ его въ подарокъ одинъ горецъ. Онъ поймалъ его арканомъ въ ту минуту, когда онъ со своимъ дикимъ табуномъ носился по долинѣ. Мнѣ стоило много труда объѣздить и усмирить его. И онъ сталъ покоренъ мнѣ, какъ своему побѣдителю, но только мнѣ одному и никому больше. Остальныхъ онъ не подпускаетъ къ себѣ. Два нашихъ офицера чуть было не поплатились жизнью, когда вздумали обуздать моего Демона...

— Вздоръ! — воскликнулъ мой отецъ. — Послушай,

Врельскій, ты позволишь мнѣ попробовать объѣздить лошадь?

— Это безуміе, князь, рисковать такимъ образомъ,— попробовалъ уговорить хорунжій.

— Прикажи привести коня!

— Князь Джаваха, зачѣмъ рисковать по пустому,— пробовалъ протестовать молодой казакъ.

— Господинъ хорунжій, повинуйтесь вашему командиру!—притворно-строго приказалъ отецъ.

— Слушаю-съ, господинъ начальникъ! — и, сдѣлавъ по-военному поворотъ налѣво кругомъ, хорунжій пошелъ исполнять приказаніе отца.

Всѣ гости столпились вокругъ послѣдняго. Въ полку знали Демона—лошадь Врельскаго—и дѣйствительно никто еще не отваживался проскакать на немъ. Всѣ поэтому боялись, что затѣя моего папы можетъ окончиться печально. Молодая баронесса подняла на отца умоляющіе глазки и тихо просила его измѣнить его рѣшеніе. Только взоры дѣдушки Магомета да юныхъ Израила и Бэллы разгорались все ярче и ярче въ ожиданіи отчаянно-смѣлаго поступка отца.

Къ крыльцу подвели Демона.

Темно-вороной масти, съ дрожащими, красными, точно огнедышащими ноздрями, съ черными глазами, сыплющими искры, весь дрожащій съ головы до ногъ, онъ вполнѣ оправдывалъ свое названіе. Два казака-мингрельца еле сдерживали его.

Отецъ смѣло направился къ коню и взялъ поводъ. Демонъ задрожалъ сильнѣе. Его карій глазъ косился на человѣка. Весь его видъ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Отецъ всталъ передъ самыми его глазами и смотрѣлъ на него съ минуту. Потомъ неожиданно занесъ ногу и очутился въ сѣдлѣ. Демонъ захрапѣлъ и ударилъ задними ногами. Мингрельцы выпустили поводъ и бросились въ разныя стороны. Въ ту-же секунду конь издалъ страшное ржаніе и, сдѣлавъ отчаянный скачокъ, сломя голову понесся по кручѣ внизъ, въ долину.

Два вопля потрясли воздухъ. Одинъ вырвался изъ моей груди, другой изъ груди молодой баронессы.

— Онъ убьетъ его, онъ убьетъ его! — шептала она, закрывая глаза, и судорожно билась на груди своей матери.

Я не билась и не плакала. Но вся моя жизнь перешла въ зрѣніе. Я не спускала глазъ съ скачущаго по долинѣ всадника на бѣснующемся дикомъ конѣ, и что-то стонало и ныло внутри меня.

„Святая Нина! Пречистая просвѣтительница Грузіи! Спаси его! сохрани его! Возврати мнѣ его цѣлымъ и невредимымъ!“—шептали мои побѣлѣвшія губы.

— Іокши, славно, дѣвчурка! Умѣешь быть настоящей джигиткой, — услышала я подлѣ голосъ дѣдушки Магомета.

Но на этотъ разъ его похвала прошла незамѣченной. Я была въ ту минуту олицетвореніемъ молитвы и страха за моего дорогого, любимаго папу.

Но вотъ показалось бѣлое облачко пыли. Вотъ оно ближе, яснѣе... Вотъ уже виденъ синій съ золотымъ шитьемъ казачій кафтанъ отца... Онъ ѣдетъ ровнымъ, растяжнымъ галопомъ... Вотъ уже можно различить коня и всадника... Еще немного—и онъ здѣсь, онъ рядомъ!

Его лицо блѣдно и весело, хотя слѣды утомленія видны на немъ. Но что сталось съ Демономъ? Онъ весь покрытъ бѣлой пѣной... Его дыханіе тяжело и прерывисто. Глаза, гордые глаза непобѣдимаго, дикаго скакуна, полны вымученнаго смиренія. Мой смѣлый отецъ усмирилъ его.

— Браво, браво, князь Георгій! молодецъ, батоно! Смѣлый, ага! — кричали и русскіе офицеры и наши дагестанскіе друзья.

— Папа!—могла только выговорить я.

Онъ обнялъ меня одной рукой, а другую протянулъ баронессѣ, словно ожившей при его возвращеніи.

О, какъ я гордилась имъ—моимъ героемъ-отцомъ!...

А между тѣмъ уже изъ дому неслись звуки чіунгури и зурны, призывающіе гостей къ лезгинкѣ, начинающей каждый балъ въ домахъ Грузіи. Имъ вторилъ потихоньку военный оркестръ, пріѣхавшій изъ Гори къ своему командиру. Изрѣдка раздавались выстрѣлы винтовокъ: это Михако салютовалъ отцу.

Когда всѣ пошли въ домъ, я осталась на балконѣ. Мнѣ такъ много хотѣлось сказать папѣ, я такъ переволновалась за него и такъ восхищалась имъ, что не

могла утаить въ себѣ всѣхъ моихъ разнородныхъ ощущеній. Но онъ пошелъ въ домъ, предложивъ руку молодой баронессѣ и какъ бы позабывъ обо мнѣ.

— Маленькая княжна, первую кадриль со мною,— услышала я веселый окликъ хорунжія Врельскаго.

— Нѣтъ, ступайте, я не хочу танцовать! — произнесла я полупечально, полусердито.

— Но вѣдь папа вернулся здоровымъ и невредимымъ,—не отставалъ офицеръ, — почему-бы и вамъ не поплясать немножко? Или вы боитесь бабушки?

О, это было уже слишкомъ!

Я сверкнула глазами въ его сторону и твердо произнесла:

— О, я не боюсь никого въ мірѣ! Но танцовать я не желаю!

Онъ посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на маленькую злую дѣвочку и, пожавъ плечами, присоединился къ гостямъ...

Изъ залы неслись звуки лезгинки. Я видѣла изъ моего темнаго угла, какъ мелькали алые рукава бешметовъ: это Бэлла плясала свой національный танецъ съ княземъ Израиломъ. Но я не пошла туда, откуда неслись призывные и веселые звуки чіунгури и звенящіе колокольчики бубна. Я осталась на балконѣ, пытливо вглядываясь въ кусты пурпуровыхъ розъ, казавшихся совсѣмъ черными при блѣдномъ сіяніи мѣсяца.

Вдругъ раздался скрипъ двери, звонъ шпоръ, еле

уловимый, какъ дыханіе, шелестъ платья и... все смолкло.

На балконъ вошла юная баронесса въ сопровожденіи моего отца. Я хотѣла скрыться, но какое-то жгучее любопытство приковало меня къ мѣсту. Баронесса опиралась на руку папы и смотрѣла въ небо. Она казалась еще бѣлѣе, еще воздушнѣе при лунномъ свѣтѣ.

— И такъ, вы вручаете мнѣ свою судьбу, — ласковымъ шопотомъ произнесъ отецъ. — Я вѣрю и сознаю, что не легко вамъ будетъ это. Особенно трудно вамъ будетъ поладить съ Ниной и стать для моей дѣвочки второй матерью. Нина дикій цвѣтокъ. Привить его къ чужой почвѣ будетъ трудно. Но съ вашимъ умѣньемъ, съ вашей мудрой головкой вы добьетесь ея любви, я въ этомъ увѣренъ. А разъ она полюбитъ, то дѣлается мягкой, какъ воскъ. Она добрая дѣвочка. У нея настоящее южное отзывчивое и преданное сердечко.

— Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите, князь... Я уже люблю Нину, какъ родную дочь.

— Спасибо вамъ за это, Лиза! Я увѣренъ, что моя дочурка полюбитъ свою новую маму.

Я видѣла ясно, какъ, говоря это, отецъ склонился къ рукѣ баронессы.

— Она уже знаетъ о нашей свадьбѣ? — помолчавъ, спросила баронесса.

Я не слышала, что отвѣтилъ на это отецъ, потому что въ ушахъ моихъ что-то шумѣло, звенѣло и кричало

на нѣсколько ладовъ. Я плохо сознавала: были-ли то звуки доносившейся изъ залы лезгинки, или то билась и клокотала въ мозгу разгоряченная кровь...

Яркой огненной полосою пронизывала меня мысль: „мой отецъ женится, у меня будетъ новая мама!“ Эта мысль показалась мнѣ ужасной, невыносимой...

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого не переживу...

Я готова была крикнуть: „Я не желаю новой мамы. не желаю имѣть мачиху!“

Однако, у меня хватило мужества скрыть мое волненіе пока они не ушли.

Но лишь-только дверь скрипнула за ними, я съ ловкостью кошки бросилась въ садъ, обѣжала его кругомъ, очутилась во дворѣ и по черному ходу пробралась въ самую дальнюю комнату. Сюда смутно долетали звуки военной музыки, смѣнившей родную чіунгури. Лучи мѣсяца слабо проникали черезъ кисейныя занавѣски окна. Въ углу стояла тахта. Я бросилась на нее, билась головою о ея подушки, стучала ногами по ея атласнымъ валикамъ и задыхалась отъ рыданій. Мнѣ казалось, что произошло что-то особенное, отчего долженъ рушиться потолокъ, должны раздвинуться стѣны...

Но ничего этого не случилось... Только близко около меня послышался стонъ.

Я вздрогнула отъ испуга...

Стонъ повторился... Нѣтъ, не стонъ, а нѣжный голосъ, похожій на шелестъ вѣтерка:

— Нина!

Тогда я поняла, что меня звалъ Юлико, лежавшій въ сосѣдней комнатѣ. И странное дѣло, мои страданья какъ-то разомъ стихли. Я почувствовала что тамъ, за стѣною, были болѣе сильныя страданія, болѣе тяжелыя муки, нежели мои. Юлико терпѣливо лежалъ, какъ и всегда съ тѣхъ поръ, какъ упалъ, подкошенный недугомъ. До него, вѣроятно, долетали звуки пира и музыки и веселый говоръ гостей. Но о немъ позабыли. Я сама теперь только вспомнила, что еще наканунѣ обѣщала принести ему фруктовъ и конфектъ отъ обѣда. Обѣщала и... позабыла...

Вся красная и смущенная за мою оплошность, перешагнула я порогъ его комнаты.

Лучи мѣсяца серебрили его бѣлокурую головку. Онъ казался блѣднѣе и меньше среди своихъ бѣлыхъ подушекъ, при мерцающемъ полусвѣтѣ наступающей ночи.

— Тебѣ хуже, Юлико?— спросила я, на цыпочкахъ приближаясь къ нему.

— Мнѣ хорошо, — сказалъ онъ, — я только хотѣлъ васъ видѣть.

— Сейчасъ я сбѣгу внизъ и принесу тебѣ орѣховъ и шербета. Хочешь?

— Нѣтъ, кузина... я не хочу сладкаго... а если вы мнѣ принесете кусочекъ мяса, то буду вамъ очень, очень благодаренъ!

— Мяса?—удивилась я.

— Да... или немного чади! я очень голоденъ... я цѣлый день не ѣлъ сегодня.

Мое сердце сжалось отъ боли. Боже мой, о немъ позабыли!

Бѣдный Юлико! Бѣдный маленькій княжичъ, голодающій на своей роскошной постели, покрытой гербами своего великаго рода!

О немъ позабыли!.. Слезы жалости жгли мнѣ глаза, когда я сбѣжала внизъ, громко крича перепуганной Барбале, чтобы отнесли обѣдъ маленькому князю. Когда я вернулась въ сопровожденіи Андро, несшаго тарелки съ жаркимъ и супомъ, Юлико казался взволнованнымъ.

— Андро,—приказалъ онъ своему слугѣ, — поставь все это и иди... Мнѣ больше ничего не надо.

Какъ-только Андро вышелъ, онъ схватилъ мои руки и залепеталъ тревожно:

— Ради Бога, никому не проговоритесь, Нина, ради Бога! а то бабушка разсердится на Родамъ и Анну, что онѣ забыли накормить меня сегодня и ихъ, пожалуй, прогонитъ изъ дому!

Онъ-ли говорилъ это? Какая перемѣна случилась съ моимъ двоюроднымъ братомъ? Онъ-ли это, поминутно жаловавшійся на меня то отцу, то бабушкѣ за мои продѣлки?

Я его просто не узнавала!

— Что съ тобой, Юлико, — вырвалось у меня, — почему ты сталъ такимъ добрымъ?

— Ахъ, не знаю, — возразилъ онъ тоскливо, — но мнѣ хочется быть добрымъ и прощать всѣмъ и любить всѣхъ! Когда я лежалъ голодный сегодня, у меня было такъ свѣтло на душѣ. Я чувствовалъ, что страдаю безвинно и мнѣ было чудно-хорошо! Мнѣ казалось временами, что я слышу голосъ Дато, который хвалитъ меня! И я былъ счастливъ, очень счастливъ, Нина!

— А я такъ очень несчастна, страшно несчастна, Юлико! — вырвалось у меня и вдругъ я разрыдалась совсѣмъ по-дѣтски, зажимая глаза кулаками, съ воплями и стонами, заглушаемыми подушкой. Я упала на изголовье больного и рыдала такъ, что, казалось, грудь моя разорвется и вся моя жизнь выльется въ этихъ слезахъ. Плача, стеная и всхлипывая, я разсказала ему, что папа намѣренъ жениться, но что я не хочу имѣть новую маму, что я могу любить только мою покойную деду и т. д., и т. д.

Онъ слушалъ меня, упираясь локтемъ на подушки и поглаживая тонкими высохшими ручками мои волосы.

— Нина, Нина, бѣдная Нина! Еслибъ ты знала, какъ мнѣ жаль тебя!

Тебя!

Онъ говорилъ мнѣ ты, какъ равный, и это меня ничуть не оскорбляло.

Тутъ не было пажа и королевы, тутъ были двѣ маленькія души, страдающія каждая по-своему...

Когда мои рыданья затихли, Юлико погладилъ меня по щекѣ и ласково произнесъ:

— Ну вотъ, ты успокоилась. Я буду говорить тебѣ *ты*, потому что люблю тебя, какъ Дато, а Дато я говорилъ ты.

— Говори мнѣ ты,—разрѣшила я, и потомъ жалобно добавила съ полными слезъ глазами:— и люби меня, пожалуйста, потому что меня никто больше не любитъ.

— Неправда, Нина, тебя любитъ твой отецъ... Ты это знаешь! А вотъ у меня никого нѣтъ и никто не любилъ меня никогда во всю жизнь.

Все это было сказано такъ грустно, что я забыла о своемъ горѣ, и съ сердцемъ, сжимающимся отъ жалости, обняла и поцѣловала его.

Мы сидѣли, крѣпко обнявшись, когда къ намъ вбѣжала запыхавшаяся Бэлла. Отъ нея такъ и вѣяло жизнью и весельемъ.

— Одна лезгинка, два лезгинка, три лезгинка и все Бэлла, одна Бэлла,—считала она со смѣхомъ.— Больше никто не хочетъ плясать... Иди на выручку, красоточка-джанымъ!

— Нѣтъ, я не пойду.

— Какъ не пойдешь? Тебя всюду ищутъ. Бабушка приказала.

— Скажи бабушкѣ, что я не пойду. Скажи ей, что я посадила большое пятно на платьѣ и не смѣю выйти. Скажи, голубушка Бэлла!

Она удовлетворилась моимъ объясненіемъ и побѣжала внизъ, ликующая и радостная, словно сіяющій день.

Мы притихли, какъ мышки. Намъ уже не было грустно. Мы тихо посмѣивались, довольные тѣмъ, что насъ не разлучили.

Горе сближаетъ. Въ первый разъ я предпочла общество двоюроднаго брата—веселой и смѣющейся Бэллѣ.

Смерть Юлико

Моя мечта.

ЮЛИКО умиралъ быстро и безшумно, какъ умираютъ цвѣты и чахоточныя дѣти. Мы все время проводили вмѣстѣ. Бабушка, довольная нашей дружбой, оставляла насъ подолгу вдвоемъ и мы наперерывъ дѣлились нашими впечатлѣніями, бесѣдуя, какъ самые близкіе друзья. Бѣлая дѣвушка, иными словами — баронесса Елизавета Владиміровна Корингъ часто посѣщала нашъ домъ. Завидя издали ея изящный шарабанчикъ, такъ рѣзко отличающійся отъ грубыхъ экипажей Гори, я опрометью бросалась къ Юлико и тоскливо жаловалась:

— Она опять пріѣхала! опять пріѣхала, Юлико.

Онъ успокаивалъ меня какъ умѣлъ, этотъ глухо кашляющій и поминутно хватающійся за грудь больной

мальчикъ. Онъ забывалъ свои страданья, стараясь умиротворить злое сердечко большой дѣвочки. А между тѣмъ предсмертныя тѣни уже ложились вокругъ его глазъ, ставшихъ больше и глубже, благодаря худобѣ и блѣдности истощеннаго личика. Онъ раздавалъ свои платья и воротнички прислугѣ и на вопросъ бабушки: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? — заявилъ убѣжденно:

— Вчера ночью ко мнѣ приходилъ Дато; онъ обѣщалъ еще разъ зайти за мною. Мы пойдемъ туда, гдѣ люди ходятъ въ бѣлыхъ прозрачныхъ платьяхъ, отъ которыхъ исходитъ яркій свѣтъ. И мнѣ дадутъ такую-же одежду, если я буду щедрымъ и добрымъ... Иной одежды мнѣ не нужно...

Потомъ, оставшись наединѣ со мной, онъ разсказывалъ мнѣ разныя чудесныя, совсѣмъ незнакомыя сказки.

— Откуда ты ихъ знаешь?—допытывалась я.

— Мнѣ разсказываетъ ихъ мое сердце! — серьезно отвѣчалъ онъ.

Боже мой, чего только не выдумывала его больная фантазія: тутъ были и свѣтлые ангелы, ведущіе борьбу съ темными духами зла и побѣждающіе ихъ. Тутъ были и райскіе сады съ маленькими птичками—душами рано умершихъ дѣтей. Онѣ порхали по душистымъ цвѣтамъ эдема и прославляли пѣніемъ Великаго Творца. Потомъ онъ говорилъ о свирѣпыхъ горныхъ духахъ, прятавшихся въ пещерахъ...

Страшны и заманчивы были его разсказы...

Однажды я сидѣла около постели больного, и мы тихо разговаривали по обыкновенію, какъ вдругъ неожиданно распахнулась дверь и вошла баронесса.

— Кто это?—спросилъ онъ испуганно.

— Меня зовутъ Лиза! — весело и любезно произнесла она,—надѣюсь, я не помѣшала вамъ, Юлико?

Онъ молчалъ... Потомъ неожиданно закрылъ глаза, точно заснулъ.

Она постояла въ раздумьѣ на порогѣ, улыбнулась мнѣ немного растерянной улыбкой и вышла.

— Она ушла? — услышала я въ ту-же минуту шопотъ моего друга.

— Ушла. А ты не спалъ, Юлико?—удивилась я.

— Нѣтъ. Я только хотѣлъ, чтобы она ушла поскорѣе!

— Но... Юлико, ты вѣдь хотѣлъ быть добрымъ...

— Ахъ, Нина! она заставила тебя плакать и я не могу этого забыть.

Мои глаза увлажнились отъ умиленія: такой преданности и любви я не ожидала отъ моего маленькаго бѣднаго друга!

Въ тотъ-же вечеръ отецъ ходилъ съ баронессой Лизой по саду. Увидя ихъ, я хотѣла скрыться, но онъ замѣтилъ меня и подозвалъ къ себѣ.

— Ниночка, отчего ты прячешься?—спросилъ онъ.— Вотъ Елизавета Владиміровна хочетъ подружиться съ тобой.

— Я все время съ Юлико, папа,—отвѣтила я.

— И хорошо дѣлаешь: бѣдному мальчику не много осталось жить... Но когда онъ оставитъ тебя, ты не останешься одна. Съ тобою будетъ твоя новая мама!

„Новая мама“, такъ вотъ оно, окончательное рѣшеніе!

— Ниночка, будешь-ли ты любить меня?—услышала я ласковый голосъ баронессы.

Но я молчала, опустивъ голову и уставясь въ землю.

Меня выручила Барбале, которая пришла звать меня къ Юлико.

Ночью я не могла спать. Что-то большое и тяжелое давило мнѣ грудь. Мнѣ казалось, что какая-то громадная птица съ лицомъ новой мамы летаетъ по комнатѣ, стараясь меня задѣть своими крыльями.

Я проснулась вся въ холодномъ поту. Сумерки давно спустились. Прямо передо мной въ открытое окно сіяла крупная, какъ исполинскій алмазъ, одинокая вечерняя звѣзда.

Я протянула къ ней руки... Я просила ее не меркнуть долго, долго и, пока я не выросту большою, сіять каждую ночь, чтобы мнѣ — маленькой, одинокой дѣвочкѣ не жутко было одной...

Вдругъ легкое дуновеніе вѣтерка пронеслось по комнатѣ и въ немъ я явственно услышала слабый зовъ Юлико:

— Нина.

— Сейчасъ, — откликнулась я и въ минуту была около него.

Онъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами. На коврѣ, у его ногъ, храпѣла Родамъ.

— Ты звалъ меня, Юлико?—спросила я его и очень удивилась, когда онъ отвѣтилъ отрицательно.

— Но я совершенно ясно слышала твой голосъ, — настаивала я.

Онъ вдругъ забился и заплакалъ.

— Нина, дорогая моя, это была смерть...

— Смерть? — вырвалось у меня, и я почувствовала дрожь ужаса во всемъ тѣлѣ.

— Да, смерть,—съ тоскою подтвердилъ онъ:—когда умиралъ Дато, — смерть приходила за нимъ и позвала меня... Я тоже очень испугался... Теперь умираю я... О, какъ страшно, какъ страшно! — и онъ снова заметался въ своей кроваткѣ.

— Юлико, — насколько возможно спокойно проговорила я, — когда умирала деда, она не боялась смерти. Она видѣла ангеловъ, пришедшихъ за нею, и дивный престолъ Господа... Около престола стояли ликующіе серафимы, и деда пошла къ нимъ съ охотой, она не плакала... Темный ангелъ пришелъ къ ней такъ тихо, что никто его не замѣтилъ...

— Но мнѣ такъ душно, Нина, я такъ страдаю!

— Хочешь, я вынесу тебя на кровлю, Юлико, — туда, гдѣ умирала деда?—высказала я внезапно блеснувшую мысль.—Можетъ быть, тамъ тебѣ будетъ легче.

— Это тебѣ не подъ силу, Нина...

— О!— не безъ гордости улыбнулась я,— не думай, что я такая-же слабенькая, какъ ты! Завернись хорошенько, и я отнесу тебя: тамъ тебѣ будетъ легко дышаться; ты увидишь горы и полночную звѣзду.

— Да, да, горы и полночную звѣзду, — какъ эхо вторилъ больной,—да, да, отнеси меня на кровлю, Нина!

Я была сильная, какъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, и Юлико, слабый, исхудавшій за время болѣзни, показался мнѣ легкимъ, какъ перышко.

Осторожно ступая, чтобы не разбудить Родамъ, я шла съ моей ношей по длинному коридору и затѣмъ съ трудомъ стала подниматься по витой лѣстницѣ на верхъ. Ступивъ на кровлю, я положила Юлико, дрожавшаго какъ въ лихорадкѣ, на тахту, ту самую тахту, на которой шесть лѣтъ тому назадъ умирала деда. Потомъ я принесла подушки и бурку, которою закутала больного поверхъ одѣяла.

— О, теперь мнѣ хорошо! — прошепталъ онъ. — Спасибо, добрая Нина.

Вдали темнѣли горы... Одинокая полночная звѣзда стояла прямо передъ нами. Кругомъ слышался тихій шелестъ чинаръ въ саду, и пахло розами невыразимо сладко.

— Тебѣ не страшно больше?—спросила я.

Онъ повернулъ ко мнѣ лицо, все сіявшее какимъ-то тихимъ свѣтомъ, дѣлавшимъ его почти прекраснымъ. Передо мной лежалъ точно новый Юлико... Куда дѣлись

его маленькіе мышиные глазки, его некрасивое, надменное личико!.. Онъ казался теперь кроткимъ бѣлокурымъ ангеломъ... Глазами, увеличенными неземнымъ восторгомъ, съ широко раскрытыми, сіяющими зрачками, онъ смотрѣлъ на полночную звѣзду и шепталъ тихо, чуть внятно:

— Мнѣ кажется... я вижу Дато...

— Гдѣ онъ?—спросила я.

Онъ поднялъ правую руку къ небу и твердо произнесъ:

— Онъ подлѣ престола Создателя... тамъ, между другими ангелами. У него золотыя крылья... и у твоей деды тоже... Они оба улыбаются... манятъ... Мнѣ душно... очень душно... подними мнѣ голову... я, должно-быть, умираю...

— Юлико! — вскрикнула я, — я разбужу бабушку, папу...

— Нѣтъ, нѣтъ, — испуганно зашепталъ умирающій, — не уходи отъ меня. Я никого не хочу, кромѣ тебя... Бабушка навѣрное не любитъ уже меня больше... Я невольно обманулъ ее... Она думала, что я буду здоровымъ и сильнымъ, а я ухожу въ небо, какъ Дато. Я— послѣдній оглы-Джамата... Послѣдній изъ князей Горійскихъ... Когда умретъ дядя Георгій, не будетъ больше рода Джаваха... О насъ забудутъ и въ Грузіи и въ Дагестанѣ... Забудутъ героевъ, павшихъ за родину нашихъ отцовъ и дѣдовъ... Не будетъ рода Джаваха...

— Юлико, — вскрикнула я, прислушиваясь къ его слабѣющему говору, — я позову бабушку, она тебя все-таки любитъ!

— Нѣтъ, — горько улыбнулся онъ, — не любитъ она меня, никто меня не любитъ... Я чужой, никому не нужный... и я никого не люблю, Нина... никого, кромѣ тебя, моя королева...

— Нѣтъ, Юлико, — чуть не плача, вскричала я, — ты больше не будешь моимъ пажомъ, ты братъ мой. Милый братъ! я такъ часто была несправедлива къ тебѣ... Прости мнѣ, я буду любить тебя... буду любить больше Барбале, больше дѣдушки, тети Бэллы... Ты будешь первымъ послѣ папы... Живи только, бѣдный, маленькій, одинокій Юлико!

— Нина! — восторженно-радостно, какъ-бы послѣднимъ порывомъ вырвалось у него, — ты мнѣ это сказала!.. О, какъ хорошо мнѣ теперь... обо мнѣ пожалѣютъ, обо мнѣ поплачутъ... И кто-же? — ты, моя сестра, мой другъ, моя королева! Мнѣ не страшно теперь! мнѣ хорошо... Какъ пахнутъ розы... Точно фиміамъ стелется съ неба... Я вижу Дато... я вижу темнаго ангела объ руку съ нимъ. Они идутъ сюда, они близко... они рядомъ... О, какъ мучительно... Темный ангелъ поднимаетъ руку... Онъ зоветъ... иду... иду... къ тебѣ, Дато!.. Пора, Нина... пора... видишь, они ждутъ меня. О, какъ нестерпимо свѣтятся ихъ бѣлыя одежды... Отъ нихъ идутъ лучи туда... къ небу... къ престолу Бога... Пора... Темный

ангелъ торопитъ... и Дато тоже... Иду къ нимъ... Прощай, Нина, прощай, моя королева!

Его голосъ слабѣлъ, дѣлался глуше, тише. Вотъ еще усиліе... трепещутъ темныя рѣсницы... едва уже понятно что онъ шепчетъ... Легкій стонъ... хрипъ... закрылись глазки... снова открылись... Все стихло... Юлико потянулся всѣмъ тѣломъ и—умеръ.

Мнѣ не было ни грустно, ни страшно. Всѣ чувства сбились въ одно необъятное умиленіе передъ таинствомъ смерти.

Я взглянула вокругъ... Тихо... Ни шороха... ни звука... Только розы распространяютъ далеко вокругъ свой пряный ароматъ, да высоко въ темномъ небѣ горитъ попрежнему ярко великолѣпная, одинокая и гордая полночная звѣзда...

Смерть Юлико никого не удивила. Когда, закрывъ его мертвую головку бѣлой буркой, я сбѣжала внизъ и разбудила бабушку, отца и весь домъ, всѣ спокойно отнеслись къ событію. Бабушка начала было причитать по грузинскому обычаю, но отецъ мой строго взглянулъ на нее и она разомъ стихла. Потомъ она сердито накинулась на меня:

— Я знала, что онъ умретъ, что его часы сочтены, но зачѣмъ ты вынесла его на кровлю: этимъ ты ускорила его смерть, безсердечная дѣвчонка!

Я удивленно вскинула на нее глазами.

— Юлико умеръ, потому что Господь прислалъ за

— Ты права, дитя мое,—сказалъ онъ...

нимъ темнаго ангела смерти... Господь зналъ, когда долженъ умереть Юлико. Я не виновата. Мамао [1] говоритъ, что люди не вольны ни въ жизни, ни въ смерти. Правда, мамао?

Сѣдой священникъ, пришедшій съ послѣднимъ напутствіемъ къ Юлико, тихо улыбнулся и положилъ мнѣ на голову свою благословляющую руку.

— Ты права, дитя мое,— сказалъ онъ,— одинъ Господь можетъ дарить жизнь и насылать смерть людямъ.

Бабушка отошла отъ насъ, недовольная и сердитая. Она не подозрѣвала, какъ она меня оскорбила!..

Слезы обиды обожгли мои глаза.

— Мамао,— рѣшительно подошла я къ священнику, снимавшему епитрахиль послѣ молитвы у тѣла Юлико,— онъ пойдетъ прямо къ Богу?..

— Онъ уже тамъ, дитя мое. Его душа у Престола Всевышняго.

— И каждый умирающій ребенокъ пойдетъ туда?

Онъ подумалъ немного и, остановивъ на мнѣ свои добрые глаза, отвѣтилъ твердо:

— Каждый!

„О, какъ бы я хотѣла умереть,— невольно думалось мнѣ:—тогда-бы я не видѣла ни бабушки, ни баронессы, которую я возненавидѣла отъ всей души“.

Послѣдняя пріѣхала на похороны Юлико въ глубо-

---

[1] Батюшка, священникъ.

комъ траурѣ. Въ черномъ платьѣ она показалась мнѣ еще тоньше и еще воздушнѣе.

Когда двинулась печальная процессія отъ нашего дома съ останками умершаго княжича, я почувствовала горькое одиночество

Наканунѣ я пробралась въ комнату, всю затянутую черной кисеею, гдѣ стоялъ гробъ Юлико, и, положивъ на кудри покойнаго вѣнокъ изъ желтыхъ азалій и бархатныхъ магноліи, сплетенный мною собственноручно, сказала:

— Прощай, Юлико, прощай, бѣдный маленькій пажъ своей королевы... Ты счастливъ уже потому, что не услышишь больше злыхъ рѣчей и никто тебя не упрекнетъ ничѣмъ уже больше... Если мнѣ будетъ очень, очень грустно, ты сослужишь мнѣ послѣднюю службу: ты шепнешь Ангелу смерти, чтобы онъ пришелъ за мною... Слышишь-ли ты меня, Юлико?..

Потомъ я поцѣловала его...

Когда арба съ золоченымъ гробикомъ остановилась у открытой могилки, бабушка заплакала и запричитала, какъ простая грузинка:

— Послѣдній ребенокъ... послѣдній маленькій княжичъ рода Джаваха... вай-ме... горе намъ!.. Горе мнѣ, одинокой старухѣ, которой суждено увидѣть вымираніе славнаго имени!

Ея крики становились все громче и неистовѣе. Тогда папа, взволнованно покручивавшій свои темные усы, подошелъ къ ней.

— Перестань, деда! ты точно и меня похоронила,— сказалъ онъ съ улыбкой, — а вѣдь я еще живъ, слава Богу, и, дастъ Богъ, проживу еще долго, и не увидишь ты прекращенія нашего славнаго рода.

Она успокоилась и уже больше не плакала.

Гробъ Юлико опустили въ землю...

Въ тотъ-же вечеръ въ траурной залѣ, гдѣ справлялись поминки по умершему княжичу, въ присутствіи многихъ гостей, собравшихся на похороны, отецъ сказалъ громко:

— Наша свадьба отложится на три недѣли, по случаю смерти маленькаго Джаваха.

Я обомлѣла...

Такъ, значитъ, это — все-таки дѣло рѣшенное; значитъ, свадьба будетъ; значитъ, тоненькая баронесса будетъ моей мачихой?..

Бабушка, забывъ свои недавнія слезы, съ нѣжной лаской смотрѣла на ту, которая должна была стать черезъ три недѣли молодой княгиней Джаваха, а гости улыбались ей ласково и любезно...

Я не помню, какъ я вышла изъ-за стола, какъ проскользнула въ мою комнату. Опомнилась я только передъ портретомъ покойной мамы, который висѣлъ надъ моей постелькой.

Мои щеки горѣли, какъ въ огнѣ... Мои глаза застилали слезы...

— Деда, — въ изступленіи говорила я, вперивъ

взглядъ въ ея милый образъ съ печальными глазами и прекраснымъ лицомъ, — ты была и останешься моей единственной... Другой деды не хочетъ твоя крошка, твоя джанымъ! И если этого пожелаетъ судьба, то я убѣгу, деда! Я убѣгу въ горы... къ дѣдушкѣ Магомету... къ княгинѣ Бэллѣ Израилъ.

И я рыдала, говоря это, такъ громко, что Барбале прибѣжала узнать что со мною.

— Барбале, — вскричала я, — будь свидѣтельницей, Барбале, что я не хочу новой деды! Слышишь-ли ты это, моя старая Барбале?

Она поняла меня.

— Княжна бѣдняжечка! — прошептала добрая старуха и, обхвативъ меня руками, вдругъ заплакала.

И я заплакала вмѣстѣ съ нею... Это уже не были слезы гнѣва, обиды... Ласка Барбале размягчила мнѣ сердце... Въ умѣ зрѣло рѣшеніе.

Колдунья Сарра. Бѣгство

Я рѣшила бѣжать.

И это мое рѣшеніе было твердо.

Планъ бѣгства я уже составила. Оно было не такъ легко. Меня, княжну Джаваху, въ Гори знала послѣдняя армянка-торговка, зналъ послѣдній грязный татарченокъ. Меня могли вернуть. Но я все предусмотрѣла.

Я знала одного маленькаго бѣднаго странствующаго музыканта, сазандара-грузина Беко. Онъ жилъ въ бѣднѣйшемъ кварталѣ Гори за базарною площадью. Говорили, что его мать, старая Сарра, была колдунья. У сазандара Беко была волынка. Онъ приходилъ въ сады богатыхъ горійцевъ и пѣлъ свои пѣсни... Беко былъ одного роста со мною и обожалъ серебряные абазы [1].

[1] Двадцать копѣекъ.

Когда ему бросали ихъ изъ оконъ, онъ кидался на нихъ съ такою жадностью, точно отъ этого зависѣла его жизнь. У меня былъ подарокъ отъ папы, новенькіе, блестящіе два тумана [1], и я рѣшила дать ихъ Беко съ тѣмъ, чтобы онъ продалъ мнѣ свой сазандаръ [2] и свои лохмотья. Маленькій сазандаръ безпрепятственно могъ проникнуть въ горы, не возбуждая подозрѣній... И я рѣшила превратиться въ маленькаго сазандара.

Съ этой цѣлью, наканунѣ задуманнаго мною бѣгства, я велѣла осѣдлать Шалаго и поѣхала въ Гори.

Я ѣхала тихо, опустивъ поводья, несказанно удивляя татарчатъ, привыкшихъ къ моей бѣшеной скачкѣ. Въ послѣдній разъ оглядывала я грустными глазами мой дорогой Гори, развалины, долины.

На базарной площади затихала жизнь. Время близилось къ закату.

Толстыя армянки сидѣли около своихъ лавокъ, шелушили тыквенныя сѣмячки и сплетничали напропалую.

Персіянинъ, продавецъ тканей, кивнулъ мнѣ головою и похвалилъ мою лошадь. Онъ хорошо зналъ папу.

— Саремъ,— спросила я,— не знаешь-ли какъ проѣхать къ старой Саррѣ?

— Надо прочь съ коня, сіятельная княжна. Такъ не проѣдешь. Надо спуститься рядами, за уголъ налѣво,— обязательно пояснилъ онъ и потомъ, мигнувъ

[1] Золотыя монеты въ десять рублей.
[2] Волынку.

лукаво глазомъ, спросилъ: — Пріѣхала гадать къ старой Сарръ?

Я поблагодарила его, спрыгнула съ лошади и, передавъ ее персу, хотѣла уже идти по указанному пути, какъ вдругъ неожиданно передъ нами выросъ какъ изъ-подъ земли Беко. Онъ шелъ со своей волынкой, напѣвая что-то вполголоса.

— Беко!—крикнула я,—подожди меня: я шла къ вамъ.

Онъ приблизился удивленный и какъ-бы немного испуганный.

— Что надо сіятельной госпожѣ?—спросилъ онъ.

— Мнѣ надо сказать тебѣ по секрету, Беко,—шепнула я такъ, чтобы не услыхалъ Саремъ, и тотчасъ же добавила вслухъ:—Сведи меня къ матери твоей, я хочу узнать мою судьбу.

Онъ изумился, что такая маленькая дѣвочка желаетъ гадать у его матери, но все-же повелъ меня къ ней.

Дорогой я пояснила ему, что желаю купить у него его волынку и его рваное платье. При моемъ обѣщаніи дать ему два тумана, глаза его заискрились.

— А зачѣмъ нужна сіятельной госпожѣ бѣдная одежда сазандара?—лукаво жмурясь, спросилъ онъ.

— Видишь-ли, Беко,—солгала я,—у насъ затѣвается праздникъ... ты знаешь, свадьба моего отца... онъ женится на знатной русской дѣвушкѣ. Я хочу одѣться сазандаромъ и спѣть пѣсню въ честь новой деды.

— Но ты не умѣешь играть на волынкѣ, госпожа,— засмѣялся Беко.

— И не надо... Я скажу, что волынка сломана, и она останется за плечами, я буду только пѣть...

— Въ такомъ случаѣ, идемъ. Я сведу тебя къ матери. Она должна согласиться.

— Ты думаешь?—робко освѣдомилась я.

— Навѣрно, мое платье ветхо, почти лохмотья, а волынка не стоитъ ничего. И если госпожа обѣщаетъ два тумана...

— Я дамъ тебѣ ихъ, Беко,—поспѣшила я его успокоить.

— Мать согласится, — убѣжденно подтвердилъ онъ и тотчасъ добавилъ:—Мы пришли, госпожа.

Я знала, что есть бѣдняки, живущіе въ подвалахъ, но то, что я увидѣла, превзошло всѣ мои ожиданія.

Странствующій сазандаръ — бѣднѣйшій человѣкъ въ Грузіи. А Беко только начиналъ свою дѣятельность. Онъ жилъ съ матерью въ жалкой лачугѣ, примостившейся угломъ къ базарной кузницѣ и закоптѣлой, какъ уголь, вслѣдствіи этого сосѣдства.

Я толкнула маленькую дверь и очутилась въ темнотѣ.

— Деда,—произнесъ Беко,— я привелъ сіятельную госпожу. Ты слышишь, деда?

— Я здѣсь, сынокъ, — отвѣтилъ изъ дальняго угла глухой и хриплый голосъ.

— Но тутъ темно, какъ въ могилѣ. Я ничего не вижу!—робко произнесла я.

Въ ту-же минуту чиркнула спичка. Желтенькое пламя ея заколебалось въ углу.

Люди считали мать Беко колдуньей. Она никуда не выходила изъ своего жилища, точно боялась солнечнаго свѣта. За то къ ней охотно шли темные, наивные жители бѣднаго квартала. Она гадала имъ на картахъ, зернахъ кукурузы и кофейной гущѣ.

Она казалась безумной или притворялась ею.

Я невольно вздрогнула при видѣ худой, сгорбленной, еще не старой женщины, въ яркихъ пестрыхъ лохмотьяхъ, съ выглядывающими изъ-подъ шапочки сѣдыми космами. Ея глаза горѣли неспокойными огоньками. Она поминутно принималась безпричинно смѣяться и мурлыкать себѣ подъ носъ.

— Будь здорова, сіятельная княжна Нина Джаваха,—произнесла она.

— Откуда ты знаешь мое имя, Сарра? — удивилась я, подавляя въ себѣ невольный страхъ при видѣ старухи.

— Нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего-бы не знала Сарра,— странно засмѣялась она, — знаетъ Сарра и то, что дѣлается за 10 тысячъ верстъ отсюда.

— Матушка,—робко произнесъ Беко,—княжна желаетъ...—и онъ тихо и скоро началъ передавать ей причину моего прихода.

Она слушала внимательно, блуждая глазами по моей фигурѣ, и вдругъ вскрикнула:

— Два тумана! Великія силы темныя и свѣтлыя, два тумана! За ветхія лохмотья два тумана! Вѣрно-ли я слышала, Беко?

—Вѣрно, — произнесъ мальчикъ,—и за волынку тоже.

— Хвала темнымъ и свѣтлымъ силамъ! Теперь старуха Сарра можетъ питаться и не одними кукурузовыми зернами!.. А къ празднику купитъ мокко (кофе), настоящаго турецкаго мокко... слышишь ты, Беко, чернаго мокко и долю табаку!

И вдругъ она неожиданно взвизгнула и дико закружилась по комнатѣ.

— Долю табачку и мокко, настоящаго турецкаго мокко!—выкрикивала старуха, кружась, точно въ изступленіи безумія.

Я дрожала отъ страха... Мои зубы стучали.

— Беко,—сказала я,—возьми свои два тумана и отдай мнѣ платье... Мнѣ пора идти.

— Да, да, сынокъ, дай ей платье, ей пора идти,— подхватила старуха,—только получи съ нея два тумана... получи съ нея два тумана! — еще громче выкрикнула она хриплымъ, непріятнымъ голосомъ.

Я задрожала еще сильнѣе.

— Вотъ два тумана, Беко... — произнесла я, едва владѣя собой, и протянула руку.

Въ ту-же минуту я почувствовала на ней прикосновеніе острыхъ крючковатыхъ ногтей, и вмигъ червонцы исчезли съ моей ладони.

Старуха Сарра по-прежнему прыгала и приплясывала по земляному полу своей комнатки. Беко пошелъ въ темный уголъ, чтобы снять съ себя платье, единственное, можетъ быть, которое имѣлъ. Моя голова кружилась и отъ ѣдкаго непріятнаго запаха, царившаго въ этомъ ужасномъ жилищѣ, и отъ криковъ безумной. Едва получивъ узелокъ отъ Беко, я кивнула обоимъ и поспѣшно направилась къ выходу.

Въ три прыжка старуха очутилась передо мною и загородила мнѣ дверь.

— Миленькая барышня, — залепетала она скороговоркой, — красавица госпожа... позволь старой Саррѣ открыть тебѣ будущее. А за это ты дашь ей еще одинъ блестящій маленькій абазъ... Одинъ только абазъ... сіятельная госпожа... на трубку Саррѣ...

— Но у меня больше ничего нѣтъ,—смущенно пролепетала я,—я отдала вамъ все, что у меня было.

— Ай, ай, ай!—зачѣмъ такой хорошенькой госпожѣ говорить неправду... — отвратительно засмѣялась безумная... — Хорошенькая госпожа съ алмазными глазами дастъ бѣленькій абазъ бѣдной Саррѣ... Сарра разскажетъ госпожѣ все... все...

— Но...

— Слушай, дѣвушка,—вдругъ совсѣмъ перемѣнила тонъ старуха и, при мерцающемъ свѣтѣ огарка, лицо ея стало важно и неподвижно, какъ у мертвеца, — слушай, дѣвушка... черныя мысли посланы шайтаномъ...

великою темною силою... темная сила изгоняетъ свѣтлую изъ твоей души... Душа твоя борется... Темная сила торжествуетъ. Я вижу горы... черная ночь ихъ караулитъ... Идетъ сазандаръ по горной тропинкѣ... идетъ не по волѣ. Бѣлая голубка замѣняетъ черную орлицу въ гнѣздѣ орла... Сазандаръ все дальше... и дальше... Ему смерть заглядываетъ въ очи... Крыло темнаго ангела близко, но его не задѣло... Онъ живъ... Горный соколъ его защита... Но горному соколу не долго летать въ горахъ... Я вижу кровь... много крови... А тамъ плачетъ бѣлая голубка, что не попала въ гнѣздо орла... Орелъ любитъ свое дѣтище... И еще дорога... Холодная страна... и дѣвушки... ихъ много... много... Орленокъ пойманъ и запертъ въ клѣтку... Онъ задыхается и плачетъ... онъ рвется въ горы и снова темный ангелъ близко... Его крыло трепещетъ... Онъ...

Старуха не кончила... Она упала въ конвульсіяхъ у порога и громко застонала...

Быстрымъ движеніемъ рванула я дверь и очутилась на воздухѣ.

Я опять увидѣла небо и Гори... Смрадное жилище предсказательницы осталось позади...

— Что наврала тебѣ старуха?—заинтересовался Саремъ, подавая мнѣ стремя,—на тебѣ лица нѣтъ, княжна!

— О, Саремъ, — вырвалось у меня, — какъ все это ужасно, надо ей помочь, она умираетъ.

— Выживетъ. Вѣдьмы живучи, — разсмѣялся онъ

— Миленькая барышня, позволь старой Саррѣ открыть тебѣ будущее...

недобро,—еще долго будетъ морочить народъ и выклянчивать деньги!.. Добрый путь, княжна, кланяйся генералу,—и, кивнувъ мнѣ еще разъ головою, онъ пошелъ къ себѣ подъ навѣсъ, а я поскакала къ дому.

Никогда еще не была я такъ безжалостна къ моему коню, никогда такъ не хлестала крутыхъ боковъ Шалаго крошечной нагайкой. Вѣрный конь понималъ меня и несъ быстро-быстро. Въ мозгу моемъ проносились обрывки бредней вѣщуньи. Я хотя и считала ихъ вздоромъ, но не могла выгнать изъ мыслей. Я рвалась домой...

На завтра былъ рѣшенъ мой побѣгъ. Ни одна душа не догадывалась о немъ. Цѣлыя три недѣли готовилась я къ нему. Въ маленькомъ узелочкѣ были сложены ловаши и лобіи, которыя я ежедневно откладывала отъ обѣда и незамѣтно уносила къ себѣ. Мой маленькій кинжалъ, остро отточенный мною на кухонной точилкѣ во время отлучки Барбале, тоже лежалъ подъ подушкой... Я уже сходила на кладбище проститься съ могилками мамы и Юлико и поклясться еще разъ моей неразрывной клятвой у праха деды.

Я выпустила на свободу Казбека, у котораго за лѣто порядочно отросли крылья, и молодой орелъ улетѣлъ въ горы. Съ бабушкой я была особенно добра послѣднее время: мнѣ не хотѣлось оставлять по себѣ дурного впечатлѣнія. Даже съ ненавистной баронессой я была очень любезна, чѣмъ порадовала папу. Барбале, Родамъ, дурачокъ Андро, отчаянно грустившій со смерти своего

молоденькаго княжича, Брагимъ, Михако и Анна — всѣ не могли нахвалиться мною. Я была кротка, добра, предупредительна. Къ отцу только я не ласкалась... Я боялась, что если прижмусь къ моему дорогому, если загляну въ его милые, прекрасные глаза,—у меня уже не хватитъ силы его покинуть и я не въ состояніи буду исполнить моего замысла, не рѣшусь оставить его...

Всѣ эти три недѣли я ежедневно уносилась съ Шалымъ въ предмѣстья Гори, прощаясь съ милыми, родными мѣстами...

И вотъ день побѣга подошелъ.

Наканунѣ, сидя въ послѣдній разъ на спинѣ Шалаго, я невозможно горячила его, чтобы упиться до конца безумно-быстрой скачкой.

— Завтра, завтра, — твердила я, какъ во снѣ. — Завтра я уже не буду видѣть тебя, мой розовый, мой благоухающій Гори... я буду далеко... Завтра, когда счастливая невѣста войдетъ въ домъ моего отца, маленькая, злая княжна Нина будетъ уже за нѣсколько десятковъ верстъ отъ дома! Прощай, Гори! Прощай, моя родина!.. Да, завтра меня здѣсь не будетъ. „Бѣлая голубка замѣнитъ въ гнѣздѣ черную орлицу,— вспомнила я предсказанія Сарры. — Маленькій орленокъ не можетъ ужиться въ одномъ гнѣздѣ съ бѣлой голубкой...“ Какъ хорошо, какъ поэтично высказала Сарра свое пророчество!..

— Пророчество? — съ ужасомъ поймала я себя на

мысли,—пророчество—значитъ, Сарра говорила правду... Она ясновидящая!.. А горный коршунъ, а кровь... а дѣвушки и тѣсная клѣтка? Что это? Помоги мнѣ, Боже! Я ничего не понимаю!

Почти безчувственную снялъ меня съ лошади отецъ, ожидавшій у крыльца моего возвращенія, и, прижавъ къ груди, понесъ въ домъ.

— Нина, что такъ долго? какъ ты насъ испугала, дитя мое! Гдѣ была ты? — ласково журилъ онъ меня дорогой.—Что съ тобой? Какъ ты поблѣднѣла!

— Ничего, папа, меня понесъ немного Шалый, — солгала я.

— Эти прогулки пора прекратить,—слышишь-ли! Ты не будешь больше ѣздить на Шаломъ, пора приняться за серьезное ученіе, — строго проговорила бабушка, не удостоивъ меня даже взглядомъ.

— Да онѣ и прекратятся, завтра-же,—не безъ злорадства сказала я, дерзко взглянувъ на эту сухую, черствую, педантичную старуху.

— Что это у тебя, дитя? — спросилъ отецъ, указывая на узелокъ, который я, какъ сокровище, прижимала къ груди.

— Это? — и я вспыхнула, какъ зарево, — это... маленькій сюрпризъ тебѣ на завтра... къ свадьбѣ... — солгала я еще разъ невольно въ этотъ вечеръ.

Бѣдный, милый отецъ! Еслибъ онъ зналъ, что за свадебный подарокъ готовила ему его любимица-джа-

нымъ! Къ счастью, людямъ не дано судьбою читать въ мысляхъ другъ друга.

Онъ ласково, счастливо улыбнулся мнѣ...

Чай, выпитый мною въ послѣдній вечеръ въ отцовскомъ домѣ, показался мнѣ горькимъ и невкуснымъ. Я не дотронулась ни до ужина, ни до вина. Потомъ, ссылаясь на головную боль, я попросила позволенія выйти изъ-за стола.

Бабушка сердито покосилась на меня, а отецъ всталъ встревоженный.

— Что съ тобой, чеми потара сакварело, что съ тобою?—спросилъ онъ, благословляя меня на сонъ грядущій и заглядывая въ мои глаза.

— Ничего, папа, болитъ голова немного, устала и только!—возможно спокойнѣе отвѣчала я и, боясь разрыдаться у него на глазахъ, поспѣшила выйти.

Онъ догналъ меня на дорогѣ, поднялъ на руки и понесъ, шутливо убаюкивая, какъ это часто дѣлалъ въ дѣтствѣ.

— Папа-радость! — могла я только выговорить и съ силой прижалась къ его груди.—Любишь ты меня?

— Люблю-ли я тебя?—вскричалъ онъ,—тебя — мою малюточку, мою дѣвочку, мою дочурку-джанымъ!.. Люблю-ли я тебя? И ты можешь это спрашивать, злая крошка?

— Папа мой, — шепнула я, блаженно закрывая глазки,—еслибъ я умерла... какъ мама и Юлико... ты бы много плакалъ? горько?

— О-о! — стономъ вырвалось изъ его груди и онъ до боли крѣпко сжалъ меня руками.

Я видѣла при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, какъ помертвѣло его лицо, и сердце мое сжалось.

— Что ты, папа, золото мое... вѣдь я жива, я около тебя... здѣсь, папа... и буду съ тобою, хорошей, умницей... а ты посиди за это у меня на постелькѣ и разскажи мнѣ сказку о лучѣ мѣсяца... помнишь, какъ разсказывалъ, когда я была малюткой!—просила я, ласкаясь къ нему.

— Да, да, — обрадовался онъ, — я разскажу тебѣ сказку, а ты лежи тихо, тихо... какъ мышка.

— Милый папа, — позвала я его, въ одну минуту раздѣвшись и юркнувъ въ постель,—я готова. Начинай свою сказку...

Онъ сѣлъ на краю кроватки и, играя моими черными, длинными косами, унаслѣдованными мною отъ мамы, началъ свою сказку...

Чудесная это была сказка! Лучъ мѣсяца разсказывалъ въ ней о своихъ странствіяхъ—какъ онъ заглядывалъ на землю въ людскія жилища и что видѣлъ тамъ: онъ былъ и въ царскомъ чертогѣ, и въ землянкѣ охотника, и въ тюрьмѣ, и въ больницѣ... Чудесная сказка, но я ее на этотъ разъ вовсе не слушала. Я только ловила звуки милаго голоса и сердце мое замирало отъ сознанія, что завтра я уже не услышу его, не увижу этого чудеснаго, добраго лица съ гордыми прекрасными глазами и ласковымъ взглядомъ.

Я закрыла глаза, живо представляя себѣ его образъ, чтобы убѣдиться — удастся-ли мнѣ это, когда я буду вдали отъ него.

— Ты спишь, моя крошка?—тихо спросилъ онъ.

Еслибъ я отвѣтила, то, навѣрное, разрыдалась-бы: такъ нѣженъ, такъ женственно-ласковъ былъ его вопросъ. Я промолчала...

Тогда онъ наклонился надо мной и нѣжно и слабо коснулся губами моего лба.

— Спи, моя дочурка, спи, чеми потара саквареле,— произнесъ онъ свою любимую ласковую фразу.

Броситься къ нему на грудь, обвиться руками вокругъ его шеи, прижаться отвѣтнымъ поцѣлуемъ къ его дорогимъ устамъ—вотъ что хотѣла я сдѣлать. Но... не сдѣлала...

„Свадьба завтра... Бѣлая голубка поселится въ орлиномъ гнѣздѣ, гдѣ маленькому орленку нѣтъ мѣста... О, деда! я сдержу мою клятву!“ — вихремъ пронеслось въ моихъ мысляхъ.

Онъ вышелъ, осторожно ступая, чтобы не разбудить меня, а я зарылась головою въ подушки и рыдала глухо, неудержимо. . . . . .

. . . . . .

Еще лучи восхода не золотили Гори, когда я, въ костюмѣ сазандара Беко, вышла изъ дому съ волынкой за плечами и узелкомъ въ рукахъ.

Я долго передъ уходомъ возилась съ моими волосами:

они никакъ не хотѣли укладываться подъ грязную баранью папаху. Рѣзать мнѣ ихъ не хотѣлось. Волосы — гордость и богатство восточной дѣвушки. Да и въ аулѣ Бестуди засмѣяли-бы стриженую дѣвочку. И я съ трудомъ запихала ихъ подъ шапку, радуясь, что не пришлось ихъ рѣзать.

Выйдя изъ дому, я обрывомъ спустилась къ Курѣ, перешла мостъ и, взобравшись на гору съ противоположнаго берега, оглянулась назадъ. Весь Гори былъ какъ на ладони. Вотъ нашъ домъ, вотъ садъ, вотъ старый густолиственный каштанъ подъ окномъ отца... старый каштанъ, посаженный еще при дѣдушкѣ... Тамъ за его вѣтвями спитъ онъ, мой папа... добрый... любимый... Онъ спитъ и не подозрѣваетъ, что задумала его злая потара сакварела...

Бѣдный, дорогой папа, простишь-ли ты свою джанымъ, свою голубку? Прости, добрый, прости, милый! прости, мой папа! я не могла поступить иначе... Прости и вѣрь, что я люблю тебя много, сильно... Прощай, и ты,—моя родина... моя тихая, улыбающаяся Грузія... Я ухожу отъ тебя искать новую жизнь въ суровыхъ горахъ Дагестана... Прощай, родной, тихій, благоухающій, розовый Гори!..

Я оглянулась еще разъ... еще и еще... потомъ зажмурилась и бѣгомъ кинулась по направленію горъ.

Солнце вставало... Золотые лучи робко касались горныхъ каменныхъ гребней, густо поросшихъ цѣпкимъ

виноградникомъ... Долина Куры — самая бѣдная плодородіемъ, но я любила ее, потому что здѣсь моя родина... Я любовалась ею и ничего лучшаго не хотѣла-бы взамѣнъ... А между тѣмъ, я уходила все дальше и дальше, смутно помня дорогу, по которой два съ половиной мѣсяца тому назадъ мы ѣхали въ Дагестанъ. Но скоро пришлось измѣнить направленіе: мнѣ было не безопасно идти по проѣзжему тракту. Далеко вокругъ Гори знали богатаго, именитаго князя Джаваха и его черноглазую дочь. Поэтому я свернула въ горы и углубилась въ нихъ, стараясь все-же держаться направленія почтоваго тракта. Изрѣдка до меня доносились звуки колокольчика и топотъ лошадей. Потомъ все стихло... Должно-быть, я сбилась съ дороги... Мнѣ хотѣлось ѣсть; ноги мои, не привыкшія къ ходьбѣ, болѣзненно ныли.

— Надо будетъ подождать, пока смеркнется, и пойти проситься переночевать въ аулѣ, — рѣшила я, доставая изъ мѣшка ловаши и принимаясь за ѣду.

Я сильно проголодалась и быстро уничтожала свои припасы.

Наконецъ, голодъ былъ утоленъ, но начиналась жажда. „Тутъ должна быть близко вода“, — мелькнуло въ моей головѣ.

Я слышала шумъ рѣки или потока и, бодро вскочивъ на ноги, стала пробираться въ чащу.

Взобравшись на гору, я тихо ахнула. Изъ зеленаго утеса билъ родникъ. Высокая, стройная дѣвушка въ

голубомъ бешметѣ, безъ шапочки, но съ одной фатой, по-мингрельски накинутой поверхъ черныхъ косъ, наполняла водой свой глиняный кувшинъ.

Увидя меня, она вскрикнула:

— Какой красавчикъ-сазандаръ! Откуда?

— Изъ Цылканъ,— солгала я храбро.

— А идешь?

— Иду, куда глаза глядятъ, куда поведутъ меня мои пѣсенки. Можно мнѣ напиться, красавица?.. не знаю, какъ твое имя...

— Можно,—засмѣялась она,—вода не моя, а Божья... Да какъ-же ты одинъ-то... вѣдь совсѣмъ молоденькій сазандаръ... Поди и двѣнадцати нѣтъ?

— Четырнадцать, — еще разъ солгала я, уже не краснѣя.

— Все-же молоденькій. Вѣрно, мало тебя любитъ твоя деда, если отпускаетъ одного.

— Моя деда въ землѣ, — отвѣчала я печально. — Нѣтъ у меня деды... Я сирота... одинъ на свѣтѣ.

— Бѣдный маленькій сазандаръ! У меня тоже нѣтъ матери, но у меня есть отецъ. Онъ держитъ духанъ [1] у аула. Онъ армянинъ. Знаешь ты духанъ армянина Аршака? Нѣтъ, не знаешь? Это отецъ мой... Пойдемъ со мною, миленькій сазандаръ... Мы накормимъ тебя въ нашемъ духанѣ, а ты намъ споешь за это свои пѣсни.

---

[1] Трактиръ, харчевня.

Я люблю пѣсни, и гости въ духанѣ тоже будутъ ихъ слушать и дадутъ тебѣ блестящіе абазы... Пойдемъ, миленькій сазандаръ.

Ночь въ горахъ не предвѣщала ничего добраго; а голосъ дѣвушки былъ такъ нѣженъ, и сама молоденькая армянка выглядѣла такой ласковой, что я согласилась на ея предложеніе.

— Какъ тебя зовутъ? — спрашивала она меня дорогой.

— Беко!—отвѣтила я, не моргнувъ глазомъ.

— Ты знаешь много пѣсенъ, Беко?

— Много знаю. Къ несчастью, моя волынка сломана и я не могу играть на ней, но мой голосъ чистъ и звученъ, и я знаю много хорошихъ пѣсенъ.

— Ну, вотъ мы и пришли!—воскликнула моя новая покровительница.

Мы, дѣйствительно, стояли у дверей духана, изъ котораго неслись шумъ и хохотъ гостей.

— Отецъ, — крикнула Като (такъ звали дѣвушку), вводя меня въ большую, заполненную клубами табачнаго дыма, комнату, гдѣ запахъ бурдючнаго вина сливался съ запахомъ сала и баранины,—я веду къ тебѣ гостя.

Толстый армянинъ, съ крючковатымъ носомъ и бѣгающими черными глазками, недружелюбнымъ взоромъ окинулъ меня и грубо крикнулъ:

— Зачѣмъ привела нищаго пѣсенника? Много ихъ шляется! Духанъ не ночлежный домъ.

Высокая, стройная дѣвушка наполнила водой свой глиняный кувшинъ...

— Но онъ сазандаръ, батюшка,—вступилась за меня Като,—онъ знаетъ пѣсни.

— Какое мнѣ дѣло до твоего сазандара и до его пѣсенъ!—грубо крикнулъ армянинъ, но тутъ гости, фигуры которыхъ постепенно стали вырисовываться изъ облаковъ дыма, вступились за меня.

— Почему-бы и не попѣть немножко маленькому сазандару... Къ тому-же онъ тихъ, какъ курица, и выглядитъ дѣвчонкой.

Гостей было нѣсколько человѣкъ, они пили и курили; трое изъ нихъ играли въ углу въ карты.

— Ну, ладно, оставайся,—разрѣшилъ хозяинъ,—и потѣшь господъ.

Въ ту-же минуту Като поставила передо мною блюдо дымящагося шашлыка. Я не ѣла ничего горячаго со вчерашняго дня и поэтому приправленный прогорклымъ саломъ шашлыкъ показался мнѣ очень вкуснымъ.

— Ну, а теперь спой, сазандаръ,—приказалъ содержатель духана, когда тарелка, поданная мнѣ, опустѣла.

Я храбро вышла на середину комнаты и, взглянувъ на улыбающуюся Като, запѣла:

„Въ горной тѣснинѣ пріютился духанъ... Въ немъ бойко торгуетъ старый Аршакъ... У Аршака дочь красавица Като... У Като черныя очи и доброе сердце. Ей жаль бѣднаго сазандара, попавшагося на дорогѣ. Она приводитъ его въ духанъ и даетъ ему ѣсть. Сазандаръ благодаритъ Като и желаетъ ей добраго жениха. А гости

въ духанѣ смотрятъ на Като и говорятъ: „Это добрая дѣвушка. Взять ее къ себѣ въ домъ — значитъ, получить благо, потому что доброе сердце жены—величайшее богатство въ домѣ Грузіи“...

Я не знаю, какимъ образомъ случилось то, что пѣсня слагалась въ моихъ устахъ толково и гладко. Гости одобрительно кивали головами, старый Аршакъ подмигивалъ имъ на закраснѣвшуюся Като, а Като сквозь смѣхъ шептала:

— Ишь, что выдумалъ, пригоженькій сазандаръ!

Ободренная успѣхомъ, я начала имъ ту пѣснь, которую слышала отъ деды о Черной розѣ, унесенной на чужбину:

Черная роза въ расщелинѣ скалъ
Выросла нѣжной весною,
Вѣтеръ апрѣльскій цвѣточекъ ласкалъ,
Ночь поливала росою...
Роза цвѣла, ароматомъ своимъ
Воздухъ родной насыщая...
Вдругъ...

Мой голосъ оборвался на полуфразѣ... Подъ окномъ духана зазвенѣли подковы лошадей... Кто-то близко щелкнулъ нагайкой...

— Что-же остановился, мальчуганъ? — Это новые гости,— успокоивали меня мои слушатели.

Это въ самомъ дѣлѣ были новые посѣтители.

Хозяинъ вышелъ на крыльцо. Минутъ съ пять онъ поговорилъ съ ними, потомъ снова вошелъ въ комнату и сказалъ громко:

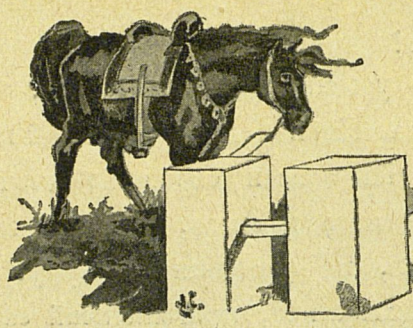
— Они ея не нашли!

— Кого?—вырвалось у меня помимо желанія.

— Видишь-ли,—начала Като:—одинъ горійскій генералъ и князь разослалъ на поиски своихъ подначальныхъ казаковъ. Дочка у него пропала, совсѣмъ молоденькая дѣвочка. Боятся, не упала-ли въ Куру. Нигдѣ слѣда нѣтъ. Не видалъ-ли ея, пригоженькій сазандаръ?

— Нѣтъ, не видалъ,—съ дрожью въ голосѣ произнесла я и подумала: „Бѣдный, бѣдный папа! сколько невольнаго горя я причинила тебѣ!...“

Оставаться дольше въ духанѣ, куда каждую минуту могли пріѣхать наши казаки, было опасно. Поэтому я воспользовалась тѣмъ временемъ, когда хозяева вышли провожать гостей, прыгнула въ окно и исчезла въ темнотѣ наступающей ночи...



Ночь въ горахъ.

Овца.

Я шла наугадъ, потому что черныя тучи крыли небо и ни зги не было видно кругомъ. Воздухъ, насыщенный электричествомъ, былъ душенъ тою нестерпимою духотою, которая саднитъ горло, кружитъ голову и мучитъ жаждой. Я шла, съ ужасомъ прислушиваясь къ отдаленнымъ раскатамъ грома, гулко повторяемымъ горнымъ эхомъ.

Гроза надвигалась... Вотъ-вотъ, казалось, ударитъ громовой молотъ, разверзнется небо, и золотые зигзаги молніи освѣтятъ угрюмо притаившихся горныхъ великановъ.

Идти я уже не могла, изъ боязни упасть въ пропасть. Тропинка становилась все уже и уже и вела все выше и выше на крутизну. Мнѣ становилось такъ страшно теперь въ этой горной стремнинѣ, одинъ-на-одинъ съ мрачной природой, приготовившейся къ встрѣчѣ съ грозой.

И вотъ она разразилась... Золотыя змѣи забѣгали

по чернымъ облакамъ, громъ гремѣлъ такъ, что, казалось, сотрясались горы, и цѣлый потокъ дождя лился на почву, дѣлая ее мягкой и скользкой...

Я прижалась подъ навѣсъ громаднаго утеса и съ ужасомъ вглядывалась въ темноту ночи... Гдѣ-то дико

Освѣщенные пламенемъ, сидѣли и стояли вооруженные горцы...

ревѣли потоки, и горы стонали продолжительнымъ, раскатистымъ стономъ.

И вдругъ я увидѣла то, чего никогда не забуду. Извилистая золотая стрѣла молніи, сорвавшись съ неба, ударила въ сосѣдній утесъ, и громадный кусокъ глыбы оторвался отъ скалы и полетѣлъ въ бездну, прямо въ

объятія ревущаго горнаго потока. Въ ту-же минуту отчаянный крикъ раздался по ту сторону утеса... Отвѣтный крикъ вырвался изъ моей груди и я потеряла сознаніе...

Я не могу отдать себѣ отчета сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, напуганная горнымъ обваломъ, упала безъ чувствъ на скользкую тропинку:— можетъ-быть мало, можетъ-быть много...

Когда я открыла глаза, грозы уже не было. Я лежала у костра на разостланной буркѣ... Вокругъ меня, фантастически освѣщенные яркимъ пламенемъ, сидѣли и стояли вооруженные кинжалами и винтовками горцы. Ихъ было много, человѣкъ 20. Ихъ лица были сумрачны и суровы. Рѣчь отрывиста и груба.

„Это горные душманы,“ — вихремъ пронеслось въ моей головѣ, и холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

Я боялась пошевельнуться... Пусть лучше сочтутъ меня мертвой,—авось, уйдутъ... и оставятъ меня одну.

— Эге, да мальчонка-то отошелъ,—услышала я грубый голосъ надъ собою и, открывъ глаза, встрѣтилась взглядомъ съ высокимъ, мрачнаго вида горцемъ.

Онъ былъ одѣтъ въ простой коричневый бешметъ и черную бурку; за поясомъ у него болтались нарядные съ серебряными рукоятками кинжалы и тяжелые пистолеты, тоже украшенные серебромъ и чернью. Кривая шашка висѣла сбоку...

— Небось, душа ушла въ пятки, признавайся,—

продолжалъ горецъ, какъ-бы забавляясь моимъ смущеніемъ, и потомъ спросилъ грозно:—Кто ты?

— Я — Беко, сазандаръ Беко... Я шелъ изъ Цвили и въ горахъ заблудился...—пролепетала я.

— Есть у тебя деньги?

— Нѣтъ, господинъ, всего два абаза, данные мнѣ добрыми господами въ духанѣ.

— Не велико же твое мастерство, мальчуга, если ты имѣешь только два абаза за душою!.. Ты грузинъ?

— Я алазанецъ.

— То-то... Лѣнивыя животныя эти грузины, а алазанцы и гурійцы особенно. Солнце и небо за нихъ... И виноградъ и кукуруза... Вѣрно-ли я говорю? — обратился онъ неожиданно къ остальнымъ.

— Вѣрно, ага [1],—почтительно отвѣчали тѣ.

— Ну, ладно! Волею Аллаха, нашли мы тебя, мальчуганъ, на тропинкѣ, взять съ тебя нечего... Не душить-же тебя изъ-за твоихъ лохмотьевъ. Давай два абаза и проваливай къ шайтану.

Я вскочила на ноги и, положивъ въ протянутую ладонь монету, готова была уже скрыться, какъ вдругъ неожиданно къ самому костру подскакалъ всадникъ. Онъ ѣхалъ на горной бѣлой лошадкѣ, а другую держалъ на поводу. Это была высокая вороная лошадь, дрожавшая всѣми членами... Пріѣхавшій горецъ, весь укутанный съ головой въ бурку, привязалъ свою лошадь къ дереву

[1] Господинъ.

и подвелъ вороного коня къ самому костру... Я замерла отъ удивленія и страха... Это былъ онъ, мой Шалый, мой вѣрный конь, я его узнала! И рванувшись впередъ, я вскрикнула не своимъ голосомъ:

— Шалый!

Да, это былъ онъ—мой Шалый! мой вѣрный Шалый, мой другъ и слуга незамѣнимый!

Въ отвѣтъ на мой отчаянный крикъ, онъ издалъ продолжительное ржаніе. Въ минуту забывъ все: и горныхъ душмановъ, и опасность быть открытой, и мой недавній обморокъ, происшедшій отъ горнаго обвала, и адскую грозу, и все, что случилось со мной, я повисла на его тонкой, красивой шеѣ, я цѣловала его морду, его умные каріе глаза, шепча въ какомъ-то упоеніи:

— Шалый мой! родненькій мой! миленькій!

Внезапно чей-то бѣшеный хохотъ, полный торжества и злобы, прервалъ мои изліянія.

— Такъ вотъ гдѣ встрѣтились!—услышала я между взрывами бѣшенаго смѣха.

Вскинувъ глазами на вновь прибывшаго, я обомлѣла... Передо мной былъ Абрекъ!

Бурка упала съ его головы. Яркое пламя костра освѣщало зловѣщимъ свѣтомъ его торжествующее лицо.

Съ минуту онъ молчалъ, какъ-бы наслаждаясь моимъ ужасомъ. Потомъ разсмѣялся новымъ, уже тихимъ и торжествующимъ смѣхомъ, который еще мучительнѣе прежняго отдался въ моемъ перепуганномъ сердцѣ.

— Что ты, Абрекъ,—удивленно окликнулъ его высокій горецъ,—или шайтанъ вселился въ тебя?

— Стой, ага! — внезапно оборвавъ смѣхъ, отвѣтилъ тотъ и послѣ короткой паузы спросилъ болѣе спокойно высокаго горца:—Знаешь-ли ты, ага, кто этотъ сазандаръ?

— Нѣтъ, не знаю... Неужели ага-Бекиръ, вашъ вождь и начальникъ, можетъ интересоваться нищимъ сазандаромъ?—надменно отвѣтилъ тотъ.

— Слушай-же,—снова произнесъ, не сводя съ меня горящихъ глазъ, Абрекъ, — это не сазандаръ, а дочь моего врага — русскаго генерала князя Джаваха-оглы-Джамата.

И, сказавъ это, онъ внезапно умолкъ, торжествующе обводя взглядомъ все собраніе.

Настала зловѣщая тишина, такая тишина, что слышно было, какъ летучая мышь шелестѣла крыльями, да капли дождя гулко падали на размякшій грунтъ.

— Такъ это правда? — спросилъ тотъ, котораго называли ага-Бекиромъ, и мрачное лицо его еще больше нахмурилось.

— Не вѣришь! — разсмѣялся Абрекъ и, неожиданно приблизившись ко мнѣ, сорвалъ съ моей головы папаху.

Пышныя косы, прижатыя крѣпко сидѣвшей на нихъ шапкой, упали съ темени и двумя черными змѣйками спустились вдоль стана.

Въ ту-же минуту громкій и веселый смѣхъ нарушилъ тишину.

— Ай да мальчишка! Вотъ такъ сазандаръ! — хохотали душманы, оглядывая меня насмѣшливыми и зоркими глазами.

Между тѣмъ Абрекъ приблизился ко мнѣ. Его лицо сіяло какой-то сатанинской радостью:

— Слышишь ты, княжна Нина Джаваха! Я узналъ тебя... скажи же этому ага, моему начальнику, что Абрекъ говоритъ правду...

— Абрекъ говоритъ правду, — точно во снѣ пролепетала я,—Абрекъ говоритъ правду. Я — княжна Джаваха.

— Тѣмъ лучше, — вмѣшался ага-Бекиръ, — если ты дочь русскаго генерала, — мы сорвемъ съ него большой выкупъ.

— Выкупъ?—прервалъ его Абрекъ, и лицо его перекосилось отъ бѣшенства. — Нѣтъ!.. Не вычеканили еще тѣхъ тумановъ, какими можно выкупить мою плѣнницу!.. У меня старые счеты съ этой дѣвчонкой.

И, обратившись ко мнѣ, онъ проговорилъ торжественно:

— Помнишь-ли ты, княжна, какъ ради драгоцѣнностей старой княгини выдала ты вѣрнаго слугу? Помнишь, какъ при всѣхъ назвала Абрека и предала его позору? Тогда онъ поклялся отомстить! Помнишь ты этотъ красный рубецъ на моей щекѣ? помнишь-ли, княжна Нина?

Я молчала. Онъ былъ страшенъ. Перекошенное отъ бѣшенства лицо не носило ни малѣйшаго слѣда сожалѣнія.

— Мнѣ страшно! — прошептала я и закрыла лицо руками.—Не смотри такъ на меня, Абрекъ, мнѣ страшно!

— Страшно,—прокричалъ онъ въ бѣшенствѣ,—теперь страшно? А не страшно было выдавать Абрека?.. Я говорилъ попомню, и пришелъ часъ!..

— Полно, Абрекъ, пугать ребенка,—вмѣшался молодой статный горецъ, странно похожій на ага-Бекира.— Ужь не думаешь-ли ты сражаться съ дѣтьми?

— Молчи, Магома,—сказалъ Абрекъ,—не суйся туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ! Абрекъ большой слуга ага-Бекира. Абрекъ привозитъ своему начальнику и золото, и ткани, и драгоцѣнности. Теперь Абрекъ привезъ ага-Бекиру коня, такого коня, какого давно хотѣлъ ага... Абрекъ чуть не попалъ въ тюрьму изъ-за жалкой дѣвчонки, Абрека ударили нагайкой... и кто же—презрѣнный урусъ, грузинъ! Сегодня Абрекъ увелъ коня отъ своего недруга... Никто не замѣтилъ, всѣ искали пропавшую дѣвчонку... Свадьбу не пировали... вина не пили... бросились въ горы догонять ребенка... Абрекъ пробрался въ конюшню и взялъ коня. Никто не видѣлъ, кромѣ Андро... Да онъ блажной... одержимъ шайтаномъ... если и видѣлъ, то не скажетъ, а скажетъ, — Абрекъ ужь далеко... что пользы? Бери коня, ага-Бекиръ, и награждай по обѣщанью вѣрнаго слугу.

— Чѣмъ наградить тебя, Абрекъ?—спросилъ вождь душмановъ.—Бери деньги, вещи, что хочешь.

— Ничего не надо, ага! Одного хочу: отдай дѣвчонку...

Я вздрогнула. Зловѣщее лицо горца приводило меня въ смертельный ужасъ... Онъ могъ замучить и убить меня безнаказанно... Горы свято хранили тайны своихъ душмановъ...

Мое сердце уже больше не замирало. Оно было скована тѣмъ ледянымъ ужасомъ, который трудно описать.

Моя жизнь зависѣла отъ отвѣта Бекира. Онъ стоялъ лицомъ къ костру и, казалось, боролся. Богатый выкупъ, очевидно, прельщалъ его, но въ то же время онъ не хотѣлъ отступиться отъ слова, даннаго Абреку въ присутствіи своихъ подчиненныхъ: онъ долженъ былъ сдержать это слово. Оттого-то лицо его носило слѣды борьбы и нерѣшительности.

— Братъ, — снова вмѣшался въ разговоръ юный и стройный Магома,— братъ, неужели ты не вступишься за бѣднаго ребенка?

Неожиданное вмѣшательство юноши погубило меня.

— Магома!—важно началъ Бекиръ, — законами Корана запрещается младшимъ учить старшихъ. Ты еще не воинъ, а ребенокъ. Помни... въ Кабардѣ не нарушаютъ даннаго слова... А мы оба съ тобой, Магома, родомъ изъ Кабарды!

Потомъ, повернувшись въ сторону моего врага, онъ сказалъ:

— Абрекъ, плѣнница—твоя.

— Харрабаджа! [1] — безумно крикнулъ Абрекъ, и его воинственный крикъ далеко раскатился зловѣщимъ эхо по горнымъ тѣснинамъ. — Харрабаджа! Великъ Аллахъ и Магометъ, пророкъ его... Будь благословенъ на мудромъ рѣшеніи, ага-Бекиръ!.. Теперь я насыщусь вполнѣ моимъ мщеніемъ!.. Князь горійскій попомнитъ, какъ онъ оскорбилъ вольнаго сына горъ. Князь горійскій—завтра же найдетъ въ саду трупъ своей дочери! Харрабаджа!

Я помертвѣла... ужасъ сковалъ мои члены... Не помню, что было дальше... Пламя костра разрасталось все больше и больше и принимало чудовищные размѣры... Казалось, точно горы сдвинулись надо мною, и я лечу въ бездну . . . . . .

. . . . . .

Когда я пришла въ себя, та-же темная ночь стояла надъ окрестностями. Дождь пересталъ, но тучи еще не открывали неба. Костеръ потухалъ и тлѣющіе уголья, вспыхивая по-временамъ, озаряли спящія фигуры душмановъ...

Всѣ мои члены ныли... Я хотѣла расправить ихъ и не могла поднять руки. Къ ужасу моему я поняла, что была связана...

Страхъ передъ близостью смерти холодилъ мои жилы. Запоздалое раскаяніе въ моемъ нелѣпомъ бѣгствѣ больно сосало мнѣ сердце...

---

[1] Воинственный, восторженный крикъ у горцевъ.

— „Завтра князь горійскій найдетъ въ своемъ саду трупъ своей дочери!!.“—переливалось на тысячу ладовъ въ моихъ ушахъ. — Завтра меня не будетъ! Ангелъ смерти прошелъ такъ близко, что его крыло едва не задѣло меня... Завтра опо меня накроетъ... Завтра я буду трупомъ... Мой бѣдный отецъ останется одинокимъ... И на горійскомъ кладбищѣ поднимется еще новый холмикъ... Живая я ушла съ моей родины, мертвую судьба возвращаетъ меня ей. Темный Ангелъ близко!..

И никогда жизнь не казалась мнѣ такой прекрасной, какъ теперь!.. Теперь, на краю могилы, я искренно раскаивалась въ томъ, что сдѣлала...

Бѣдный отецъ! бѣдный папа! ты не скажешь больше „чеми потара, сакварело“ твоей маленькой Нинѣ! Ты не услышишь больше никогда смѣха твоей дочурки!.. . .

. . . . . .

Уголья въ кострѣ еще разъ вспыхнули и погасли... Въ ту-же минуту страшный шорохъ раздался вблизи меня...

„Это Абрекъ! — въ смертной тоскѣ подумала я.— Абрекъ идетъ покончить со мною...“

И странно: близкая смерть теперь уже не пугала меня. Я видѣла, какъ умирала мама, Юлико. Въ этомъ не было ничего страшнаго... Страшно только ожиданіе, а тамъ... вѣчный покой. Это часто повторялъ дѣдушка Магометъ; я вспомнила теперь его слова...

И я приготовилась и ждала... Вотъ кто-то приблизился

ко мнѣ... Маленькая серебристая лента, должно-быть лезвіе кинжала, мелькнула въ воздухѣ и... и въ это самое время, когда я ожидала, что насталъ мой послѣдній часъ, мои руки и ноги были внезапно освобождены отъ рѣжущихъ ихъ веревокъ, и кто-то сильный поднялъ меня на воздухъ и понесъ.

Опять отчаянный страхъ—не передъ смертью, нѣтъ, а отъ невѣдѣнія того, что хотятъ дѣлать со мною,— сковалъ мою маленькую душу. Я не могла кричать... я задыхалась. Легкій стонъ вырвался изъ моей груди... но въ ту-же минуту на губы мои легла чья-то сильная рука и сжала мнѣ ротъ, такъ что я не могла крикнуть... Гдѣ-то близко-близко послышалось конное ржаніе. Внезапно тѣ-же руки опустили меня на что-то твердое... Потомъ я ясно почувствовала, какъ меня привязали къ сѣдлу лошади, какъ обмотали повода туго-туго вокругъ моихъ кистей... Въ эту самую минуту луна выглянула изъ-за тучи и освѣтила стоящаго передо мною человѣка...

Это былъ Магома... А сама я сидѣла на спинѣ моего Шалаго... Вѣрный конь тихо ржалъ и все его тѣло подергивалось дрожью нетерпѣнія...

Безумная радость охватила меня... Я не умру подъ ударомъ Абрековой шашки! Магома избавилъ меня отъ смерти! Магома спасъ меня!

Что его заставило пойти противъ брата? Отвращеніе-ли къ крови или юношеская доброта,—но онъ избавилъ меня отъ смерти, отъ гибели...

— Ну, теперь, айда, — тихо зашепталъ онъ, — отъ быстроты коня зависитъ спасеніе!.. Нагонятъ—убьютъ!.

Сказавъ это, Магома изо всей силы ударилъ Шалаго нагайкой. Благородный конь, незнакомый до сихъ поръ съ такимъ пріемомъ, рванулся, всталъ на дыбы и... понесся впередъ, какъ безумный... Я не успѣла оглянуться назадъ, ни даже кивнуть въ знакъ благодарности моему спасителю. Шалый, точно сознавая смертельную опасность, несся какъ вихрь...

Гроза утихала... Отдаленные раскаты грома изрѣдка нарушали торжественное безмолвіе горъ...

Въ моей душѣ тоже постепенно стихала гроза ужасовъ, потрясшихъ ее такъ внезапно. Прямо надо мною темнѣлъ пологъ ночного неба... Я подняла къ нему взоръ и самая горячая, самая жаркая молитва вырвалась изъ моего дѣтскаго сердца и понеслась къ престолу Всевышняго...

Снова домъ, отъ куклы.

ЛУНА пряталась и выходила снова, и снова пряталась за тучу, а Шалый все несся и несся впередъ... Кругомъ, темнѣя, высились великаны-горы, точно призраки исполинскихъ духовъ. Я скакала безъ мысли, безъ чувства... Голова моя не работала... Мнѣ теперь не было ни страшно, ни жутко... Ужасное волненіе смѣнилось полнѣйшимъ равнодушіемъ... Сердце молчало... мозгъ тоже... Странная сонливость овладѣвала мной... Я уже начала склоняться къ шеѣ лошади, борясь послѣдними силами съ нежеланной дремотой, какъ вдругъ совсѣмъ близко отъ меня прозвучали копыта коня.

— Погоня!—вихремъ пронеслось въ моемъ мозгу и я конвульсивно сжала ногами бока Шалаго. Но погоня настигала... Вотъ она ближе... ближе... вотъ уже ясно слы-

шится храпъ передовой лошади... Я зажмуриваю глаза. „Сейчасъ смерть... — рѣетъ въ моей головѣ быстрая мысль...— Стоило Магомѣ спасать меня, для того чтобы судьба снова толкнула меня въ холодныя объятія смерти!“

— Ну, Шалый, ну, милый, скорѣе, скорѣе!.. — понукала я моего любимца, и онъ скакалъ такъ, какъ можетъ только скакать волшебный конь въ какой-нибудь сказкѣ...

И все-таки не въ его власти было спасти свою маленькую госпожу!.. Страшный всадникъ настигалъ меня!.. Его лошадь шла теперь вровень съ моей. Онъ, я видѣла ясно, заглядывалъ на меня сбоку и вдругъ, поровнявшись со мною, внезапно вскрикнулъ:

— Матушка! Княжна! Стойте, вѣдь свои-же... Это я—Михако... Еле призналъ... Стойте!..

Вмигъ все застлалось передъ моими глазами розовымъ туманомъ. Будто ночь минула, будто солнечный свѣтъ одолѣлъ тьму... Я смѣялась и рыдала, какъ безумная... Мнѣ вторило далекое эхо горъ: словно горные духи выказывали мнѣ свое сочувствіе.

Михако схватилъ поводья и остановилъ Шалаго... Минута... и я уже была у него въ сѣдлѣ... Насъ окружали папины казаки, разосланные на поиски за мною... Я видѣла при свѣтѣ мѣсяца ихъ загорѣлыя радостныя лица. Михако плакалъ отъ счастья вмѣстѣ со мною... Потомъ, будучи не въ силахъ одолѣть подступившей

дремоты, я обняла грубую солдатскую шею Михако и.. заснула... . . . . .

. . . . . .

Сонъ мой длился долго... Я слышала, однако, сквозь него, какъ мы ѣхали все быстрѣе и быстрѣе. Голова моя горѣла, какъ въ огнѣ, тѣло ныло... Я слышала, какъ мы выѣхали на берегъ, какъ шумѣла вода...

— Это Кура... — подсказывалъ мнѣ сонъ,— значитъ уже близко, значитъ я уже скоро-скоро увижу папу!..

Вотъ мы поднимаемся въ гору, вотъ опускаемся... еще... еще немного... и заскрипѣли ворота... забѣгали люди, что-то красное сверкнуло мнѣ въ глаза сквозь смежившіяся вѣки. Это огни... Слышны голоса, топотъ... Чей-то крикъ — не то отчаянный, не то радостный... Это Барбале, я узнаю ея голосъ... Потомъ кто-то торопливо бѣжитъ по аллеѣ, и я слышу мучительно-вопрошающій, полный страданія голосъ:

— Гдѣ она? Жива-ли?

Я дѣлаю невѣроятное усиліе и открываю глаза. Ихъ почти ослѣпляетъ свѣтъ. Но все-таки я отлично вижу его. Онъ протягиваетъ руки... Его лицо полно невыразимаго счастья.

— Папа!—отчаянно кричу я и, рыдая, бьюсь на его груди.

— Дитя мое! дорогое мое дитя! — шепчетъ онъ между поцѣлуями и слезами и, предшествуемый людьми, несетъ меня въ домъ.

Онъ самъ раздѣваетъ меня, не подпуская Барбале, кладетъ въ постель и вдругъ изъ груди его рвется не то стонъ, не то мольба, полная отчаянія:

— Скажи мнѣ! поклянись мнѣ, что никогда, никогда больше ты этого не сдѣлаешь!

Я только наклоняю голову въ отвѣтъ, потому что слезы давятъ мнѣ горло и не даютъ произнести слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорю я, наконецъ, — никогда, клянусь тебѣ дедой, отецъ, никогда!

Онъ видитъ глаза, краснорѣчиво устремленные на портретъ той, которую мы оба такъ любили, — на портретъ моей дорогой матери — и вдругъ, простеревъ къ ней руку, онъ говоритъ глубокимъ, за душу хватающимъ голосомъ:

— А я клянусь тебѣ, Нина, что никогда другой деды не будетъ у тебя! Поняла-ли ты меня, малютка?..

О, да, я поняла его, я поняла моего добраго, великодушнаго отца! Я поняла, что онъ догадался о причинѣ моего бѣгства и рѣшилъ искупить ее.

— А теперь разскажи мнѣ все, — попросилъ онъ меня,— разскажи!

И я тотчасъ же исполнила желаніе моего дорогого. Все безъ утайки повѣдала я ему. Его глаза мрачно горѣли, когда дошла очередь до поступка Абрека.

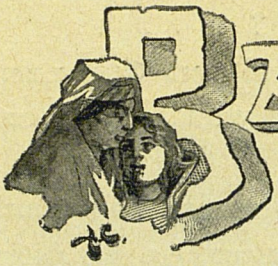
— Ему не будетъ пощады,—проговорилъ онъ сквозь зубы и порывисто нѣжно обнялъ меня, какъ-бы желая вознаградить этой лаской за всѣ пережитые мною страхи.

— А Магома, папа! вѣдь если полиція поймаетъ душмановъ,—они пощадятъ Магому?

— Ну, разумѣется, дитя мое!.. Я самъ буду хлопотать за твоего спасителя... А теперь усни... закрой свои глазки...

И ни одного упрека, ни одного, за всѣ тѣ мученья, которыя я доставила ему. Сколько ласки, сколько любви, сколько нѣжности!.. О, мой отецъ, мой дорогой отецъ, мой любимый!.. Чѣмъ только искупить мнѣ мою вину передъ тобою, мой необдуманный поступокъ?.. И я бранила себя и цѣловала его руки, эти чудныя руки, гладившія мои щеки, мокрыя отъ дѣтскихъ, сладостныхъ слезъ...

Я уснула въ эту ночь примиренная, радостная, счастливая...



Въ путь дорогу.

Дни не шли, а бѣжали... Я замѣчала, что со времени моего побѣга изъ дому всѣ какъ-то иначе стали относиться ко мнѣ. Бабушка не бранилась, какъ бывало раньше, хотя недружелюбно поглядывала на меня. Разстроившаяся свадьба папы не давала ей покою. Въ этомъ она винила меня одну. Прислуга смотрѣла на меня теперь, какъ на взрослую. Барбале подолгу заглядывалась на меня не то съ сожалѣніемъ, не то съ грустью. Я не могла понять, что это означало... Отецъ разговаривалъ со мною серьезно, не какъ съ ребенкомъ, съ одиннадцатилѣтней дѣвочкой, а какъ бы со взрослой дѣвушкой.

— Ты мой другъ, Нина, самый преданный и вѣрный,—говорилъ онъ.

— Я твой другъ, папа, и люблю тебя больше всего въ мірѣ, — пылко восклицала я.

Жизнь снова улыбалась мнѣ, какъ въ сказкѣ... Исчезло малѣйшее облачко съ моего горизонта, и счастье, полное и радостное, воцарилось въ домѣ.

Но счастье не бываетъ продолжительно. Жизнь—не сказка, въ которой розовыя феи съ золотыми посохами создаютъ въ одинъ мигъ дворцы и замки для своихъ златокудрыхъ принцессъ...

Такъ бываетъ только въ сказкѣ. Въ жизни—иное...

Папа пріѣхалъ какъ-то разстроенный и встревоженный изъ полка.

— Княжна дома? — послышался его взволнованный голосъ.

— Я здѣсь, папочка-радость!—крикнула я и повисла у него на шеѣ.

— Нина-джаночка, я долженъ потолковать съ тобою серьезно,—проговорилъ онъ.

Мы прошли въ его кабинетъ и я, какъ вполнѣ благовоспитанная дѣвочка, усѣлась на тахтѣ, сложила на колѣняхъ руки и приготовилась слушать.

— Дитя мое,—началъ онъ,—тебѣ 11 лѣтъ. Черезъ 5—6 лѣтъ ты будешь взрослая барышня. Настала пора серьезно заняться ученіемъ. Ты должна быть хорошо воспитана и образована. Тебѣ предстоитъ бывать въ обществѣ, вращаться въ лучшихъ кругахъ. А чему ты здѣсь выучишься? Развѣ только верховой ѣздѣ и джигитовкѣ, которыя знаешь и такъ въ совершенствѣ. Ты сама понимаешь, что для княжны Джавахи этого недостаточно... А дальше что, Нина? Бабушка не хочетъ заняться твоимъ воспитаніемъ, да она скоро оставляетъ Гори. Мнѣ же по службѣ придется теперь чаще отлу-

чаться изъ дому. Сегодня въ полку я получилъ объ этомъ приказъ. Оставлять тебя на попеченіе гувернантокъ и прислуги я не желалъ-бы... У меня не было-бы тогда ни одной спокойной минуты... И вотъ что я придумалъ, джаночка... не пугайся только, здѣсь нѣтъ ничего страшнаго... Я придумалъ отдать тебя въ институтъ въ Петербургѣ. Отправивъ тебя туда, я буду спокоенъ, зная, что ты находишься подъ опекою опытныхъ людей... Тамъ у тебя будетъ много подругъ, много дѣвочекъ одного возраста съ тобою... Къ тому-же начальница института, княгиня Б., сестра моего товарища и моя старинная пріятельница... Она полюбитъ тебя, какъ родную... Зиму будешь проводить тамъ, лѣто дома... Согласна-ли ты на это, дѣтка?

Согласна-ли была я? Согласна-ли теперь, когда малѣйшее его желаніе стало для меня закономъ! Да и потомъ, я твердо сознавала всю неизбѣжность подобнаго рѣшенія. Мнѣ самой хотѣлось учиться... Я слишкомъ мало знала для своихъ лѣтъ, а мой пытливый, всѣмъ интересующійся умъ — жаждалъ знанія.

— Да, папочка,—твердо произнесла я,— ты хорошо придумалъ... только... пиши мнѣ почаще и бери въ Гори каждое лѣто...

Онъ обнялъ меня и обѣщалъ исполнить всѣ мои желанія.

Съ этого-же дня поднялась сутолока и возня въ домѣ. Мы должны были уѣхать черезъ мѣсяцъ... Барбале

— Я усѣлась на тахтѣ и приготовилась слушать.

плакала, Михако смотрѣлъ мнѣ въ глаза, даже бабушкины слуги сочувственно покачивали головами, глядя на меня. Съ отцомъ я была неразлучна... Мы ѣздили въ горы, упиваясь нашимъ одиночествомъ, и наговаривались вдоволь во время этихъ чудесныхъ прогулокъ.

А дни не шли, а летѣли... Какъ-то разъ папа принесъ мнѣ свѣжую новость. Шайку душмановъ окружили въ горахъ и всѣхъ переловили. Они сидятъ въ тюрьмѣ и скоро ихъ будутъ судить.

— А Магома?—вырвалось у меня.

— Магома будетъ свободенъ: я самъ докажу его невинность,—успокоилъ меня отецъ.

Слова папы оправдались. Ихъ судили и предали законной карѣ.

Магому освободили.

Онъ пришелъ къ намъ на слѣдующій день и попросилъ вызвать отца.

Это было наканунѣ нашего отъѣзда въ далекую сѣверную столицу. При видѣ насъ онъ почтительно, по татарскому обычаю, приложилъ руку ко лбу и груди и весь блѣдный прошепталъ въ волненіи:

— Ага, будь добрымъ ко мнѣ и возьми меня къ себѣ... Магома будетъ тебѣ вѣрнымъ слугою.

— Какъ, Магома, развѣ ты не вернешься въ Кабарду?—удивился отецъ.

— Нѣтъ, ага... Отрокомъ ушелъ я оттуда и по желанію брата сталъ его помощникомъ... Аллахъ видитъ,

какъ тяжело мнѣ было это... Ни одного пальца не обагрилъ Магома кровью... Теперь-же мнѣ нельзя вернуться въ Кабарду... я освобожденъ, другіе въ тюрьмѣ... можетъ-быть ихъ уже казнили... Съ какимъ же лицомъ вернусь я одинъ на родину?.. Скажутъ—не уберегъ брата...

— Твой братъ былъ вождемъ душмановъ, Магома.

— Знаю, ага! но развѣ въ Кабардѣ смотрятъ такъ-же, какъ въ Кахетіи и Имеретіи на это дѣло? Тамъ разбой — удаль, — честь джигита... Его не осудятъ на родинѣ. Имъ гордятся... а вотъ я...

— Что-жъ ты хочешь, Магома? Я далъ тебѣ, что могъ, за спасенье дочери... Но ты вернулъ мнѣ деньги обратно. Что ты хочешь? Для тебя все сдѣлаю, что могу,— ласково говорилъ отецъ.

— Хочу, ага, служить тебѣ... и русскому царю,— сказалъ онъ просто, и глаза его съ мольбою остановились на отцѣ.

Отецъ, тронутый горячимъ порывомъ молодого кабардинца, обнялъ его и обѣщалъ исполнить его желаніе. Магома остался у насъ помогать Михако до его опредѣленія въ полкъ...

Наступилъ день отъѣзда.

Коляска стояла у крыльца. Барбале громко причитывала въ кухнѣ. Отецъ хмурился и молчалъ.

Я обѣжала весь домъ и садъ, спустилась къ Курѣ, поднялась на гору, поклонилась дорогимъ могилкамъ и въ десятый разъ побѣжала въ конюшню.

— Прощай, Шалый, прощай, мой вѣрный другъ!— шептала я, цѣлуя лоснящуюся шею моего вѣрнаго коня.

— Корми его хорошенько, — сказала я Михако, — чтобъ будущее лѣто, къ моему возвращенію, вотъ у него какіе бока были! Слышишь?

— Будьте покойны, княжна-матушка, будете довольны!—отвѣчалъ онъ, а у самого слезы стояли въ глазахъ и подергивались губы.

Къ бабушкѣ я пошла проститься тихо и чинно, но безъ всякаго волненія. Единственное лицо на родинѣ, которое я не жалѣла оставить, была бабушка. За то съ Барбале, благословившей меня образкомъ святой Нины, съ Родамъ, Анной, Михако и Брагимомъ я цѣловалась такъ искренно и крѣпко, что у меня распухли губы.

Я не плакала... Мою грудь тѣснило отъ слезъ, но онѣ не выливались наружу.

— Прощай, Магома, прощай, мой спаситель,—улыбнулась я сквозь туманъ, застилавшій зрѣніе...

— Храни тебя Аллахъ, добрая госпожа!

Мы уже сѣли въ коляску, когда впереди насъ поднялось облако пыли и внезапно предстала верхомъ предъ нами на лошади тоненькая баронесса въ черной амазонкѣ съ длиннымъ вуалемъ, окутывавшимъ бѣлымъ облакомъ всю ея изящную фигуру.

— Я хотѣла проводить васъ, Нина, и пожелать вамъ всего, всего лучшаго,— запыхавшись отъ быстрой ѣзды, произнесла она, и потомъ, подъѣхавъ съ моей

стороны къ коляскѣ, быстро наклонилась, крѣпко обняла меня и прошептала смущенно:—и попросить васъ, чтобы вы не сердились на меня и твердо вѣрили, что я осталась вашимъ другомъ!

Сказавъ это, она исчезла снова такъ-же быстро, какъ явилась. Уже издали раздался ея слабый окрикъ:

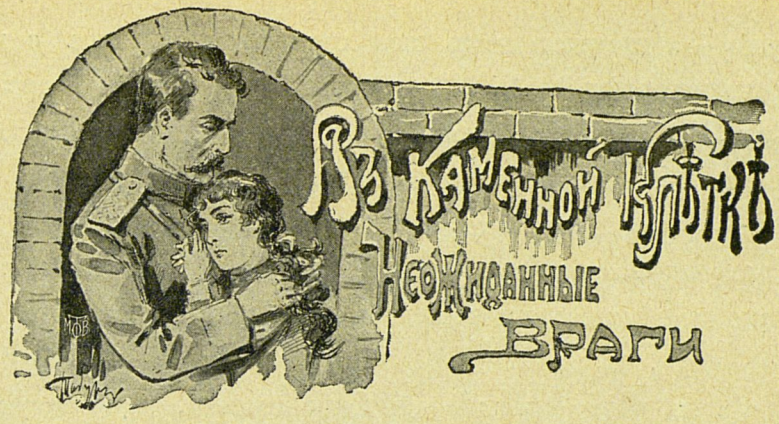
— Добрый путь, Нина, до свиданья!

Коляска тронулась... Провожавшіе замахали платками... Кто-то заплакалъ... кто-то прокричалъ напутствіе съ именемъ Аллаха... Августовское утро смѣялось довѣрчиво и ясно... Ароматъ спѣлыхъ плодовъ насыщалъ воздухъ. Въ голубомъ пространствѣ купался улыбающійся Гори...

Прежняя жизнь кончилась, начиналась новая — лучшая или худшая—не знаю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЪ ИНСТИТУТѢ



Я никогда не забуду того, что обѣщала .. Я постараюсь быть доброй и прилежной...

— Правда-ли, Нина?

— Развѣ я лгала тебѣ когда-нибудь, отецъ?

— Прости, голубка... Пора...

— Пора...

Мы стояли въ свѣтло-освѣщенной небольшой пріемной института, куда отецъ сегодня привезъ меня впервые.

Мы были не одни. Высокая, сѣдая женщина, казавшаяся мнѣ настоящей королевой, присутствовала при нашемъ разговорѣ. Она стѣсняла насъ. Я видѣла, что папѣ хотѣлось сказать мнѣ еще много, много, но онъ молчалъ, потому что высокая женщина была тутъ, и отецъ не могъ быть при ней тѣмъ чудеснымъ, добрымъ и нѣжнымъ, какимъ бывалъ въ Гори.

— И такъ, княгиня, — обратился онъ къ началь-

ницѣ,— я поручаю вамъ мое сокровище. Будьте снисходительны къ ней... Это немного странный, но чрезвычайно чуткій ребенокъ... Она требуетъ особеннаго ухода... Мы, южане, совсѣмъ иные люди, чѣмъ вы!

— Не безпокойтесь, князь, я лично позабочусь о вашей прелестной дочери, — произнесла высокая женщина и нѣжно погладила меня по щекѣ.

— Ну, пора!

Отецъ рѣшительно поднялся съ мѣста, пристегнулъ шашку и крѣпко обнялъ меня. Я повисла у него на груди.

— До завтра, папа?

— До завтра, крошка... если княгиня позволитъ.

— О! — поторопилась успокоить его начальница,— для князя Джаваха наши двери открыты во всякое время!

Отецъ поклонился молча, еще разъ поцѣловалъ меня и, сказавъ: „До завтра“,—быстро вышелъ изъ комнаты.

Я смотрѣла ему вслѣдъ — и сердце мое ныло... Я знала, что онъ пріѣдетъ завтра, и послѣзавтра, и каждый день будетъ навѣщать меня, пока я не привыкну, но я разставалась съ нимъ впервые среди чужой и новой обстановки.

Мой переѣздъ отъ Тифлиса до Петербурга по желѣзной дорогѣ мало занималъ меня. Вся душа моя рвалась назадъ, въ плѣнительный Гори, въ мое родное, покинутое гнѣздышко.

— Когда я вышла изъ вагона, мое сердце забилось сильно, сильно...

Около самаго Петербурга я словно очнулась... Меня поразило сѣрое, точно хмурящееся небо, на которомъ скупо свѣтило сѣверное солнце, и воздухъ безъ аромата розъ и азалій, и чахлыя деревья, и голыя поля съ пожелтѣвшею травою...

Когда я вышла изъ вагона, мое сердце забилось сильно, сильно... Сѣрое небо плакало... Дождикъ моросилъ по крышамъ большихъ домовъ. Люди, въ резиновыхъ плащахъ, подъ зонтиками, показались мнѣ скучными, некрасивыми — мнѣ, привыкшей къ яркимъ и живописнымъ нарядамъ нашей страны...

Насъ отвезли въ лучшую гостиницу, гдѣ, несмотря на всю роскошь и удобство, я не могла уснуть отъ поминутнаго грохота колесъ подъ окнами.

Когда, на слѣдующій вечеръ, папа отвезъ меня въ институтъ и сдалъ на руки величественно-ласковой начальницѣ, я даже какъ-будто чуть-чуть обрадовалась тому, что не буду видѣть промозглаго петербургскаго дня, не буду слышать грохота экипажей подъ окнами нашего номера... И я невольно высказала мои мысли вслухъ...

— Ну, и отлично! — обрадовался въ свою очередь отецъ.—Ты умная дѣвочка и не будешь слишкомъ скучать... Вѣдь учиться необходимо, дитя... да и потомъ— семь лѣтъ институтской жизни пролетятъ такъ быстро, что ты и не замѣтишь.

Семь лѣтъ!.. Боже мой, семь лѣтъ!.. Черезъ семь

лѣтъ мои черныя косы дорастутъ до земли, и Шалый ослабѣетъ отъ старости, а бѣдная Барбале, навѣрное, будетъ уже совсѣмъ сѣдая!.. Семь лѣтъ!

— Пойдемъ, дитя мое, я познакомлю тебя съ подругами, — прервала мои размышленія начальница. — Ты увидишь, какъ тебѣ хорошо и весело будетъ расти и учиться съ другими дѣвочками.

Длинные коридоры потянулись передо мною. Всюду горѣли газовые рожки, ярко освѣщающіе бѣлыя стѣны подъ мраморъ, чисто отполированный паркетный полъ и попадавшіяся мнѣ повременамъ небольшія, въ форменныхъ зеленыхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ, фигурки институтокъ. Онѣ присѣдали передъ начальницей робко и почтительно, опустивъ глаза, и спѣшили дальше.

Наконецъ, мы поднялись по широкой, застланной коврами лѣстницѣ и вступили въ такъ-называемый верхній коридоръ, гдѣ находились классы. Моя спутница вошла со мною въ комнату, надъ дверью которой по черной доскѣ было выведено крупнымъ бѣлымъ шрифтомъ: *7-й классъ*.

Въ тотъ же мигъ точно пчелиный рой оглушилъ меня своимъ жужжаньемъ. Но это продолжалось лишь секунду. Дѣвочки, учившія вслухъ уроки, болтавшія и смѣявшіяся съ подругами, мигомъ смолкли при входѣ начальницы. Онѣ всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и, присѣдая, приблизились къ намъ. Между ними находилась маленькая, толстенькая дама въ синемъ платьѣ.

— Дѣти! — торжественно произнесла княгиня и слегка выдвинула меня впередъ, — вотъ вамъ новая подруга, княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата. Полюбите ее. Она пріѣхала съ далекаго Кавказа и скучаетъ по своей родинѣ. Постарайтесь развлечь и успокоить ее.

Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, начальница прибавила съ ободряющей улыбкой:

— Ну, вотъ видишь, крошка, сколько веселыхъ маленькихъ дѣвочекъ! Вѣрь мнѣ, тебѣ не будетъ съ ними скучно.

Классная дама въ синемъ форменномъ платьѣ приблизилась ко мнѣ и протянула руку.

— Guten Abend, mein Kind! (Добрый вечеръ, дитя мое!), — сказала она.

Я говорила по-нѣмецки и занималась этимъ языкомъ послѣдній годъ съ моей учительницей, но все-таки я сконфузилась почему то и смущенно смотрѣла въ полненькое, добродушно-улыбающееся лицо классной дамы.

Maman — такъ называли институтки начальницу — еще разъ взглянула на меня и ободряюще кивнула головою. Потомъ, не желая, вѣроятно, мѣшать началу моего знакомства съ товарками, крѣпко меня поцѣловала, перекрестила и вышла изъ класса. За нею послѣдовала и классная дама.

Опять поднялся шумъ, визгъ, бѣснованіе. Толпа дѣвочекъ окружила меня со всѣхъ сторонъ, смѣясь и забрасывая вопросами:—„Кто ты? откуда? кто твои родители?“

Одна изъ нихъ, самая шаловливая, прыгнула на скамейку и оттуда запищала пронзительнымъ голоскомъ:

— Новенькая, новенькая, новенькая!

Другой понравились мои косы и она безцеремонно потянула ихъ къ себѣ. Я невольно пошатнулась и сѣла.

— Какъ тебя зовутъ? — подскочила ко мнѣ бойкая дѣвочка съ шустрымъ личикомъ и во всѣ стороны торчавшими вихрами.

— Нина,—отвѣчала я просто.

— Нина, слышите-ли вы! вотъ такъ отвѣтъ! У тебя нѣтъ фамиліи, что-ли? Слышите, mesdames'очки, ее зовутъ Нина и учителя будутъ ее вызывать „г-жа Нина"... ха, ха, ха!..—расхохоталась дѣвочка.

— Ха, ха, ха!—вторили ей остальныя.

Я не понимала, что тутъ смѣшного въ томъ, что мое имя Нина.

— Ну-съ, г-жа Нина, — не унималась шалунья, — а отецъ твой кто?

— Мой отецъ,—не безъ гордости отвѣтила я, — извѣстный по всему Кавказу генералъ. Его имя князь ага Джаваха-оглы-Джамата.

— Какъ? какъ? Повтори.

— Ага Джаваха-оглы-Джамата, — повторила я, не замѣчая насмѣшки, блеснувшей въ бойкихъ глазкахъ дѣвочки.

— Джатама-татата!.. Вотъ такъ фамилія! — отчаянно захохотала шалунья.

Ей вторили остальныя.

Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо... Какъ? онѣ

Одна изъ нихъ запищала «новенькая! новенькая! новенькая!..»

смѣютъ издѣваться надъ именемъ, прогремѣвшимъ отъ Алазани до самаго аула Гуниба! Надъ именемъ, покры-

тымъ боевою славой! Геройскимъ именемъ, отличеннымъ самимъ русскимъ царемъ!.. О, это было слишкомъ!... Точно крылья выросли за моей спиною и придали мнѣ силу. Я гордо выпрямилась.

— Слушайте вы, глупыя дѣвочки, — едва владѣя собою, произнесла я запальчиво, — не смѣйте смѣяться надъ тѣмъ, чего вы не поймете никогда... А если еще разъ кто-нибудь изъ васъ осмѣлится переврать умышленно хоть одну букву въ моей фамиліи, я тотчасъ-же отправлюсь къ начальницѣ и пожалуюсь на шалунью.

— Ахъ, ты... — взбѣленилась на меня дѣвочка съ вихрами. — Фискалка!

— Что?.. — злобно наступила я на нее, не понявъ незнакомаго слова, но смутно чувствуя въ немъ какое-то оскорбленіе.

— Фискалка,—пискнула за нею вторая, третья, четвертая, и вся ватага расходившихся дѣвочекъ запрыгала и заскакала вокругъ меня.

— Фискалка!.. фискалка!.. злючка!.. злючка! фискалка!

Я зажала уши, чтобъ ничего не слышать... Мое сердце болѣзненно ныло.

„Что я имъ сдѣлала? — мучительно сверлило мой мозгъ, — за что онѣ мучаютъ и терзаютъ меня? Неужели не найдется ни одной доброй души среди нихъ, которая бы заступилась за меня?..“

Увы! — ни одной... Вокругъ меня были только не-

дружелюбныя лица, и сердитые возгласы и крики раздавались въ группѣ.

Вдругъ дверь отворилась, и вошла классная дама...

Пронзительный звонокъ возвѣстилъ часъ вечерняго чая. Поднялся невообразимый шумъ, суматоха. Дѣвочки торопливо становились въ пары. Я же осталась, не двигаясь, на прежнемъ мѣстѣ.

— Komm, mein Kind, her (Пойди сюда, дитя мое),— услышала я окликъ классной дамы и пошла на ея зовъ.

— Вотъ твоя пара, иди съ нею.

И она подвела меня къ высокой дѣвочкѣ, недружелюбно поглядывавшей на меня изъ-подъ бѣлобрысыхъ бровей.

Пары двинулись... Я замѣтила, что воспитанницы идутъ подъ-руку и, нерѣшительно подвинувшись къ моей сосѣдкѣ, протянула ей руку. Но она отскочила отъ меня, какъ ужаленная, и рѣзко произнесла:

— Пожалуйста, не лѣзь... Я ненавижу фискалокъ.

Я поняла, что классъ объявилъ мнѣ войну. И мнѣ стало невыразимо грустно.

— Новенькая!.. новенькая!..—слышалось всюду между старшими и младшими классами, одинаково одѣтыми въ зеленыя камлотовыя платья, бѣлые передники и рукавчики на подобіе трубочекъ, прикрѣпленныхъ повыше локтя.

Столовая—большая, длинная комната, куда мы спус-

тились по лѣстницѣ, — была уставлена двумя рядами столовъ, образующими широкій проходъ посрединѣ.

Намъ роздали кружки съ коричневой жидкостью, очень мало похожей на чай, и порціонныя булки изъ невкуснаго прѣснаго тѣста. Я не дотронулась ни до того, ни до другого.

— Ты татарка? — внезапно раздалось съ дальняго конца стола, и та-же бойкая дѣвочка, изводившая меня въ классѣ, не дождавшись моего отвѣта, насмѣшливо фыркнула въ салфетку.

— Mesdam'очки,—продолжала она сквозь смѣхъ, обращаясь къ подругамъ, — она навѣрное татарка, а татарская религія запрещаетъ ѣсть свинину... Ты можешь радоваться, Иванова,—добавила она въ сторону бѣлокурой маленькой толстушки,— каждый разъ, какъ будутъ подавать свиныя котлеты, Джаваха отдастъ тебѣ свою порцію.

Всѣ дѣвочки захихикали... Та, которую называли Ивановой, подняла голову и произнесла по адресу первой шалуньи:

— А ты будешь смотрѣть и облизываться.

— Больше тебѣ ничего не запрещено твоей религіей?—вмѣшалась въ разговоръ хорошенькая миніатюрная дѣвочка, удивительно похожая на бѣлокурыхъ ангеловъ, изображаемыхъ на картинкахъ, — а то я очень люблю пирожныя...

И опять смѣхъ, обидный, мучительный. Я рѣшила

молчать и завтра-же упросить папу взять меня отсюда куда-нибудь въ другое мѣсто, въ другой институтъ.

Послѣ долгой вечерней молитвы, мы поднялись въ четвертый этажъ и вошли въ дортуаръ.

Длинная, какъ и столовая, комната съ выстроенными рядами постелями, примыкающими изголовьями одна къ другой, была освѣщена газовыми рожками. Между кроватями было небольшое пространство, гдѣ помѣщались ночные шкапики и табуреты.

Fräulein Герингъ, или Кисъ-Кисъ, какъ называли институтки классную даму, ласково указала мнѣ мое мѣсто.

Судьба рѣшительно возстала противъ меня: въ головахъ моихъ помѣщалась постель злой дѣвочки съ ангельскимъ личикомъ, а рядомъ со мною была постель шустрой Бѣльской—моего главнаго гонителя и врага.

Дѣлать было нечего, и я твердо рѣшила все стерпѣть безропотно...

Между тѣмъ, вокругъ меня кишмя-кишѣла жизнь. Снявъ свои неуклюжія зеленыя платья, воспитанницы очутились въ коротенькихъ нижнихъ юбочкахъ и бѣлыхъ кофточкахъ, а на головѣ ихъ красовались смѣшные чепчики, похожіе на колпачки гномовъ, странно старившіе и безобразившіе юныя личики.

Я прошла вмѣстѣ съ другими въ умывальную. Тамъ было еще шумнѣе. Дѣвочки, обнаженныя до поясницы, мылись такъ усердно жесткими перчатками изъ люфы, что спины ихъ напоминали цвѣтомъ спѣлые помидоры.

— Душка, не брызгайся! — слышалось въ одномъ концѣ умывальни.

— Кира Дергунова, одолжи твою губку, — неслось съ другого конца.

Кира протягивала губку, выжимая ее по дорогѣ какъ бы нечаянно на спину сосѣдки... Крикъ... визгъ... бѣготня. Въ углу около комода съ выдвинутою изъ него постелью для прислуги высокая, стройная, не по годамъ серьезная Варюша Чикунина, прозванная за свое пѣніе Соловушкой, стоя расчесывала свои длинныя шелковистыя косы и пѣла вполголоса:

Ахъ, ты, Русь моя,
Русь привольная...

Дѣвочка съ такимъ нѣжнымъ голоскомъ и мечтательными глазами не могла быть злою, по моему мнѣнію, и потому я смѣло подошла къ ней и спросила:

— Не знаете-ли, за что меня здѣсь возненавидѣли?

Она внезапно оборвала пѣсню и вскинула на меня удивленными глазами.

Я повторила вопросъ.

Но въ ту-же минуту къ намъ подскочила рыженькая воспитанница съ удивительно бѣлымъ личикомъ и дерзко крикнула мнѣ въ лицо:

— Потому, что ты хотѣла на насъ жаловаться, а мы ненавидимъ фискалокъ.

— Но если вы оскорбляете меня!.. Княжна Джаваха не прощаетъ оскорбленій,—надменно отвѣтила я.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялась Краснушка, какъ называли подруги рыженькую дѣвочку,—скажите, какъ важно!.. Княжна Джаваха! Да вы знаете-ли, mesdam'очки, что на Кавказѣ у нихъ все князья. У кого есть два барана—тотъ и князь.

— Тише, Запольская. И не стыдно тебѣ обижать новенькую, — вмѣшалась незамѣтно подошедшая Fräulien Герингъ и тотчасъ-же добавила, хлопнувъ въ ладоши:

— Schlafen, Kinder, schlafen! (Спать, дѣти, спать).

Вся ватага дѣвочекъ направилась въ спальню. Въ умывальной остались я и пѣвунья Чикунина. Она робко оглянулась кругомъ и, увидя, что мы однѣ, быстро заговорила:

— Вы не обращайте вниманія на нихъ, у насъ принято „травить новенькихъ“... Глупыя дѣвочки, потомъ онѣ отстанутъ, когда вы привыкнете...

— Я никогда не привыкну здѣсь, — съ трудомъ сдерживая слезы, отвѣтила я, — завтра-же я попрошу папу взять меня отсюда и помѣстить въ другой институтъ...

— И напрасно! — прервала меня Чикунина, быстро доплетая тяжелую косу,—напрасно!.. Въ другомъ институтѣ повторится то-же самое... нельзя-же въ третій поступать... да и тамъ то-же... Тутъ, по крайней мѣрѣ, maman — дуся, а тамъ, въ остальныхъ, Богъ вѣсть какая. Вотъ сестра мнѣ пишетъ изъ N—скаго института, чѣмъ ихъ тамъ кормятъ... ужасъ!..

— Ваша свѣтлость, — неожиданно произнесла точно изъ-подъ земли выползшая Бѣльская,— Fräulein послала меня звать спать вашу свѣтлость. Имѣю честь довести сіе до свѣдѣнія вашей свѣтлости,—и она отвѣсила мнѣ насмѣшливо-почтительный реверансъ.

Я вспыхнула до корней волосъ.

— Это ничего,—успокаивала меня моя новая знакомая, — стерпите ужь какъ-нибудь... а тамъ онѣ сами увидятъ свою глупость, сами придутъ къ вамъ съ повинной. И потомъ, видите-ли, княжна, у васъ... вы не разсердитесь на мою откровенность?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшила я отвѣтить.

— Видите-ли, у васъ такой видъ, будто вы куда лучше и выше всѣхъ насъ... Вы титулованная, богатая дѣвочка, генеральская дочка... а мы всѣ проще... Это и безъ того всѣ видятъ и знаютъ. Не надо подчеркивать, знаете... Ахъ, да я не умѣю говорить! вы меня, пожалуй, не поймете, обидитесь... — неожиданно оборвала она и вздохнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, говорите, пожалуйста,— поспѣшила я ее успокоить.

— Ну вотъ... онѣ и злятся... а вы-бы попроще съ ними...

— Schlafen, Kinder, schlafen!—еще разъ окликнула насъ Fräulein.

Какъ-только мы вошли въ спальню, дѣвушка-служанка уменьшила свѣтъ въ газовыхъ рожкахъ и дор-

туаръ утонулъ въ полумракѣ. Наступила тишина. Изрѣдка только раздавался гдѣ-нибудь задавленный шопотъ, да съ легкимъ шумомъ передвигалась попавшаяся подъ руку табуретка. Поминутно то на одной, то на другой постели поднимались небольшія дѣтскія фигурки, укутанныя до пояса въ синія нанковыя одѣяла и, сложивъ на груди руки, набожно молились, кладя поклоны. Классная дама, тихо ступая, ходила по узкимъ пространствамъ между рядами кроватей, „переулкамъ“, какъ ихъ называли въ институтѣ, и наконецъ, пожелавъ намъ доброй ночи, исчезла за дверью своей комнаты, помѣщавшейся подлѣ дортуара.

Лишь-только затихли ея осторожные шаги, Бѣльская поднялась на локтѣ со своей подушки и произнесла звонкимъ шопотомъ на всю спальню:

— Тише, mesdam'очки, а то вы мѣшаете спать ея свѣтлости, сіятельной княжнѣ.

Дѣвочки слабо фыркнули.

— Ея свѣтлость княжна почиваютъ,—тѣмъ же шопотомъ произнесла она снова.

— Оставь ты татарскую княжну, Бѣлка, — подхватила съ своего мѣста рыженькая Запольская,—не мѣшай ей творить свой вечерній намазъ. Когда я была въ Мцхетѣ...

„Она была въ Мцхетѣ! Въ Мцхетѣ — древней столицѣ родимой Грузіи, въ Мцхетѣ, такъ близко расположенномъ отъ милаго Гори, въ самомъ сердцѣ моей

родины... Она была въ Мцхетѣ!..“—вихремъ пронеслось въ моей головѣ.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю, я въ одинъ мигъ соскочила съ постели, подбѣжала къ кроваткѣ Краснушки, взобралась на нее, какъ была, босая, въ одной сорочкѣ и, усѣвшись въ ногахъ дѣвочки, спрашивала дрожащимъ отъ радостнаго волненія голосомъ:

— Вы были въ Мцхетѣ? Неужели вы были въ Мцхетѣ?

Мнѣ казалось теперь, что я давно знаю и люблю эту рыженькую воспитанницу, такъ безсердечно трунившую надо мною всего нѣсколько минутъ тому назадъ. Вѣдь она была въ Мцхетѣ, она видѣла мою родину, мое бирюзовое небо, мои изумрудныя долины и высокія горы, подернутыя розоватымъ туманомъ, далекія горы съ сѣдыми вершинами!..

Краснушка не раздѣляла, казалось, моего восторга. Она какъ-будто даже испугалась меня и, чтобы скрыть свое смущеніе, расхохоталась громко на весь дортуаръ не совсѣмъ, впрочемъ, естественнымъ смѣхомъ.

— Mesdam'очки, свѣтлѣйшая татарка рехнулась. Карррaулъ!

Дверь сосѣдней комнаты широко распахнулась. На порогѣ появилась Fräulein Герингъ.

— Wer schreit so? Bist du, Запольская? (Кто это такъ кричитъ? Это ты, Запольская?) Schande! (Это стыдъ!) Завтра ты будешь наказана.

Дверь захлопнулась снова... Краснокудрая дѣвочка, пугливо юркнувшая подъ одѣяло при появленіи классной дамы, теперь снова высунула изъ-подъ него свою лисью головку и сердито проговорила мнѣ:

— Все изъ-за васъ... Убирайтесь, пожалуйста!

Я молча спрыгнула съ ея постели и пошла къ себѣ. Мнѣ было стыдно и больно за то, что я не сумѣла скрыть моего порыва передъ всѣми этими злыми, безжалостными дѣвчонками. Молча легла я въ свою постель, зарылась въ подушку съ глазами полными слезъ, и... тотчасъ же въ моей памяти возникли дорогія картины...

Передо мною мелькнулъ Гори... нашъ домъ, окруженный тѣнистымъ, благоухающимъ садомъ... тихо ропчущая Кура... Барбале, отъ которой всегда пахло свѣжимъ тѣстомъ и орѣховымъ масломъ... хорошенькая Бэлла... бабушка... Брагимъ... Магома... папа... А надо всѣмъ этимъ, надо всей моей чудесной кавказской природой, благоухающей и нѣжной, носился плѣнительный образъ съ печальными глазами и печальными пѣснями,—образъ моей красавицы-деды...

ДРЕБЕЗЖАЩІЙ звонокъ разбудилъ меня.

Мигомъ вскочила я, забывъ, почему и зачѣмъ я нахожусь здѣсь, почему бѣгаютъ и смѣются эти сердито-сонныя дѣвочки въ потѣшныхъ колпачкахъ и ночныхъ кофточкахъ.

— Пора вставать, Джаваха, — пробѣгая мимо моей постели, шепнула мнѣ моя вчерашняя собесѣдница Чикунина.

Я поспѣшила натянуть на ноги чулки, накинуть юбочку и побѣжала умываться.

Въ 8 часовъ къ намъ поднялась высокая, худая, какъ жердь, французская дама, m-lle Арно. Я подошла къ ней по совѣту той-же Чикуниной и присѣла.

— Bonjour, mademoiselle! — сухо произнесла она,— надѣюсь, вы скоро привыкнете къ нашимъ порядкамъ и станете примѣрною ученицей.

Потомъ, зорко оглядывая классъ, она спросила:

— Кто дежурная?

Выступила очень худенькая, не по годамъ серьезная дѣвочка.

— Это наша первая ученица, Додо Муравьева, — пояснила мнѣ Варя Чикунина, вставшая, по моей просьбѣ, со мною въ пару.

Я съ невольнымъ уваженіемъ взглянула на худенькую дѣвочку и втайнѣ позавидовала ея выдержанности.

Между тѣмъ, пары двинулись въ столовую. Сегодня меня уже не такъ оглядывали старшіе и младшіе классы: событіе поступленія новенькой за полусуточной давностью, казалось, потеряло весь свой интересъ.

Первый урокъ былъ батюшкинъ. Я узнала это за столомъ, въ то время, какъ съ трудомъ заставляла себя выпить жидкій, отдающій мочалою чай и съѣсть казенную сухую булку. Узнала и то, что Закону Божію всѣ учились прилежно и что дружно „обожали“ батюшку, относившагося равно отечески - справедливо ко всему классу. Сегодня меня, казалось, оставили въ покоѣ, только рыженькая Запольская сердито-насмѣшливо бросила въ мою сторону:

— Ты можешь не торопиться, Джаваха, вѣдь тебя, какъ татарку, не пропустятъ на урокъ Закона Божія. А вашего муллу еще не успѣли выписать съ Кавказа.

Дѣвочки дружно прыснули, но я, помня наставленіе Чикуниной, сдѣлала равнодушное лицо и продолжала пить мутный чай изъ фаянсовой кружки.

Батюшка оказался такимъ, какимъ я его себѣ мысленно представляла: небольшого роста, сѣденькій, съ невыразимо кроткимъ лицомъ и ласковыми глазами, — онъ производилъ отрадное впечатлѣніе.

Тихо вошелъ онъ по звонку въ классъ, тихо велѣлъ дежурной прочесть молитву, тихо сѣлъ за приготовленный ему передъ партами столикъ съ чернильницей и журналомъ и надѣлъ очки. Потомъ окинулъ весь классъ ласковымъ взоромъ и остановилъ его на мнѣ, одиноко сидѣвшей на ближней скамейкѣ.

— А я вижу, новенькая у васъ?

Я встала.

— Какъ ваша фамилія, дѣточка? — обратился онъ ко мнѣ тѣмъ-же ласковымъ голосомъ, отъ звуковъ котораго точно много легче становилось на сердцѣ.

Я хотѣла по обыкновенію сказать мой полный титулъ, но, вспомнивъ совѣтъ Чикуниной, просто отвѣтила:

— Нина Джаваха.

— Княжна!—пискнулъ за мною чей-то насмѣшливый голосокъ.

— Какъ-же, слышалъ,—закивалъ головою батюшка,— князья Джаваха извѣстны по всему Кавказу... Какъ-же, какъ-же, въ войнѣ съ горцами отличались... Князь Михаилъ Джаваха драгоцѣнную услугу оказалъ главнокомандующему и палъ въ бою... Не родственникъ-ли онъ вамъ, дѣточка?

— Князь Михаилъ—мой родной дѣдушка,—вырва-

Это была первая ласка въ холодныхъ институтскихъ стѣнахъ...

лось съ невольнымъ порывомъ гордости изъ моей груди.

Вѣроятно глаза мои и щеки разгорѣлись отъ прилива необычайнаго счастья. Я торжествовала.

„Слышите! — хотѣлось мнѣ крикнуть всѣмъ этимъ присмирѣвшимъ воспитанницамъ,— слышите! мои предки — славные герои, мой дѣдъ палъ въ бою за свободу родины, и вы, злыя, ничтожныя, маленькія дѣвочки, не имѣете права оскорблять и обижать меня, прирожденную грузинскую княжну!..“

И голова моя гордо поднималась, а на губахъ уже блуждала надменная улыбка.

Но вдругъ мои глаза встрѣтились съ чистымъ и открытымъ взглядомъ отца Филимона.

— „Въ правѣ-ли ты гордиться славою твоихъ предковъ? — казалось, говорилъ мнѣ его кроткій взоръ, — и какая твоя заслуга въ томъ, что родилась ты въ знатной княжеской семьѣ, а не въ хижинѣ бѣдняка?“

Краска стыда залила мнѣ щеки. И батюшка понялъ, казалось, меня. Новой удвоенной лаской загорѣлся его привѣтливый взоръ.

— Пойдите-ка сюда, чужестраночка, — улыбнулся онъ,—да разскажите-ка, что знаете о сотвореніи міра...

Я вышла на середину класса.

Исторію сотворенія міра я знала отлично. Я часто разсказывала ее Барбале, не знавшей ни Ветхаго, ни Новаго Завѣта. Моя рѣчь, всегда немного образная,

какъ и всѣ рѣчи на миломъ Востокѣ, понравилась батюшкѣ. Понравилось, должно-быть, толковое изложеніе и моимъ товаркамъ, но онѣ, казалось, не хотѣли выказывать этого и продолжали поглядывать на меня косо и недружелюбно.

— Хорошо, чужестраночка, молодецъ! — похвалилъ меня батюшка, отпуская на мѣсто.

За мною вышла Додо Муравьева и внятно, и громко прочла канонъ Богородицѣ.

— Хорошо, Дуняша,—похвалилъ и ее батюшка.

Недоброе чувство зависти толкнулось въ мое сердце по отношенію къ худенькой Додо, заслужившей одинаковую похвалу со мною.

Между тѣмъ, священникъ всталъ, оправилъ рясу и, подойдя къ первой партѣ, положилъ на голову бѣлокурой Крошки свою большую, бѣлую руку.

„Почему онъ ласкаетъ эту маленькую дѣвочку съ ангельскимъ личикомъ и злымъ сердечкомъ?—мелькнуло у меня въ мысляхъ.—Еслибъ онъ зналъ, какъ смѣется она заодно со всѣми надъ бѣдной чужестраночкой!“

А изъ груди батюшки уже лилось плавное, складное повѣствованіе о томъ, какъ завистливые братья продали въ рабство кроткаго и прекраснаго юношу Іосифа. И всѣ эти дѣвочки, блѣдныя и розовыя, худенькія и толстенькія, злыя и добрыя — всѣ съ живымъ, захватывающимъ вниманіемъ вперили въ разсказывающаго батюшку горѣвшіе любопытствомъ глазки.

Отецъ Филимонъ ходилъ между партами, поочередно клалъ свою большую руку на голову той или другой воспитанницы и гладилъ поочередно ту или другую дѣтскую головку.

Когда очередь дошла до меня и мои черныя косы накрылъ широкій рукавъ лиловой рясы, я еле сдержалась, чтобы не расплакаться навзрыдъ.

Это была первая ласка въ холодныхъ институтскихъ стѣнахъ...

Вторымъ урокомъ была географія.

Маленькій, сѣденькій учитель Алексѣй Ивановичъ былъ очень строгъ со своей „командой“, какъ называлъ онъ, шутя, воспитанницъ. Онъ постоянно шутилъ съ ними, смѣшилъ ихъ веселыми прибаутками, именуя при этомъ ученицъ „внучками“. И въ то-же время былъ взыскателенъ и требователенъ къ ихъ отвѣтамъ.

— А ну-ка, пригожая, прокатимся по Амуру.

Вызванная ученица уже понимала, чего хотѣлъ отъ нея Алексѣй Ивановичъ, и, бойко водя черной линеечкой по дырявой старой картѣ, нараспѣвъ пересчитывала притоки этой сибирской рѣки.

Лѣности Алексѣй Ивановичъ не терпѣлъ.

— На мѣсто пошла, лѣнтяйка, унывающая россіянка, вандалка непросвѣщенная, — бранился онъ самымъ искреннимъ образомъ, не стѣсняясь ни классныхъ дамъ, ни самой начальницы.

Увидя меня, онъ тотчасъ-же произнесъ:

— А-а! моя команда увеличилась... Ну-ка, позабавь чѣмъ знаешь!—кивнулъ онъ въ мою сторону.

Рѣкъ Сибири, заданныхъ къ этому дню, я, конечно, не могла знать, но за то какъ ловко отбарабанила я мои родимыя кавказскія рѣки, горы съ ихъ вершинами, и города Кахетіи, Имеретіи, Гуріи и Алазани! Я торопилась и захлебывалась, боясь не успѣть высыпать до конца урока весь запасъ моихъ познаній. Онъ не перерывалъ меня и только одобрительно взглядывалъ поверхъ своихъ синихъ круглыхъ очковъ.

— Ишь-ты! чего только не наговорила,— съ довольнымъ смѣхомъ сказалъ онъ, когда я кончила. — Ну, внучка! одолжила! Спасибо, матушка!.. Ну, а вы, здѣсь сидящія и нимало несмыслящія, слыхали? — обратился онъ къ притихшему классу. — Вѣдь забьетъ васъ, какъ Богъ святъ, забьетъ эта прыткая грузиночка.

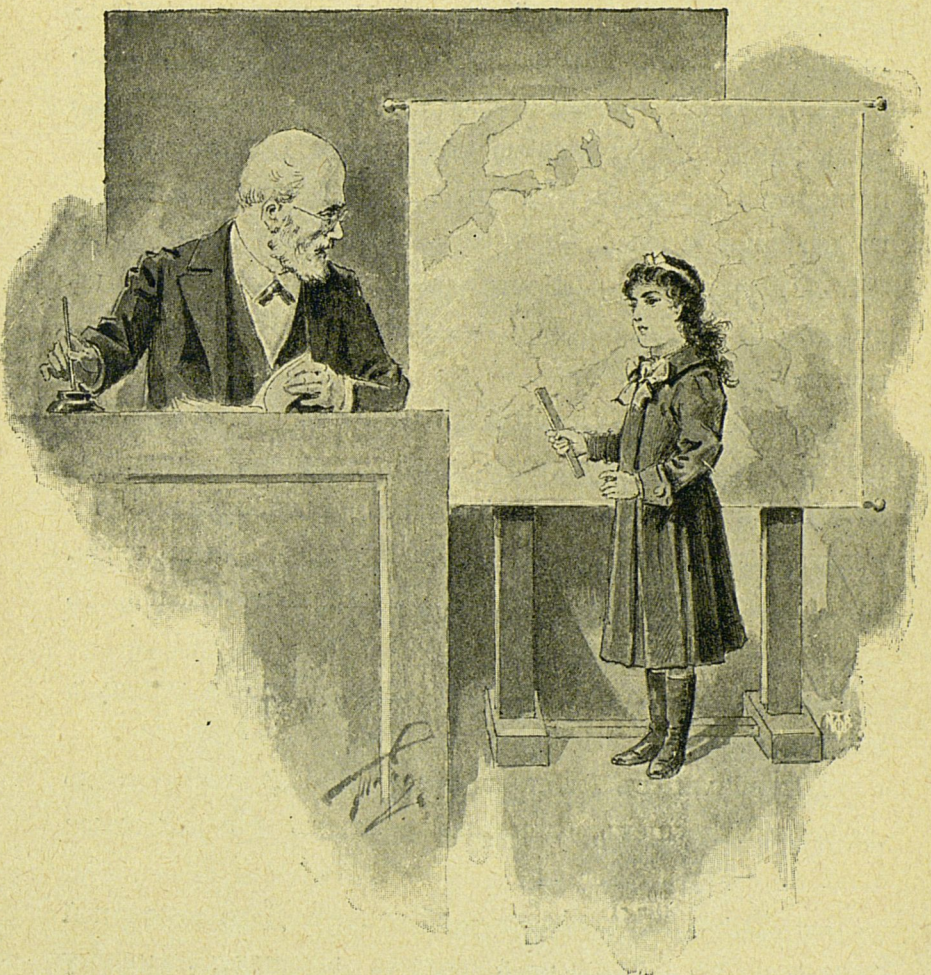
— Она татарка, Алексѣй Ивановичъ,—раздался писклявый голосокъ Бѣльской.

— А ты—лѣнтяйка!—оборвалъ ее учитель.— Татаркой-то быть не стыдно, такъ Богъ сотворилъ... а вотъ лѣнтяйкой-то... великое всему нашему классу посрамленіе. А ну-ка, для подтвержденія моихъ словъ, позабавь, пригожая!

Но пригожая не позабавила! Урока она не знала по обыкновенію, и въ журнальной клѣточкѣ противъ ея фамиліи воцарилась жирная двойка.

— И даже съ точкой!—шутилъ неумолимый въ та-

кихъ случаяхъ Алексѣй Ивановичъ и съ особеннымъ стараніемъ подлѣ двойки поставилъ точку.



Онъ одобрительно взглядывалъ поверхъ своихъ синихъ очковъ...:

Бѣльская, идя на свое мѣсто, метнула на меня разгорѣвшимися глазами...

Дребезжащій звукъ колокольчика возвѣстилъ объ окончаніи урока.

Послѣ десятиминутной перемѣны, строгаго и взыскательнаго Алексѣя Ивановича смѣнилъ быстрый, какъ ртуть, и юркій старичокъ-французъ Ротье. Едва онъ усѣлся на каѳедрѣ, какъ ко мнѣ подошла классная дама и шепнула, чтобы я шла въ гардеробную переодѣться въ казенное платье.

— Муравьева, — обратилась она такъ-же тихо къ худенькой, серьезной Додо,—вы проводите новенькую въ гардеробную.

— Пойдемте,— подошла ко мнѣ та и, отвѣсивъ по низкому реверансу учителю, мы вышли изъ класса.

Спустившись въ первый этажъ, мы очутились въ полутемномъ коридорѣ, къ которому примыкали столовая, гардеробная и бѣльевая, а также комнаты музыкальныхъ и рукодѣльныхъ дамъ.

— Вотъ сюда, — коротко бросила Додо и толкнула какую-то дверь.

Мы вошли въ свѣтлую комнату, гдѣ работало до двадцати дѣвушекъ, одинаково одѣтыхъ въ полосатыя платья.

— Авдотья Матвѣевна,—обратилась Додо къ полной женщинѣ въ очкахъ, — я привела новенькую, княжну Джаваха.

При послѣднихъ словахъ Додо, гардеробная дама или просто „гардеробша“, какъ ее называли дѣвушки-

работницы, вскинула на меня глазами поверхъ очковъ и все ея лицо расползлось въ любезную улыбку.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, милости просимъ,— сказала она.

Мнѣ были непріятны и этотъ слащавый тонъ, и эта приторно-льстивая улыбка. Мелькомъ взглянула я на Додо, желая убѣдиться, не смѣется-ли она надо мною. Но лицо дѣвочки было по-прежнему безстрастно и серьезно.

Грубое бѣлье, уродливыя прюнелевыя ботинки и тяжелое, парусомъ стоящее камлотовое платье — все это показалось мнѣ ужасно неудобнымъ въ первыя минуты.

Пелеринка поминутно сползала на сторону, манжи (рукавчики), плотно завязанныя тесемочками немного выше локтя, рѣзали руки, а ноги поминутно путались въ длинномъ подолѣ.

На обратномъ пути, проходя съ тою же Додо мимо швейцарской, по дорогѣ въ классъ, я увидѣла высокую, статную фигуру отца, за стеклянной дверью.

„Узнаетъ папа или не узнаетъ въ этомъ новомъ одѣяніи свою Нину?“—мелькнула въ моей головѣ быстрая, какъ молнія, мысль, и съ сильно забившимся сердцемъ я повернулась лицомъ къ двери.

Въ ту-же минуту широкая, радостная улыбка освѣтила лицо отца.

Онъ стремительно открылъ стеклянную дверь, раздѣлявшую насъ, и, протянувъ впередъ руки, громко и радостно крикнулъ:

— Нина!

Я упала въ его объятія.

— Ну, что? ну, что? — спрашивалъ онъ въ то время, какъ глаза его любовно и ласково разглядывали меня.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, какъ ты узналъ меня? какъ ты меня узналъ, мой папа?—приставала я, смѣясь сквозь слезы.

— Злая дѣвочка, — съ дрожью въ голосѣ отвѣчалъ онъ,—неужели ты хоть одну минутку сомнѣвалась, что твой папа не узнаетъ своей джанночки?

О, нѣтъ, я не сомнѣвалась! ни минуты не сомнѣвалась! Я прильнула къ нему и разсказывала ему быстро, быстро, словно боясь потерять время, о томъ, какой громадный нашъ институтъ, сколько въ немъ дѣвочекъ, какъ добръ нашъ батюшка, какъ ласкова maman и какой чудесный, за душу хватающій голосокъ у Варюши Чикуниной!

О томъ, какъ я мучилась одиночествомъ, какъ недобро обошлись со мною мои одноклассницы и какъ твердо рѣшила я перейти въ другой институтъ—я промолчала.

Мнѣ не хотѣлось опечалить беззавѣтно любящаго меня отца...

И на его вопросъ: хорошо-ли тебѣ здѣсь, Нина?—я отвѣчала твердо, безъ запинки:

— Да, мнѣ хорошо, папа!..

Это была маленькая, совсѣмъ маленькая книжечка, съ бѣлыми, чистыми страницами, но если посмотрѣть на свѣтъ, то на бѣлыхъ чистыхъ страницахъ обрисовывались смѣшныя фигурки маленькихъ каррикатурныхъ человѣчковъ.

Лидочка Маркова, или Крошка, какъ ее называли въ классѣ, владѣлица книжечки, привезла ее изъ-за границы и показывала всѣмъ съ особенной гордостью эту изящную и интересную вещицу.

И вдругъ книжечка пропала.

Еще на урокѣ monsieur Ротье Крошка пересылала ее къ Валѣ Леръ, которая не успѣла разсмотрѣть ее въ перемѣну. Послѣ урока мы вышли въ коридоръ, пока

провѣтривались классы. Внезапно подбѣжала къ группѣ седьмушекъ красная, какъ зарево, Крошка, заявляя всѣмъ, что ея книжечка исчезла.

Поднялся гвалтъ невообразимый... Я не могла какъ слѣдуетъ понять, на чемъ порѣшили дѣвочки, потому что въ эту минуту передо мной появился важный, внушительнаго вида институтскій швейцаръ Петръ.

— Къ папашѣ пожалуйте! Ихъ сіятельство внизу дожидаются,—возвѣстилъ онъ мнѣ.

Сломя голову, перепрыгивая черезъ три ступеньки, я бросилась въ пріемную.

Уже больше недѣли прошло со дня моего поступленія въ институтъ, а папа все еще жилъ въ Петербургѣ. Сегодня онъ пришелъ въ послѣдній разъ. Въ этотъ-же вечеръ онъ долженъ былъ пуститься въ обратный путь.

Я бросилась въ его объятія... Мы говорили тихо-тихо, точно боясь, что насъ услышатъ.

— Папа, ненаглядный мой, дорогой, — шептала я, обнимая его шею, — я буду хорошо учиться, буду стараться, для того чтобы ты могъ гордиться мною!

— Спасибо, дѣточка, спасибо, но только не надрывай своихъ силенокъ... А лѣто опять вмѣстѣ, да?.. Что передать Шалому?— улыбнулся онъ сквозь застилавшія его глаза слезы.

Мой отецъ,—рубака и воинъ, смѣло водившій полкъ на усмиреніе возставшаго аула, теперь плакалъ при раз-

ставаніи со своей маленькой дѣвочкой горькими, тяжелыми слезами!

— Вотъ, Нина, — сказалъ онъ, снимая съ груди своей маленькій золотой медальонъ, —носи на память о твоемъ папѣ и о покойной дедѣ.

И, не давъ мнѣ опомниться, онъ надѣлъ мнѣ его на шейную цѣпочку, на которой уже висѣлъ образокъ святой Нины, этотъ медальонъ съ портретами покойной мамы и моимъ собственнымъ, на которомъ я была изображена въ костюмѣ маленькаго джигита.

Отецъ отдалъ мнѣ самую дорогую, самую близкую сердцу вещь!..

Мы крѣпко обнялись...

— Передай Барбале, Михако... Шалому... да, даже Шалому, онъ долженъ понять... что я люблю ихъ крѣпко, крѣпко и буду думать о нихъ постоянно... — съ возрастающимъ волненіемъ говорила я.

Мигъ разлуки приближался... И вдругъ внезапно выплылъ въ моей памяти мой безумный поступокъ съ бѣгствомъ... Мнѣ хотѣлось еще разъ услышать изъ устъ моего отца, что онъ вполнѣ простилъ сумасшедшую маленькую Нину, и я тихонько, на-ушко шепнула ему объ этомъ, еще разъ прося у него прощенія.

— О, моя дѣтка! — могъ только произнести онъ въ отвѣтъ и обнялъ меня крѣпко послѣднимъ прощальнымъ объятіемъ...

Онъ былъ уже въ швейцарской, а я все еще стояла

на одномъ мѣстѣ, не въ силахъ двинуться, ни пошевелиться, такъ глубоко было охватившее меня волненіе. И только, увидя генеральское пальто моего отца въ рукахъ швейцара, я словно очнулась отъ моего столбняка, опрометью бросилась къ нему и застыла безъ слезъ, безъ стона на его груди.

Горе, разрывавшее мое сердце, было слишкомъ сильно, чтобы вылиться слезами... Я точно окаменѣла...

Какъ сквозь сонъ почувствовала я на своемъ лбу его благословляющую руку, его поцѣлуи, смоченные слезами на моихъ щекахъ, и что-то точно сдавило клещами мою грудь и горло...

— До свиданья, Нинуша, до свиданья, крошка-джанымъ, до свиданья, чеми-потара, сакварелла!

И, еще разъ поцѣловавъ меня, онъ стремительно направился къ выходу. Я видѣла, какъ удалялась его статная фигура, какъ онъ оглядывался назадъ, весь блѣдный, съ судорожно подергивающимися губами, и только молча съ мольбою протянула къ нему руки. Онъ тоже оглянулся и въ ту-же минуту былъ снова подлѣ.

— Нѣтъ, я такъ не уѣду!—стономъ вырвалось изъ его груди.—Ну, радость, ну, малюточка, хочешь—ѣдемъ со мною?

Хочу-ли я! Онъ спрашивалъ хочу-ли я?.. О, Боже всесильный! Я готова была крикнуть ему, рыдая: „Да, да, возьми меня, возьми отсюда, мой дорогой, мой люби-

мый отецъ! Тутъ, въ институтѣ, ночь и темень, а тамъ, въ Гори, жизнь, свѣтъ и солнце!“

И я уже готова была просить его взять меня обратно въ мой Гори, но внутренній голосъ, голосъ Джаваховской крови, во-время остановилъ меня:

„Какъ! Нина — потомокъ славныхъ кавказскихъ героевъ—неужели ты не можешь найти въ себѣ достаточно мужества, чтобы не опечалить отца? Стыдись, маленькая княжна, имѣющая дерзость считать себя джигиткой!“

Этого было достаточно, чтобы придать мнѣ мужества.

— Не грусти, папа,—вырвалось у меня твердо, какъ у взрослой, и, поцѣловавъ его еще разъ, я добавила, сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобъ не разрыдаться:

— Лѣто не за горами! Скоро увидимся... И не замѣтимъ, какъ пройдетъ время!..

О, какъ трудно мнѣ было походить на моихъ предковъ! Я поняла это, когда уже отца не было со мною... Какъ только тяжелая входная дверь захлопнулась за нимъ, я прижалась къ высокой колоннѣ и, зажавъ ротъ передникомъ, разразилась глухими судорожными рыданьями...

Когда я, досыта наплакавшись, вошла въ классъ, меня поразило странное зрѣлище.

На классной доскѣ висѣлъ маленькій золотой крестикъ, очевидно снятый съ чьей-нибудь шеи, и дѣвочки, ставъ длинной шеренгой, подходили и цѣловали его поочереди.

— Видишь-ли, Джаваха, — обратилась ко мнѣ, при моемъ появленіи, Валя Леръ, прелестная голубоглазая и бѣленькая, какъ саксонская куколка, дѣвочка. — У Крошки пропала книжечка. Крошка не выносила книжечку изъ класса, значитъ ее взялъ кто-нибудь изъ дѣвочекъ. Стыдъ и позоръ всему классу! Между нами воровка! Этого никогда еще не было. Таня Петровская посовѣтовала намъ цѣловать крестъ, чтобы узнать воровку. Воровка не посмѣетъ подойти къ кресту... или ее оттолкнетъ отъ него... или вообще произойдетъ что-нибудь чудесное... Становись, Джаваха, въ шеренгу, сзади Мили Корбиной, и цѣлуй крестъ.

Мои мысли были еще тамъ, въ маленькой пріемной, около отца. Послѣднія слова прощанья звенѣли въ моихъ ушахъ и я едва слышала, что мнѣ говорила Валя. Ей пришлось повторить.

Съ трудомъ наконецъ я поняла, чего отъ меня хотѣли: у кого-то пропала книжечка... подозрѣваютъ каждую изъ насъ... велятъ присягать...

Возмущенная и потрясенная до глубины души, я обратилась къ классу:

— Я не знаю никакой книжки и не буду шутить священными предметами. Это богохульство!

— Но весь классъ...— попробовала настаивать Леръ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до глупостей класса, — продолжала я гордо,—каждый отвѣчаетъ самъ за себя. Креста цѣловать я не стану, потому что это грѣшно дѣлать по

Я прижалась къ высокой колоннѣ и разразилась рыданіями...

пустякамъ, да еще по ребяческой выдумкѣ глупыхъ дѣвочекъ.

Едва я успѣла произнести эти слова, какъ все вокругъ меня запищало, загалдѣло и зашумѣло.

— Какъ! она еще смѣетъ отнѣкиваться, смѣетъ идти противъ класса, когда весь классъ рѣшилъ!— слышался отовсюду несмолкаемый ропотъ.

Я презрительно пожала плечами и отошла въ уголъ.

Дѣвочки, вдоволь накричавшись и нашумѣвшись, снова принялись за прерванное занятіе. Онѣ подходили поочереди къ золотому крестику и цѣловали его. Валя Леръ, въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, серьезно и важно слѣдила за выполненіемъ присяги. Наконецъ, когда всѣ уже приложились къ кресту, она громко заявила на весь классъ:

— Это неслыханная дерзость: воровка или подошла къ кресту, или...

— Ну, а теперь всѣ къ своимъ партамъ, — скомандовала, прервавъ ее, Бѣльская, — и открывайте ящики. Если воровка не призналась,—надо сдѣлать обыскъ.

И вмигъ всѣ 40 дѣвочекъ быстро кинулись къ своимъ мѣстамъ и подняли крышки пюпитровъ.

Я одна не двинулась съ мѣста.

— Джаваха, — дерзко крикнула мнѣ Запольская, — или ты не слышала? Открой свой ящикъ.

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову...

Открыть ящикъ, позволить обыскать себя, позво-

лить заподозрѣть въ... — страшно подумать даже, а не только вымолвить это слово...

— Нѣтъ! я не позволю обыскивать мой ящикъ, — возразила я рѣзкимъ и громкимъ, точно не своимъ голосомъ.

— Что?—недобро усмѣхнулась хорошенькая Леръ,— ты и въ этомъ идешь противъ класса? Но уже тутъ нѣтъ никакого богохульства! Неправда-ли, mesdames?

— Нѣтъ, но все-таки я обыскивать себя не позволю,—твердо проговорила я.

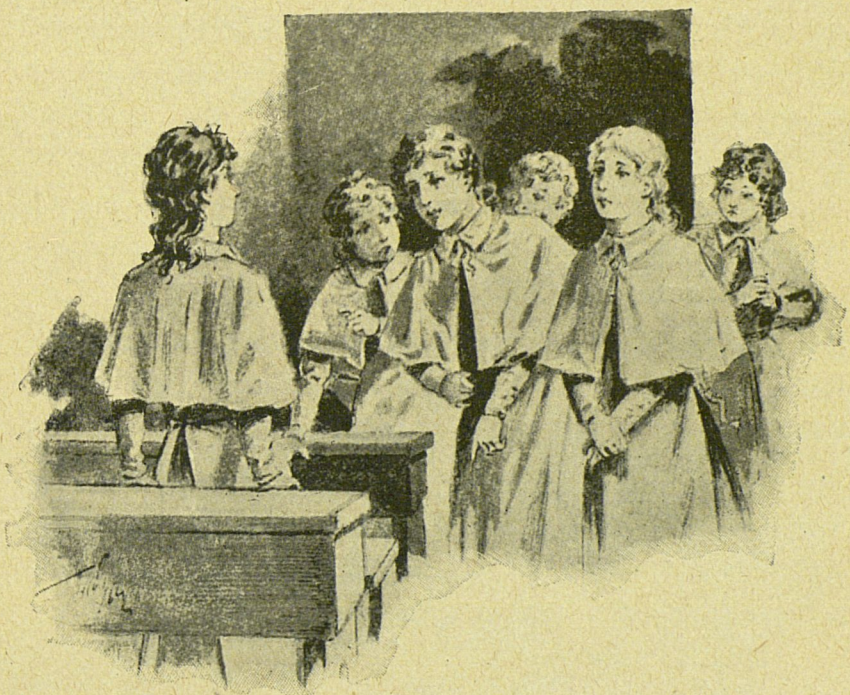
— Mesdam'очки, слышите-ли, что она говоритъ? — взвизгнула Крошка, молча слѣдившая до сихъ поръ за мною злыми, недружелюбными глазами.—Какъ-же намъ поступить теперь?

— Да что тутъ много разговаривать! Просто открыть ея пюпитръ,—горячилась рыженькая Запольская.

Я вспыхнула и оглянулась кругомъ. Ни одного сочувствующаго лица, ни одного ласковаго взгляда!.. И это были дѣти, маленькія дѣвочки, слетѣвшіяся сюда еще такъ недавно съ разныхъ концовъ Россіи, прощавшіяся со своими родителями всего какихъ-нибудь два мѣсяца тому назадъ такъ-же нѣжно, какъ я только-что прощалась съ моимъ ненаглядным папой! Да неужели ихъ дѣтскія сердечки успѣли такъ зачерствѣть въ этотъ короткій срокъ?..

Вотъ на послѣдней партѣ сидитъ Варя Чикунина. Она что-то прилежно дописываетъ въ свою тетрадку.

Неужели и она противъ меня — она, такая ласковая и кроткая... Вотъ въ другомъ углу Миля Корбина—некрасивая, болѣзненная, мечтательная дѣвочка. Эта смотритъ на меня своими кроткими голубыми глазками, но въ нихъ я читаю скорѣе упрекъ, нежели состраданіе. „Что



— Нѣтъ, я не позволю обыскивать мой ящикъ...

тебѣ стоитъ открыть твой ящикъ и доказать, что онѣ ошибаются?“ — говорятъ эти кроткіе голубые глазки. „Нѣтъ, — краснорѣчиво отвѣчаютъ мои глаза, — тысячу разъ нѣтъ! — я не позволю обыскивать мой ящикъ!“

А дѣвочки вокругъ меня шумятъ и волнуются съ каждой минутой все больше и больше.

— Бѣльская,—слышится мнѣ голосъ Краснушки,— ступай открывать тирyаръ Джавахи.

— Что?!

И въ одинъ мигъ я очутилась у моей парты и даже присѣла на край ея, чтобы ничья дерзкая рука не посмѣла поднять крышки.

Тогда изъ толпы выдвинулся мой врагъ—Бѣльская.

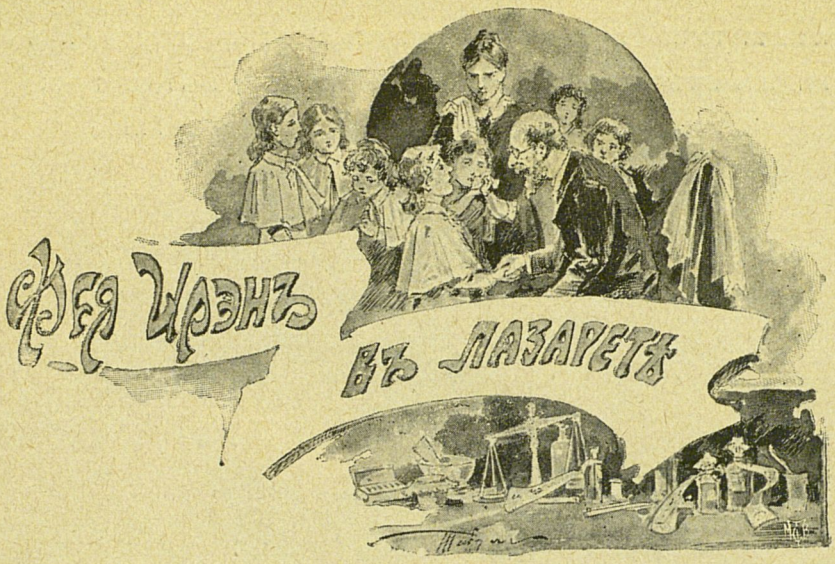
— Слушай, Джаваха, — спокойно, чуть-чуть примирительно произнесла она,—почему ты не хочешь позволить обыскать тебя?.. Вѣдь Додо, Корбина, Леръ, Петровская— весь первый десятокъ нашихъ лучшихъ ученицъ, наши парфетки, записанныя на красной доскѣ, позволили продѣлать это... а ужь если онѣ...

— Бѣльская,—перебила я ее,—въ дѣлахъ чести не можетъ быть ни первыхъ, ни послѣднихъ ученицъ. Ты глупа, если не понимаешь этого... Княжна Джаваха никогда не позволитъ заподозрѣть себя въ чемъ-либо нечестномъ...

— Если княжна Джаваха не позволитъ сейчасъ-же открыть свой пюпитръ, то, значитъ, мою книжку украла она!..—услышала я рѣзкій и непріятный голосъ, и ангельское личико Крошки, перекошенное злой гримаской, глянуло на меня снизу вверхъ.

Тирyары, парты, каѳедра, стѣны и потолокъ — все заплясало и запрыгало передъ моими глазами. Дѣвочки

уплыли точно куда-то, въ туманъ, далеко, далеко, и я увидѣла ихъ уже гдѣ-то надъ моей головою... И въ ту-же минуту точно темная завѣса заволокла мое зрѣніе...



БОЛЬШАЯ незнакомая комната съ кроватями, застланными бѣлыми покрывалами, тонула во мракѣ сентябрьской ночи.

Я лежала въ постели съ компрессомъ на головѣ и все мое тѣло болѣло и ныло.

— Гдѣ я? — вырвалось у меня невольно, и я стала дико оглядываться, присматриваясь къ незнакомой обстановкѣ.

— Въ лазаретѣ, барышня, будьте покойны, — отвѣтилъ мнѣ чей-то старчески-дрожащій голосъ.

— Кто вы?

– Я, Матенька.

— Да кто-же, Господи? Я ничего не понимаю.

Тогда говорившая поднялась съ табуретки, и при

блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, заглядывавшаго въ окна, я увидѣла маленькую сморщенную старушку въ бѣломъ чепчикѣ и темномъ платьѣ.

— Кто вы?—еще разъ спросила я ее.

— Матенька, сидѣлка здѣшняя... Вотъ выпейте, княжна-голубушка, лѣкарствица—вамъ и полегчаетъ,— тихо и ласково проговорила незнакомая старушка, протягивая мнѣ рюмочку съ какой-то жидкостью.

— Зачѣмъ-же лѣкарство? Развѣ я больна?—взволновалась я.

— Ну, больна не больна, а все-же прихворнули малость. Да это не бѣда! Францъ Ивановичъ живо васъ на ноги поставитъ. Завтра-же выпишетесь. Выпейте только капельки, и все какъ рукой сниметъ.

Я покорилась и, принявъ изъ ея рукъ рюмку, проглотила горькую, противную микстуру.

— Ну, вотъ и отлично! А теперь съ Богомъ бай-бай, а я тоже пойду прилягу, благо дождалась вашего пробужденія, да дала вамъ лѣкарства.

„Какая она славная, добрая, и какое у нея чудесное, милое лицо, — подумала я невольно.— Барбале такая-же старенькая, но у нея нѣтъ этихъ морщинокъ вокругъ глазъ, точно лучами окружающихъ вѣки и придающихъ всему облику выраженіе затаеннаго добродушнаго смѣха“.

Она нагнулась ко мнѣ, перекрестила меня совсѣмъ по-домашнему, какъ это дѣлала Барбале, и сказала:

— Спи, дитятко... Господь съ тобою!

Сладко забилось мое сердце при этой безхитростной ласкѣ лазаретной сидѣлки и безсознательно, обвивъ руками ея шею, я шепнула:

— Какая вы добрая, точно родная! Я уже люблю васъ!

— Спасибо, матушка, красоточка моя, что приласкала меня, старуху...—растроганно произнесла Матенька и, заботливо укрывъ меня одѣяломъ, поплелась къ себѣ, покашливая и чуть слышно вздыхая.

Я улеглась поудобнѣе и стала смотрѣть въ окно. Неспущенная штора позволяла мнѣ видѣть высокія деревья институтскаго сада и площадку передъ лазаретными окнами, всю ярко освѣщенную луной.

„Вотъ, — думалось мнѣ, — эта-же луна свѣтитъ въ Гори и, можетъ-быть, кто-либо изъ моихъ, глядя на нее, вспоминаетъ маленькую далекую Нину... Какъ хотѣлось-бы мнѣ, чтобы лунная фея передала, какъ въ сказкѣ, имъ—моимъ дорогимъ, милымъ, — что Нина думаетъ о нихъ въ эту лунную осеннюю ночь!..“

И лунная фея, точно подслушавъ мое желанье, явилась ко мнѣ. У нея были свѣтлые, совсѣмъ льняные волосы, спадающіе по плечамъ длинными волнами... Въ глазахъ у нея словно отражалось сіяніе мѣсяца, такъ они были свѣтлы и прозрачны!.. Высокая, гибкая, одѣтая во что-то бѣлое, легкое, она неожиданно предстала предо мною... И — странное дѣло,—я не испугалась нисколько и смотрѣла на нее съ улыбкой, выжидая, что

И лунная фея явилась ко мнѣ...

она скажетъ. Но она молчала и только пристально смотрѣла на меня своими загадочными глазами. Лучъ мѣсяца скользнулъ по ея головкѣ и спрятался въ кудряхъ. И кудри ея стали оттого совсѣмъ, совсѣмъ серебряными.

Такъ какъ она все еще молчала, то я рѣшила заговорить первая.

— Какъ хорошо,— прошептала я,— что ты пришла ко мнѣ, лунная фея.

Она засмѣялась, и смѣхъ ея показался мнѣ звонкимъ и чудеснымъ, именно такимъ, какимъ умѣютъ смѣяться однѣ только феи.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не фея!—воскликнула она и тихо, словно нехотя, добавила:—Я только Ирэнъ!

— Ирэнъ? — удивилась я, — но развѣ лунная фея не можетъ называться Ирэнъ?..

— Я должна васъ разочаровать, маленькая княжна... Вы ждали лунную фею, а передъ вами Ирочка Трахтенбергъ, воспитанница выпускного класса института. Ирина Трахтенбергъ, или просто Ирочка, какъ меня называютъ институтки.

— Ирэнъ... Ирочка... какъ хорошо, что вы пришли ко мнѣ! Правда, я ждала фею, но вы такая-же свѣтлая и хорошенькая и вполнѣ можете замѣнить ее.

И я взяла ея руки и вглядывалась въ ея лицо, фантастически освѣщенное лучами мѣсяца.

— Ну, полно, крошка, мнѣ надо идти— улыбнулась она, — вамъ нельзя много разговаривать, а то у васъ

снова повысится температура и вы не скоро выпишетесь изъ лазарета.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, фея Ирэнъ, не уходите отъ меня!—испуганно взмолилась я,—посидите на моей постели. Вы еще не хотите спать?

— О, нѣтъ! увы! я страдаю безсонницей и долго хожу по комнатамъ, всю ночь, хожу, пока не почувствую желанія отдохнуть, и только подъ утро засыпаю. Вотъ и сейчасъ я слышала, какъ вы разговаривали съ Матенькой, и пришла къ вамъ замѣнить старушку. Вамъ не надо-ли перемѣнить компрессъ?

— О, да, пожалуйста! только не уходите! — взмолилась я, видя, что ея гибкая фигурка удаляется отъ меня.

— Но, смѣшная малютка, не могу-же я иначе намочить тряпку.

— Тогда не надо компресса. Сядьте лучше около меня и положите мнѣ на лобъ вашу руку... У васъ такая нѣжная, бѣлая рука — она должна принести мнѣ облегченіе... Ну, вотъ такъ... А теперь... теперь вы мнѣ скажите, какъ это случилось, что вы не фея, а просто Ирэнъ?

Ирэнъ засмѣялась.

Она удивительно хорошо смѣялась. Точно серебряные колокольчики переливались у нея въ горлѣ, — и глаза ея при этомъ дѣлались большими и влажными...

Она разсказала мнѣ, что она родомъ изъ Стокгольма, что отецъ ея важный консулъ, что у нея есть младшая

сестра, поразительная красавица, и что она горячо любитъ свою холодную родину.

Тогда и я не могла удержаться, что-бы не разсказать ей, какіе чудные дни проводила я на Кавказѣ, какъ тяжело мнѣ было разставаться сегодня съ отцомъ, и какъ мнѣ хочется назадъ въ мой милый, солнцемъ залитый Гори.

Она слушала меня очень внимательно. Все время, пока я говорила, ея тоненькая ручка лежала на моемъ лбу, и право-же, мнѣ казалось, что боль въ головѣ утихала, что хорошенькая Ирочка способна унести мою болѣзнь, какъ настоящая маленькая фея.

— Однако, на сегодня довольно!—прервала она меня, когда я, ободренная ея вниманіемъ, стала разсказывать ей о томъ, какъ я убѣжала изъ дому въ платьѣ нищаго сазандара, — довольно, дѣтка, а то мы начинаемъ бредить!..

Очевидно она не повѣрила мнѣ! Она приняла за бредъ то, что было со мною и что я съ такой горячностью разсказывала ей!.. Я не стала ее разубѣждать. Пусть считаетъ бредомъ мою полную происшествій маленькую жизнь эта странная, поэтичная дѣвушка!..

— Покойной ночи, малютка Нина, вамъ пора спать, завтра наговоримся до-сыта,—еще разъ услышала я ея нѣжный голосъ. Потомъ, крѣпко поцѣловавъ меня въ мокрый отъ испарины лобъ, она пошла къ двери.

— До свиданья, фея Ирэнъ!..

Я видѣла, какъ она легко скользила по комнатѣ, точно настоящая лунная фея, и исчезла въ коридорѣ.

— До свиданья, фея Ирэнъ!—еще разъ прошептала я, и въ первый разъ, по моемъ поступленіи въ мрачные институтскіе стѣны, снова сладкая надежда на что-то хорошее постучалась мнѣ въ сердце.

Я улыбнулась, вздохнула и мгновенно забылась быстрымъ, здоровымъ сномъ.

Утро стояло солнечное, свѣтлое. Открывъ глаза, я увидѣла непривычную лазаретную обстановку и вспомнила все...

Толстенькая, свѣженькая фельдшерица, съ улыбающимся жизнерадостнымъ личикомъ, принесла мнѣ вторую порцію лѣкарства.

— Ну, слава Богу, отходили, кажется, нашу новенькую, — улыбнулась она, — а то вчера ужасъ какъ напугали насъ! принесли пластомъ изъ класса — обморокъ... Скажите, пожалуйста, обморокъ! въ эти-то годы да такіе-то обмороки березовой кашей лѣчить надо...

Она ворчала притворно-сердито, а лицо ея улыбалось такъ простодушно и весело, что мнѣ ужасно хотѣлось расцѣловать ее.

Потомъ, вдругъ, я вспомнила, что не увижу больше отца, что онъ далеко и никакая сила не можетъ его вернуть теперь къ его Нинѣ-джанъ.

И мой взоръ затуманился.

— Что это, слезы? — вскрикнула Вѣра Васильевна

(такъ звали толстушку-фельдшерицу), пытливо заглянувъ мнѣ въ глаза. — Нѣтъ, дѣвочка, вы ужь это оставьте, а то вы мнѣ такого дѣла надѣлаете, что не вылѣчить васъ и въ двѣ недѣли.

— Хорошо,— произнесла я,— я постараюсь сдерживаться отъ слезъ, но только пришлите сюда ко мнѣ фею Ирэнъ.

— Фею Ирэнъ?—недоумѣвающе произнесла она,— да вы, Господь съ вами, никакъ бредите, княжна?

— Фея Ирэнъ—это Ирочка Трахтенбергъ. Гдѣ она?

— M-lle Трахтенбергъ еще спитъ,—заявила появившаяся на порогѣ Матенька и потомъ спросила у Вѣры Васильевны, можно-ли мнѣ встать сегодня съ постели.

Та разрѣшила.

Я быстро принялась одѣваться и черезъ полчаса, причесанная и умытая, въ бѣломъ полотняномъ лазаретномъ халатѣ, точь-въ-точь такомъ-же, какой я видѣла на Ирочкѣ сегодня ночью, входила я въ сосѣднюю палату. Тамъ, передъ дверцей большой печки, на корточкахъ, вся раскраснѣвшись отъ огня, сидѣла Ирочка и поджаривала на огнѣ казенную булку.

— Тссъ! не шумите, маленькая княжна!—остановила она меня, приложивъ къ губамъ палецъ.

И я со смѣхомъ присѣла тутъ-же подлѣ нея на полъ и стала ее разсматривать.

Она была уже не такая хорошенькая, какою показалась мнѣ ночью. Утро безжалостно сорвало съ нея всю

ея ночную фантастическую прелесть. Она уже болѣе не казалась мнѣ феей, но ея большіе свѣтлые глаза, загадочно-прозрачные, точно глаза русалки, ея великолѣпные, бѣлые, какъ ленъ, волосы и изящныя черты немного надменнаго личика съ дѣтски-чарующей улыбкой—невольно заставляли любоваться ею.

— Что вы такъ пристально смотрите на меня, княжна, — засмѣялась дѣвушка, — или не признаете во мнѣ больше таинственной лунной феи сегодня?

— Нѣтъ, нѣтъ, Ирочка, совсѣмъ не то... Я смотрю на васъ потому, что вы мнѣ ужасно нравитесь, и точно я васъ знаю давнымъ-давно!..

— Хотите жареной булки? — неожиданно оборвала она мою пылкую рѣчь и, отломивъ половину только-что снятой съ горячихъ угольевъ булки, протянула ее мнѣ.

Я съ большимъ аппетитомъ принялась за ѣду, обжигая себѣ губы и не сводя глазъ съ Ирочки.

За что я ее полюбила вдругъ, внезапно — не знаю, но это чувство вполнѣ завладѣло моимъ горячимъ, отзывчивымъ на первыя впечатлѣнія сердцемъ.

Въ два часа пріѣхалъ докторъ. Онъ выслушалъ меня особенно тщательно, разспросилъ о Кавказѣ, о папѣ. Потомъ принялся за Ирочку. Кромѣ насъ, больныхъ въ лазаретѣ не было. За то изъ классовъ ихъ потянулась на осмотръ цѣлая шеренга.

— Францъ Ивановичъ, голубчикъ, — молила совер-

шенно здоровая на видъ, высокая, полная старшеклассница.

— Что прикажете, m-lle Тальмина?

— Францъ Ивановичъ, голубчикъ, найдите вы у меня катаръ желудка, катаръ горла, катаръ...

— У-ухъ, сколько катаровъ сразу! Не много-ли будетъ? Довольно и одного, пожалуй...— засмѣялся добродушно докторъ.

— Голубчикъ, физики не начинала... А извергъ-физикъ въ послѣдній разъ обѣщалъ вызвать и колъ влѣпить... Миленькій, спасите!

— А если въ постель уложу?—шутилъ докторъ.

— Лягу, голубчикъ... Даже лучше въ постель, доказательство болѣзни на-лицо.

— А касторку пропишу?

— Брръ! Ну, куда ни шло, и касторку выпью... Касторка лучше физики...

— А вдругъ maman не повѣритъ, температуру при себѣ прикажетъ смѣрить? Что тогда? а? обоимъ нахлобучка...

— Ничего, голубчикъ... температура поднимется, я градусникъ въ чай опущу: живо 40 будетъ.

— Ахъ, вы, разбойницы, — разсмѣялся докторъ, — ну, да ужь что съ вами дѣлать... Только смотрите, чтобъ въ послѣдній разъ эта болѣзнь физики съ вами приключилась, а то головой выдамъ кому слѣдуетъ: скажу, что вы, вмѣсто своей температуры, чайную измѣряете!

— Не скажете!— бойко отпарировала дѣвочка,— вы добрый!

Дѣйствительно, онъ былъ добрый.

Черезъ минуту его громкій голосъ взывалъ по адресу Матеньки:

— Сестрица сердобольная, m-lle Тальминой потогоннаго приготовьте, да въ постель.

— Случай удивительный! — обратился онъ серьезно къ стоявшей подлѣ фельдшерицѣ, смотрѣвшей на него съ подобострастнымъ вниманіемъ.

Тальмина, охая и кряхтя, какъ настоящая больная, ложилась въ постель, а остальныя давились со смѣху.

И почти каждый день ту или другую дѣвочку спасалъ такимъ образомъ добрый докторъ.

Ирочкѣ и мнѣ было предписано остаться въ лазаретѣ на неопредѣленное время. Но я нимало не огорчилась этому. Здѣсь было много уютнѣе, нежели въ классѣ, да къ тому-же я могла отдохнуть нѣкоторое время отъ нападокъ моихъ несправедливыхъ одноклассницъ.

По ночамъ я прокрадывалась въ палату Ирочки, и мы болтали съ ней до утра.

Объ исторіи съ пропавшей книжкой я не могла умолчать передъ нею. Она внимательно выслушала меня и, нахмуривъ свои тонкія брови, проговорила сквозь зубы:

— Фу, какая гадость!—и потомъ, помолчавъ, добавила:—Я такъ и думала, что съ вами было что-нибудь

изъ ряда вонъ выходящее. Васъ, какъ мертвую, принесли въ лазаретъ. М-lle Арно чуть съ ума не сошла отъ испуга. Какія гадкія, испорченныя дѣвчонки! Знаете, Нина, если онѣ посмѣютъ еще разъ обидѣть васъ, вы придите ко мнѣ и разскажите... Я ужь сумѣю заступиться за васъ...

„Заступиться? о, нѣтъ, милая Ирочка, — подумала я,—заступиться вамъ за меня не придется. Я сумѣю постоять за себя сама".

Я разсказала Ирочкѣ всю мою богатую событіями жизнь и она внимательно и жадно слушала меня, точно это была не исторія маленькой дѣвочки, а чудесная, волшебная сказка.

— Нина!—часто прерывала она меня на полусловѣ,— какая вы счастливая, что пережили столько интереснаго! Я-бы такъ хотѣла бродить съ волынкой, точно въ сказкѣ, и попасться въ руки душмановъ...

— Что вы, Ирочка! — испуганно воскликнула я. — Вѣдь не всегда встрѣчаются въ жизни такіе люди, какъ Магома, а что-бы случилось со мною, если-бы онъ не подоспѣлъ ко мнѣ на выручку? Страшно подумать!..

Славные дни провела я въ лазаретѣ, даже тоска по дому какъ-то сглаживалась и перестала проявляться прежними острыми порывами. Иногда меня охватывала даже непреодолимая жажда пошалить и попроказничать. Вѣдъ мнѣ было только 11 лѣтъ и жизнь била во мнѣ ключомъ.

Въ лазаретѣ было двѣ фельдшерицы: одна изъ нихъ—Вѣра Васильевна—чудеснѣйшее и добрѣйшее существо, а другая, Мирра Андреевна — придира и злючка. Насколько дѣвочки любили первую, настолько-же ненавидѣли вторую.

Вѣра Васильевна, или Пышка, повидимому покровительствовала моей начинавшейся дружбѣ съ Ирэнъ, но Цапля (какъ прозвали безжалостныя институтки Мирру Андреевну за ея длинную шею) поминутно ворчала на меня:

— Гдѣ это видано, чтобы седьмушки дневали и ночевали у старшеклассницъ!

Особенно злилась Цапля, когда накрывала меня во время нашихъ ночныхъ бесѣдъ съ Ирочкой.

— Спать ступайте,—непріятнымъ, крикливымъ голосомъ взывала она,—сейчасъ-же маршъ спать, а то я maman пожалуюсь!

И я, пристыженная и негодующая, отправлялась восвояси. Спать, однако, я не могла и, выждавъ удобную минутку, когда Мирра Андреевна, окончивъ ночной обходъ, направлялась въ свою комнату, я поспѣшно спрыгивала съ постели и осторожно прокрадывалась въ послѣднюю палату, гдѣ спала моя новая взрослая подруга.

Далеко за полночь лилась у насъ безконечная бесѣда о домѣ и родинѣ, приправляемая возгласами сочувствія, удивленія и смѣхомъ.

Мирра Андреевна догадалась, наконецъ, что послѣ обхода я отправляюсь въ палату старшихъ и возымѣла намѣреніе „накрыть“ меня.

— Сегодня Цапля второй обходъ сдѣлаетъ,—успѣла шепнуть мнѣ лазаретная дѣвушка Маша, которая полюбила меня съ перваго-же дня моего поступленія въ лазаретъ.

Я была огорчена самымъ искреннимъ образомъ. Полночи чудесной болтовни съ Ирэнъ вычеркивалось изъ моей жизни!

— Ну, постой-же, скверная Цапля, — возмутилась я,—отучу тебя подглядывать за нами!

— Что вы хотите сдѣлать, княжна?—встревожилась Ирочка.

— А вотъ увидите.

Я особенно послушно улеглась спать въ этотъ вечеръ, чѣмъ, конечно, еще болѣе увеличила подозрительность Цапли.

Въ большую палату привели двухъ новыхъ больныхъ, и, кромѣ того, пришла одна изъ старшеклассницъ, заболѣвшая внезапно незнаніемъ педагогики. Такимъ образомъ наша лазаретная семья увеличилась тремя новыми членами.

Послѣ спуска газа, новенькія больныя сразу уснули. Я лежала съ открытыми глазами, смотрѣла на крохотное газовое пламя ночника и думала объ Ирэнъ, спавшей за стѣною.

„Противная Мирка! — злилась я,—лишила меня такого громаднаго удовольствія...“

Поздно, должно быть, уже около 11-ти часовъ, потому что все было тихо и раздавался только сонный храпъ лазаретныхъ дѣвушекъ, спавшихъ тутъ-же, я неожиданно услышала шлепанье туфель по паркету.

„Она“,—мелькнуло въ моей головѣ, и я приготовилась къ атакѣ.

Дѣйствительно, это была Мирра Андреевна, пришедшая подсматривать за мною. Неслышно подвигалась она на цыпочкахъ къ моей постели, одѣтая во что-то длинное, широкое и клѣтчатое, въ родѣ балахона, съ двумя папильотками на лбу, торчавшими на-подобіе рожекъ.

Лишь только клѣтчатая фигура съ бѣлыми рожками приблизилась и наклонилась ко мнѣ,—я неожиданно вскочила на постели и съ дикимъ крикомъ дѣланнаго испуга вцѣпилась обѣими руками въ злосчастные рожки.

— Спасите, помогите,—вопила я,—привидѣніе! ай! ай! ай!.. привидѣніе!..

Шумъ и визгъ поднялся невообразимый. Дѣвочки проснулись и, разумѣется, не понявъ въ чемъ дѣло, вторили мнѣ, крича спросонья на весь лазаретъ:

— Ай, ай, привидѣніе, спасите!

Кричала и сама Мирра, испуганная больше насъ произведенной ею суматохой. Она дѣлала всевозможныя усилія, чтобы освободиться изъ моихъ рукъ, но я такъ

крѣпко ухватилась за бѣлые рожки, что всѣ ея старанія были тщетны.

Наконецъ, она собрала послѣднія усилія, рванулась еще разъ и...— о ужасъ! — кожа вмѣстѣ съ волосами и

Парикъ передали Матенькѣ и велѣли доставить его по назначенію...

бѣлыми рожками отдѣлилась съ ея головы и осталась въ моихъ рукахъ на-подобіе скальпа.

Я невольно открыла чужую тайну: почтенная Мирра носила парикъ. Съ совершенно голымъ черепомъ, съ

бранью и криками, Цапля бросилась къ выходу. А я, растерянная и смущенная неожиданнымъ оборотомъ дѣла, лепетала, помахивая оставшимся въ моихъ рукахъ парикомъ:

— Ахъ, Боже мой, кто же зналъ... Развѣ я думала...

Газъ снова подняли. Комната освѣтилась. Больныя перестали кричать и волноваться и, окруживъ меня, хохотали теперь, какъ безумныя.

Въ двухъ словахъ я передала имъ, какъ испугалась рогатаго привидѣнія, какъ это привидѣніе оказалось почтенной Миррой Андреевной, и даже не Миррой Андреевной, а, вѣрнѣй, ея парикомъ. Мы смѣялись до изнеможенія.

Наконецъ, рѣшили завернуть злосчастный парикъ Мирры въ бумагу и отнести его разгнѣванной фельдшерицѣ.

Парикъ передали Матенькѣ и велѣли ей какъ можно осторожнѣе доставить его по назначенію.

На другой день, на перевязкѣ, у институтокъ только и разговору было о томъ, какъ княжна Джаваха скальпировала Цаплю. Хохотали въ классахъ, хохотали въ лазаретѣ, хохотали въ подвальномъ помѣщеніи дѣвушекъ-служанокъ. Только одна Цапля не хохотала. Она бросала на меня свирѣпые взгляды и настаивала на скорѣйшей выпискѣ меня изъ лазарета.

На слѣдующій вечеръ, нѣжно простясь съ Ирочкой, я собиралась въ классъ.

— До свиданья, шалунья! — съ ласковой улыбкой поцѣловала меня Ирэнъ.

— До свиданья, лунная фея, выздоравливайте скорѣе; я буду васъ ждать съ нетерпѣніемъ въ классахъ.

Когда я поднялась въ коридоръ и знакомое жужжанье нѣсколькихъ десятковъ голосовъ оглушило меня,— чуждой и непріятной показалась мнѣ классная атмосфера. Я была убѣждена, что меня ждутъ тамъ прежнія насмѣшки недружелюбно относящихся ко мнѣ одноклассницъ.

Но я ошиблась.

Fräulein Генингъ, когда я вошла, сидѣла на каѳедрѣ, окруженная дѣвочками, отвѣчавшими ей заданные уроки.

При моемъ появленіи, она ласково улыбнулась и спросила:

— Ну, Gott grüsst dich. Поправилась?

Я утвердительно кивнула головой и оглядѣла классъ. Вокругъ меня уже не было ни одного враждебнаго личика. Дѣвочки, казалось, чѣмъ-то пристыженныя, толпились вокругъ меня, избѣгая моего взгляда.

— Здравствуйте! — кивнула мнѣ головой Варюша Чикунина, и голосъ ея звучалъ еще ласковѣе, нежели прежде.—Совсѣмъ поправились?

— Да! и уже нашалила тамъ порядочно, — засмѣялась я, и присѣвъ подлѣ нея на парту, вкратцѣ разсказала ей лазаретное происшествіе.

— Такъ вотъ вы какая! — удивленно подняла она

брови, и потомъ добавила, неожиданно понизивъ голосъ:—а вѣдь книжечка-то нашлась!

— Какая книжечка?—искренно удивилась я.

— Да Марковой... помните, изъ-за которой вы заболѣли. Какъ-же, нашлась. Феня ее съ соромъ вымела въ коридоръ и потомъ принесла... Знаете-ли, Джаваха, онѣ такъ сконфужены своимъ нелѣпымъ поступкомъ съ вами...

— Кто?

— И Бѣльская, и Маркова, и Запольская, словомъ—всѣ, всѣ... Онѣ охотно-бы прибѣжали мириться съ вами, да боятся, что вы ихъ оттолкнете.

— Пустяки!—весело вырвалось у меня,—пустяки!

И дѣйствительно, все казалось мнѣ теперь пустяками въ сравненіи съ дружбой Ирочки. Институтъ уже не представлялся мнѣ больше прежней мрачной и угрюмой тюрьмою. Въ немъ жила со своими загадочно-прозрачными глазками и колокольчикомъ-смѣхомъ бѣлокурая фея-Ирэнъ.

По длиннымъ доскамъ коридора,
Лишь девять пробьетъ на часахъ,
Нашъ Церни высокій несется,
Несется на длинныхъ ногахъ.
Не гнутся высокія ноги,
На нихъ сапоги не скрипятъ,
И молча въ открытыя вѣки
Сердитыя очи глядятъ.

Краснушка даже языкомъ прищелкнула отъ удовольствія и обвела классъ торжествующими глазами.

— Браво, Запольская, браво! — раздалось со всѣхъ сторонъ, и дѣвочки запрыгали и заскакали вокругъ нашей маленькой классной поэтессы.

Дежурная дама, страдавшая флюсомъ, вышла полежать немного въ своей комнатѣ, и мы остались предоставленными самимъ себѣ.

— Милочки, да вѣдь она это у Лермонтова стащила,— внезапно запищала всюду поспѣвающая Бѣльская.

— Что ты врешь, Бѣлка! — напустилась на нее обвиняемая.

— Ну, да... „Воздушный корабль“... „По синимъ волнамъ океана,—такъ начинается,—лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ, корабль одинокій несется, несется на всѣхъ парусахъ“. А у тебя...

— Ну, да, я и не скрываю... Я за образецъ взяла... Даже и великіе поэты такъ дѣлали... А все-таки хорошо, и ты изъ зависти придираешься. Хорошо вѣдь, mesdam'-очки?—И она обвела классъ сіяющими глазами.

— Хорошо, Маруся, очень хорошо,—одобрили всѣ.

— Вотъ-то обозлится Черни!

Черни былъ нашъ учитель ариѳметики. Длинный и сухой, какъ палка, онъ поминутно злился и кричалъ Его въ институтѣ прозвали „вампиромъ“. Его уроки считались наказаніемъ свыше. Страница журнала, посвященная математикѣ, постоянно пестрѣла единицами, нулями и двойками. Больше десяти балловъ онъ не ставилъ даже за самый удовлетворительный отвѣтъ.

— Хорошо,—говорилъ онъ, улыбаясь и обнаруживая при этомъ большіе желтые зубы,—вы заслуживаете 10 балловъ.

— Но почему-же не 12, monsieur Черни?—расхрабрившись, приставала ободренная похвалой дѣвочка.

— А потому, г-жа Муравьева, что только Господу Богу доступны всѣ знанія на первый баллъ, т.-е. на 12.

Мнѣ, вашему покорному слугѣ, на 11, а ужь вамъ, госпожа Муравьева, на 10.

— Ахъ, душки,—возмущалась Додо вполголоса, вернувшись на свое мѣсто, — вампиръ-то какой грѣшникъ! Самого Бога замѣшалъ въ свою поганую ариѳметику!

Черни ненавидѣли всѣмъ классомъ и безстрашно выказывали ему свою ненависть. А однажды послѣ несправедливо поставленной Милочкѣ Корбиней, тихенькой и прилежной дѣвочкѣ, двойки за непонятую ею задачу—его рѣшили „травить“.

Въ то время какъ на урокахъ другихъ учителей на каѳедрѣ красовались красиво обернутые протечной бумагой мѣлки съ красными, голубыми и розовыми бантиками, — на урокѣ Черни лежалъ небрежно брошенный обломокъ или, вѣрнѣе, обгрызокъ мѣлка, едва умѣщавшійся въ рукахъ. Въ чернильницѣ постоянно плавали мухи, а перо клалось умышленно такое, что имъ едва-едва можно было расписаться въ классномъ журналѣ.

Танѣ Покровской, обожавшей Черни (у Тани Покровской всегда все какъ-то выходило „не слава Богу“ и ее признавали неудачницей), строго запретили „выручать вампира“, и Таня, проплакавъ урокъ своего „душки-Цирюши“, покорилась.

— Дѣлайте съ нимъ что хотите, mesdam'очки, но прекращать мое обожанье теперь, когда вы его рѣшили травить, я считаю подлостью,—кротко заявила она.

— Ну, и обожай своего вампира, а мы все-таки его

изведемъ вдребезги,—рѣшила Запольская и тотчасъ же сѣла за свое стихотвореніе...

Муза улыбнулась Марусѣ, и начало пародіи на „Воздушный корабль“ вышло довольно удачнымъ.

Краснушка была не прочь продолжать въ томъ-же духѣ, но Муза заупрямилась, и дѣвочка ограничилась только однимъ четверостишіемъ, которое бойко подмахнула подъ стихотвореніемъ:

Единицы, двойки, тройки
Такъ и сыплетъ намъ вампиръ,
Весь при этомъ злобой пышетъ.
Берегись, крещеный міръ!

Было рѣшено положить листочекъ со стихомъ на столъ около чернильницы, какъ-будто неумышленно позабытый. Каждая изъ дѣвочекъ влѣзала на каѳедру, чтобы убѣдиться въ присутствіи листка.

На этотъ разъ, какъ-бы золотя пилюлю, Черни положили мѣлокъ съ красивой оберткой и бантомъ. Даже приклеили на бантъ картинку съ изображеніемъ улетающаго въ небо ангела.

— Это предсмертное удовольствіе, — смѣялись шалуньи,—вѣдь умирающимъ всегда дѣлаютъ что-нибудь пріятное, а вампиръ навѣрное, прочтя стихи, лопнетъ со злости!

Танѣ Покровской кто-то предложилъ обвязать руку черной лентой, какъ-бы въ знакъ траура.

Таня дулась и сердилась, но идти противъ класса не посмѣла. Это было-бы нарушеніемъ правила товари-

щества, что̀ строго преслѣдовалось институтскими законами дружбы. „Умри, а не выдай“,—гласилъ этотъ законъ, выдуманный дѣтскими головками, то великодушными и разумными, то сумасбродными и фантазирующими сверхъ мѣры.

Я подошла послѣднею къ каѳедрѣ. Въ этотъ день я была дежурною по классу и на моей обязанности лежало посмотрѣть все-ли необходимое приготовлено учителю.

Все было на мѣстѣ, не исключая и злосчастнаго листка со стихотвореніемъ.

Едва успѣла я открыть чернильницу и вытащить изъ нея двухъ утопленницъ-мухъ, какъ дверь широко распахнулась, и рыжій, длинный, сухой Церни влетѣлъ въ классъ.

Еле кивнувъ привставшимъ со своихъ мѣстъ дѣвочкамъ, онъ взобрался на каѳедру и готовился уже приступить къ вызову ученицъ, какъ вдругъ взоръ его упалъ на злополучный листокъ. Осторожно, худыми, кривыми пальцами, словно это была рѣдкостная драгоцѣнность, Церни взялъ его и, приблизивъ къ самому носу, началъ читать,—о ужасъ!—вслухъ...

По мѣрѣ чтенія, лицо его, изъ землисто-сѣраго, становилось багрово-краснымъ. Покраснѣлъ его высокій, значительно увеличенный лысиною лобъ, его безконечный „до завтрашняго утра“, какъ говорили институтки, носъ и шея, въ которую съ остервенѣніемъ упирались тугіе бѣлые воротнички крахмальной сорочки.

Злобой бѣшеною пышетъ.
Берегись, крещеный міръ!

удивительно отчетливо и чисто произнесъ онъ заключительныя строки и отложилъ листокъ.

Гробовая тишина наступила въ комнатѣ. Слышно было, казалось, какъ пролетѣла муха... Черни откинулся на спинку стула и злобно-торжествующими глазами обводилъ классъ... И каждой изъ насъ стало неловко, въ каждой изъ юныхъ головокъ не могла не мелькнуть мысль: „Ужь не слишкомъ-ли далеко зашла наша шутка?“

Протянулась минута, показавшаяся намъ вѣчностью. Молчалъ классъ, молчалъ Черни. Злополучный листокъ снова красовался въ его рукахъ.

„Ужь разразился-бы скорѣе, — томительно выстукивали наши сердца,—все равно—помилованія не жди, такъ ужь скорѣе-бы! У-у! вампиръ противный!“

Но онъ не разразился, противъ ожиданія, а, наоборотъ, сладчайшимъ голосомъ обратился къ классу:

— Неправда-ли, остроумное произведеніе, mesdames? Горю нетерпѣніемъ познакомиться съ именемъ талантливаго автора. Надѣюсь, онъ не замедлитъ назваться.

Но всѣ молчали... Это была жуткая тишина, отъ которой становилось горько во рту и больно-больно ныло подъ ложечкой.

— Ну-съ, если самъ авторъ не желаетъ назваться и прячется за спины подругъ, — такъ-же неумолимо-спокойно продолжалъ Черни, — то, дѣлать нечего, при-

— Княжна Джаваха, это сдѣлали вы!...

ступимъ къ допросу. Кстати, входя въ классъ, я кое-что замѣтилъ. Надѣюсь, у виновной хватитъ достаточно смѣлости не отпираться?

Что это? Злые и холодные глаза вампира уставились на меня съ неподражаемымъ выраженіемъ скрытой насмѣшки... Непріятно и неловко становилось отъ этого взгляда.

„Что ему надо?—мучительно сверлило мой мозгъ.—Что онъ смотритъ?“

Снова тишина воцарилась въ классѣ... Снова противный, слащавый голосъ прозвучалъ нѣжнѣйшими нотами:

— Не будете-ли любезны назваться сами?—И снова выпуклые, гнѣвные глаза неопредѣленно-водянистаго цвѣта остановились на мнѣ.

Я почувствовала, какъ вся кровь то приливала, то отливала въ моемъ лицѣ, какъ вдругъ похолодѣли мои дрожащіе пальцы и я уже не могла отвести взгляда отъ злыхъ и пронизывающихъ меня насквозь глазъ учителя.

И вдругъ случилось то, чего никто изъ насъ не ожидалъ: Таня Покровская вскочила со своей парты и, молитвенно сложивъ руки, прокричала на весь классъ, давясь тщетно сдерживаемыми слезами:

— Monsieur Черни, миленькій, ей Богу, мы не нарочно...

Учитель нахмурился. Я видѣла, какъ побѣлѣлъ кон-

чикъ его длиннаго носа, а глаза стали еще злѣе, выпуклѣе и безцвѣтнѣе.

— Госпожа Покровская, успокойтесь,—холодно-сдержанно произнесъ онъ и пристально посмотрѣлъ на забывшуюся и сконфуженную дѣвочку,—нарочно или нечаянно сдѣлано это, — мнѣ все равно. Я желаю знать, *кто* это сдѣлалъ?

— Господи! миленькимъ назвала — ничего не помогаетъ, — сокрушенно произнесла бѣдная Таня и прибавила громкимъ шопотомъ, такъ, чтобы слышали сосѣдки:

— Аспидъ безчувственный, не хочу обожать его больше... Вампиръ!

Никто изъ насъ, однако, не обратилъ вниманія на ея слова. Нервы наши были напряжены до-нельзя. Многія дѣвочки искренно раскаивались теперь въ своемъ поступкѣ. Всѣмъ было не по себѣ.

А Церни все еще смотрѣлъ на меня, чуть не доводя меня до слезъ этимъ немигающимъ, пристальнымъ взглядомъ.

— И такъ, виновная упорно не желаетъ сознаться?— еще разъ услышали мы его непріятный, звенящій голосъ.

Новое гробовое молчаніе воцарилось въ классѣ.

— Я жду.

Послѣ новой паузы, онъ неожиданно вытянулся на каѳедрѣ во весь свой громадный ростъ и, подойдя къ моей партѣ, неожиданно произнесъ невыносимо-противнымъ голосомъ:

— Княжна Джаваха, это сдѣлали вы!

Я вздрогнула и подняла на него вопрошающій взглядъ. Обвиненіе было слишкомъ неожиданно и нелѣпо, чтобы я могла имъ оскорбиться.

— Это сдѣлали вы!— еще разъ невозмутимо произнесъ Церни, — я видѣлъ, какъ вы положили листокъ около чернильницы, когда я входилъ въ классъ.

И, нервно вздрагивая отъ волненія или злости, онъ большими шагами вернулся на каѳедру.

— Я требую, чтобы вы признались въ поступкѣ сами, — продолжалъ онъ уже оттуда, — и потому, спрашиваю васъ еще разъ: вы-ли, княжна Джаваха, положили на каѳедру стихи?

Я оглянулась... Блѣдныя, встревоженныя личики съ молящимъ выраженіемъ смотрѣли на меня.

— Не выдай Запольскую, не выдай Краснушку,— казалось, говорили они.

Я сама знала, что Запольской не простятъ такого проступка: она худшая по ариѳметикѣ; Церни и безъ того ее ненавидитъ, да и по шалостямъ она на замѣчаніи у начальства.

И я поняла ихъ, эти взволнованныя, испуганныя лица моихъ недавнихъ враговъ. Поняла и... рѣшилась.

Поднявшись со своего мѣста, я твердо и внятно проговорила:

— Monsieur Церни, простите. Это сдѣлала я.

— А! — какъ-то жалобно вырвалось у него, точно онъ пожалѣлъ, что не ошибся въ своемъ предположеніи; но тотчасъ-же, какъ-бы спохватившись, добавилъ: — Я очень доволенъ, что вы сознались. Раскаяніе должно послужить вамъ наказаніемъ. Что касается меня, то я не хочу заниматься съ дѣвочками, у которыхъ нѣтъ сердца. Завтра-же меня здѣсь не будетъ.

И сказавъ это какимъ-то новымъ, опечаленнымъ и размягченнымъ голосомъ, онъ поспѣшно сошелъ съ каѳедры и исчезъ за дверью.

Классъ дружно ахнулъ.

Не знаю почему, но послѣднія слова ненавистнаго вампира больно ущипнули меня за сердце.

„Можетъ-быть, — мелькнуло у меня въ мысляхъ, — бросивъ уроки въ институтѣ, онъ долженъ будетъ бѣдствовать... можетъ-быть, у него больная жена... много дѣтей, которыя его любятъ и цѣнятъ и для которыхъ онъ не злой вампиръ-учитель, а добрый, любимый папа. И для этихъ дѣтей, вслѣдствіе его ухода изъ института, наступитъ нужда, можетъ-быть нищета... голодъ.“

И чего еще только не представляло мое пылкое, удивительно послушное воображеніе!.. Какія только раздирающія душу картины не представлялись моимъ мысленнымъ взорамъ!..

Не вполнѣ сознавая, что дѣлаю, я опрометью бросилась изъ класса.

Церни невозмутимо шагалъ по коридору своими длин-

ными ногами и я едва успѣла настичь его у дверей учительской.

— Monsieur Черни, — прошептала я, краснѣя,— monsieur Черни, пожалуйста, не уходите отъ насъ! ради Христа!

Онъ насмѣшливо пробормоталъ сквозь зубы:

— Запоздалое раскаяніе, г-жа Джаваха. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ, monsieur Черни... — не помня, что говорю, лепетала я, — не уходите... Зачѣмъ бросать мѣсто изъ-за глупой выходки глупыхъ дѣвочекъ... Простите меня, monsieur Черни... Это было въ первый и послѣдній разъ. Право-же... это такая мука, такая мука...—и, совсѣмъ забывшись въ моемъ порывѣ, я закрыла лицо руками и громко застонала.

Когда, отнявъ руки, я взглянула на Черни, то не узнала его преобразившагося лица: до этой минуты злые и насмѣшливые глаза его странно засвѣтились непривычной лаской, отъ которой все лицо перестало казаться сухимъ и жесткимъ.

— Госпожа Джаваха!—нѣсколько торжественно произнесъ онъ,—я васъ прощаю... Ступайте объявить классу, что я и васъ и всѣхъ ихъ прощаю отъ души...

— Ахъ, monsieur Черни, — порывисто вырвалось у меня, — какой вы великодушный, милый! — и быстрѣе стрѣлы я помчалась назадъ по коридору обратно въ классъ.

Тамъ всѣ по-прежнему сидѣли на своихъ мѣстахъ. Только Краснушка — виновница печальнаго случая — и еще двѣ дѣвочки стояли у доски. Краснушка дописывала на ней бѣлыми, крупными буквами послѣднюю строчку.

Надпись гласила:

«Княжна Ниночка Джаваха! Мы рѣшили сказать тебѣ всѣмъ классомъ—ты душка. Ты лучше и честнѣе и великодушнѣе насъ всѣхъ. Мы очень извиняемся передъ тобою за все причиненное нами тебѣ зло. Ты отплатила за него добромъ, ты показала насколько ты лучше насъ. Мы тебя очень, очень любимъ теперь и еще разъ просимъ прощенія. Княжна Ниночка Джаваха, душка, прелесть, простишь-ли ты насъ»?

Послѣ слова „насъ“ стояло десять вопросительныхъ и столько-же восклицательныхъ знаковъ.

Могла-ли я не простить ихъ, когда кругомъ улыбались дѣтскія дружескія личики, когда четыре десятка рукъ потянулись ко мнѣ съ пожатіемъ, и столько-же дѣтскихъ ротиковъ—съ сердечнымъ, дружескимъ поцѣлуемъ. Я засмѣялась тихо и радостно, быстро схватила мѣлъ и подписала внизу такими же крупными каракулями:

«Да, да, прощаю, забываю и люблю васъ также всѣхъ ужасно!»

И потомъ, внезапно вспомнивъ только-что происшедшее, подмахнула ниже:

«И Церни простилъ: онъ остается».

Въ ту-же минуту дружное „ура!“ вырвалось изъ груди сорока дѣвочекъ.

Сосѣдняя дверь отворилась и въ нее просунулась сѣдая голова классной дамы сосѣднихъ съ нами шестыхъ.

— Вы съ ума сошли, mesdames! рядомъ уроки, а

Краснушка дописывала бѣлыми буквами...

вы кричите, какъ кадеты, — прошипѣла она. — Я пожалуюсь m-lle Арно.

Мы, дѣйствительно, сошли съ ума. Мы цѣловались и смѣялись и снова цѣловались... Вся эта маленькая толпа жила въ эту минуту одной жизнью, однимъ сердцемъ, однѣми мыслями. И я была центромъ ея, ея радостью и гордостью!

Преграда рушилась... Я нашла мою новую семью.

МОЯ жизнь въ институтѣ потекла ровно и гладко. Дѣвочки полюбили меня всѣ, за исключеніемъ Крошки. Она дулась на меня за мои рѣдкіе успѣхи по научнымъ предметамъ и за то исключительное вниманіе, которое оказывалъ мнѣ теперь классъ. Еще Маня Иванова не взлюбила меня потому только, что была подругой Крошки. Остальныя дѣвочки горячо привязались ко мнѣ. Равнодушной оставалась развѣ только апатичная Ренъ—самая большая и самая лѣнивая изо всѣхъ седьмушекъ.

Теперь мое слово получило огромное значеніе въ классѣ. — „Княжна Нина не совретъ“, — говорили дѣвочки и вѣрили мнѣ во всѣмъ, какъ говорится, съ закрытыми глазами.

Мнѣ была пріятна ихъ любовь, но еще пріятнѣе ихъ уваженіе

„Радость-папа,—писала я, между прочимъ, въ далекій Гори,—благодарю тебя за то, что ты выучилъ меня никогда не лгать и ничего не бояться...“

И я разсказала ему въ письмѣ все, что со мною произошло.

Какъ удивился, должно-быть, мой папа, получивъ такое письмо отъ своей джанночки,—удивился и... обрадовался.

Классныя дамы — не только милая, снисходительная и добродушная Генингъ, но и строгая, взыскательная Арно,—относились ко мнѣ исключительно хорошо.

— Вотъ ученица, на которую можно положиться вполнѣ,—говорила послѣдняя и въ первый-же мѣсяцъ моего пребыванія въ институтѣ занесла меня на красную доску.

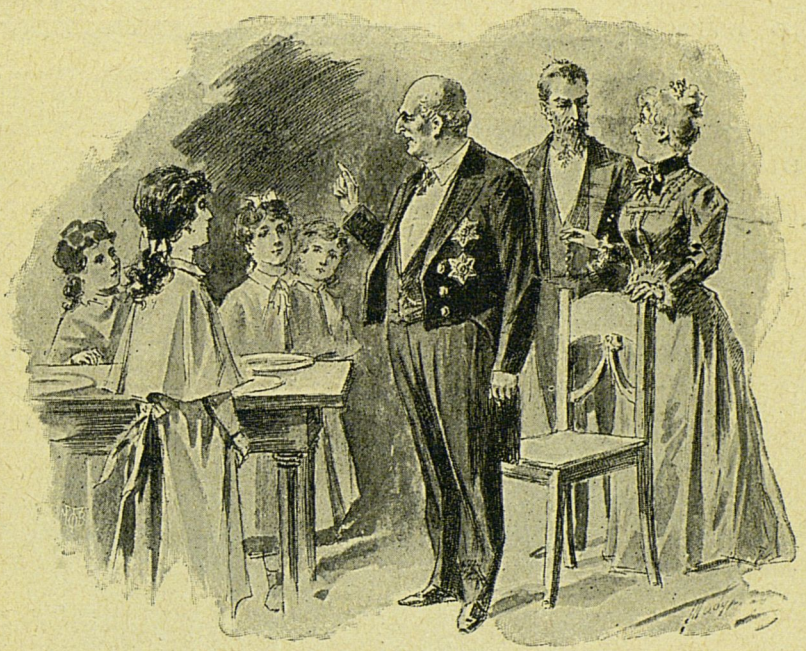
Я не понимала, чѣмъ я заслужила подобное расположеніе. Я дѣлала только то, что диктовало мнѣ мое сердце. „Развѣ не обязанность каждаго человѣка говорить правду и поступать правильно и честно?“—думала я.

Ложь была мнѣ противна во всѣхъ ея видахъ, и я избѣгала ея даже въ пустякахъ. Какъ-то разъ мы плохо выучили стихотвореніе нѣмецкому учителю и въ этотъ день журналъ нашъ украсился не однимъ десяткомъ двоекъ и пятерокъ. Даже у меня, у Крошки и Додо—лучшихъ ученицъ класса — красовались нежелательныя семерки за отвѣтъ.

— Schande (стыдно)! — сердито, уходя изъ класса,

бросилъ намъ, вмѣсто прощальнаго привѣтствія, разсерженный нѣмецъ.

Пристыженныя сошли мы въ столовую къ обѣду и еще больше смутились, увидя тамъ тамап въ обществѣ нашего почетнаго опекуна и министра народнаго про-



— Такъ-ли?—забавно недовѣрчиво подмигнулъ министръ...

свѣщенія. Послѣдняго мы дружно боготворили со всею силою нашей дѣтской привязанности.

Небольшой, очень полный, съ сѣдыми кудрями, съ большимъ горбатымъ носомъ и добродушными глазами— онъ однимъ своимъ появленіемъ вносилъ лучъ радости въ институтскія стѣны. И любилъ-же онъ дѣтей на

рѣдкость, особенно маленькихъ седьмушекъ, къ которымъ питалъ особенную нѣжность.

— Ужь вы меня простите,—обратился онъ къ старшимъ, у которыхъ было усѣлся за столомъ, чтобы раздѣлить съ ними скудный институтскій завтракъ,—а только вонъ мои „моськи“ идутъ! (маленькихъ воспитанницъ онъ почему-то всегда называлъ „моськами“) — и, спѣша и переваливаясь, онъ опередилъ насъ и, вставъ въ первой парѣ между Валей Леръ и Крошкой, прошелъ такъ черезъ всю столовую къ нашему великому восторгу.

— Чтожъ вы на урокъ къ намъ не заходите, Иванъ Петровичъ?—бойко выскочила впередъ Бѣльская.

— Некогда было, мосенька,—отечески тронувъ ее за подбородокъ, отвѣтилъ министръ.—А какой урокъ былъ?

— Нѣмецкій.

— Ну, и что-же?... Нулей, поди, не оберешься въ журналѣ?

— Вотъ ужь нѣтъ, — даже оскорбилась подобнымъ замѣчаніемъ Кира Дергунова, получившая какъ-разъ единицу въ этотъ урокъ.

— Такъ-ли? — забавно-недовѣрчиво подмигнулъ шутившій министръ.

— Вотъ ужь вѣрно. Я десять получила.

— Ну? — протянулъ онъ, высоко поднявъ брови.— Молодецъ, мосенька! А ты?— обратился онъ къ Заполь-ской.

— Двѣнадцать, Иванъ Петровичъ, — не сморгнувъ, соврала та.

— А ты, Крошка?—зная всѣ наши не только имена, но и прозвища, продолжалъ опрашивать онъ.

— Тоже двѣнадцать, — солгала Маркова и даже поблѣднѣла немножко.

— Ну, это куда ни шло... хорошая ученица, а вотъ, что Бѣлка-Разбойникъ и Кирюша отличаются—не сказка-ли, мосеньки, изъ тысяча и одной ночи? А?

— Нѣтъ, нѣтъ, правда, Иванъ Петровичъ, — запищали дѣвочки хоромъ,—сущая правда!

И къ кому-бы ни обращался съ вопросомъ нашъ любимецъ—отмѣтки выходили на рѣдкость отличными.

— Счастливъ-же долженъ быть сегодня Herr Hallbeck,— произнесъ онъ не то насмѣшливо, не то задумчиво.

— Ну, а ты, принцесса Горійская (меня такъ прозвали институтки), тоже, поди, двѣнадцать получила?— неожиданно обратился ко мнѣ министръ.

Словно что ущипнуло меня за сердце, и оно забилось быстро, быстро.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ,—твердо произнесла я,— я получила сегодня семерку.

— Вотъ тебѣ разъ!—произнесъ, разведя руками, онъ и скорчилъ такую потѣшную гримасу, что весь столъ дружно прыснулъ со смѣха несмотря на неловкость и смущеніе.

— А вѣдь я зналъ, что эта не солжетъ,—снова уже серьезно проговорилъ Иванъ Петровичъ, обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ и ни къ кому въ особенности. — Не солжетъ,—повторилъ онъ задумчиво и, поднявъ пальцами мой подбородокъ, добавилъ ласково: — Такіе глаза лгать не могутъ, не умѣютъ... Правдивые глаза! Чистые по мысли! Спасибо, княжна, спасибо, принцесса Горійская, что не надула стараго друга!

И прежде, чѣмъ я опомнилась, старикъ поцѣловалъ меня въ лобъ и отошелъ къ прежнему мѣсту за столомъ первоклассницъ.

— Ниночка, зачѣмъ ты насъ не поддержала, — капризно-недовольно протянула Додо, не желавшая падать со своей высоты классной парфетки во мнѣніи любимаго начальства.

— Да, да, зачѣмъ, Нина?—подхватили дѣвочки.

— Принцесса Горійская не можетъ не сунуть свой длинный носикъ, гдѣ ее не спрашиваютъ,—прошипѣла ядовитая Крошка.

— Ахъ, оставьте меня, — произнесла я съ невольнымъ приступомъ злости,—всегда говорила и буду говорить правду... Лгать для вашего удобства не намѣрена.

— Очень похвально идти противъ класса! — продолжала язвить меня Маркова.

— Молчи, Крошка, — прикрикнула на нее Дергунова.—Нина знаетъ, какъ быть, и не намъ учить ее.

На этомъ разговоръ и оборвался. Правда восторжествовала.

Выходя изъ класса въ тотъ-же день, я столкнулась съ Ирэнъ, выписавшейся изъ лазарета.

— А, принцесса Горійская, воплощеніе правды!— воскликнула она весело.

— А, фея Ирэнъ!—вырвалось у меня съ неудержимымъ порывомъ восторга,—наконецъ-то я васъ вижу!

Она была не одна. Черная, угреватая дѣвушка опиралась на ея руку и смотрѣла на меня смѣющимися и веселыми глазами.

— Это моя подруга Михайлова. Будьте друзьями и не грызитесь, пожалуйста,—засмѣялась Ирочка, взявъ мою руку, и вложила ее въ руку своей подруги.

— Друзья нашихъ друзей—наши друзья, — торжественно-шутливо отвѣтила я, прикладывая руку ко лбу и сердцу по восточному обычаю.

Ирочка засмѣялась. Она уже не казалась мнѣ больше прозрачною лунною феей, какою явилась мнѣ въ ту памятную ночь въ лазаретѣ, — нѣтъ, это была уже не прежняя, немного мечтательная, поэтичная фея Ирэнъ, а просто веселая, смѣющаяся, совсѣмъ земная Ирочка, которую, однако, я любила не меньше и которую рѣшила теперь „обожать“ по-институтски, чтобы и въ этомъ не отстать отъ моихъ потѣшныхъ, глупенькихъ одноклассницъ...

Часы смѣнялись часами, дни—днями, недѣли—недѣ-

лями. Институтская жизнь — блѣдная, небогатая событіями—тянулась однообразно, вяло. Но я уже привыкла къ ней. Она мнѣ не казалась больше невыносимой и тяжелой, какъ раньше. Даже ея маленькіе интересы заполняли меня, заставляя забывать минутами высокія горы и зеленыя долины моего сказочно-чудеснаго Востока.

Уроки, приготовленіе ихъ, бѣготня за Ирочкой на половину старшихъ, схватки съ Крошкой и соревнованіе въ ученіи съ самыми лучшими ученицами—„сливками“ класса,—долгія стоянія по праздникамъ въ церкви (которыя я особенно любила, благодаря торжественной таинственности службы), воскресныя дежурства въ пріемной за отличіе въ поведеніи — все это шло заведенной машиной, однообразно выстукивающей свой правильный ходъ.

И вдругъ неожиданно эта машина перевернулась. Случилось то, чего я не могла предвидѣть: я нашла то, чего не ожидала найти въ скучныхъ институтскихъ стѣнахъ.

Стоялъ октябрь. Гадкая петербургская осень налегла на чахлую сѣверную природу, топя ее потоками своихъ дождей, нудныхъ и безпрестанныхъ, производящихъ какое-то гнетущее и тяжелое впечатлѣніе. Мы только-что вернулись съ садовой галлереи, на которой гуляли въ продолженіе всей большой перемѣны. Въ садъ идти было немыслимо. Дожди превратили его въ сплошное болото, а гніющій на послѣдней аллеѣ листъ наполнялъ

воздухъ далеко не пріятнымъ запахомъ. Голодныя вороны метались съ громкимъ карканьемъ между вершинами оголенныхъ деревьевъ, голодныя кошки съ неестественно увеличенными зрачками шмыгали здѣсь и тамъ, наполняя садъ своимъ пронзительнымъ мяуканьемъ.

Все кругомъ было сѣро, холодно, пусто... Мы вернулись съ воздуха хмурыя, недовольныя. Казалось, печальная картина гнилой петербургской осени отразилась и на насъ.

Безучастно сбросили мы капоры и зеленые платки, безучастно сложили ихъ на тируарахъ. Я усѣлась на парту, открыла книгу французскаго учебника и принялась повторять заданный на сегодня урокъ. Отъ постоянной непогоды я кашляла и раздражалась по пустякамъ. А тутъ еще подсѣвшая ко мнѣ Краснушка немилосердно грызла черные хлѣбные сухарики, зажаренные ей потихоньку дѣвушкой Ѳеней въ коридорной печкѣ.

— Сдѣлай милость, не грызи! — окончательно разсердилась я, бросивъ на Запольскую негодующій взглядъ.

— Фу, какая ты стала злючка, Ниночка,—удивилась Маруся и, желая меня задобрить, прибавила: — поговоримъ о Мцхетѣ, о Грузіи.

Краснушка совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой была на Кавказѣ и видѣла Мцхетъ съ его поэтичными развалинами и старинными крѣпостями. Мы часто, особенно по вечерамъ, болтали о Грузіи. Но сегодня мнѣ было

не до этого. Грудь моя ныла, петербургская слякоть вселяла въ душу невольное отвращеніе, и рядомъ съ картинами ненавистной петербургской осени поднимать въ воображеніи чудесные ландшафты далекаго родного края мнѣ казалось теперь чуть-ли не кощунствомъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Маруси, я только отрицательно покачала головой и снова углубилась въ книгу.

Постепенно, однако, былыя воспоминанія потянулись безконечной вереницей въ моихъ мысляхъ... Мнѣ вспомнился чудесный розовый день... шумный пиръ... возгласы тулумбаши... блѣдная, тоненькая дѣвушка... мой храбрый красавецъ-папа, безстрашно несшійся на дикомъ конѣ... И надо всѣмъ этимъ море цвѣтовъ и море лучей...

Я такъ углубилась въ мои мысли, что не замѣтила какъ внезапно стихло пчелиное жужжанье учившихъ уроки дѣвочекъ и только опомнилась при видѣ начальницы, стоявшей въ трехъ шагахъ отъ меня съ какой-то незнакомой скромно одѣтой дамой и маленькою потѣшной чернокудрой дѣвочкой, похожей на цыганенка. Меня поразилъ видъ этой дѣвочки, съ громадными, быстрыми, наивными и довѣрчивыми черными глазками.

Я не слышала, что говорила maman, потому что все еще находилась въ сладкомъ состояніи мечтательной дремоты. Но вотъ, какъ шелестъ, пронесся говоръ дѣвочекъ, и новость коснулась моего слуха:

— Новенькая, новенькая!

Я постаралась приласкать бѣдняжку, какъ умѣла...

Maman поцѣловала дѣвочку, какъ поцѣловала меня два мѣсяца тому назадъ при моемъ поступленіи въ институтъ, такъ-же перекрестила ее и вышла въ сопровожденіи чужой дамы изъ класса.

Новенькая осталась...

Пугливыми, робкими глазками окидывала она окружавшую ее толпу дѣвочекъ, пристававшихъ къ ней съ одними и тѣми-же праздными вопросами, съ какими приставали еще такъ недавно ко мнѣ.

Новенькая отвѣчала застѣнчиво, стѣсняясь и конфузясь всей этой незнакомой толпы веселыхъ и крикливыхъ дѣвочекъ. Я уже хотѣла идти ей на выручку, какъ m-lle Арно неожиданно окликнула меня, приказавъ взять дѣвочку на мое попеченіе.

Я обрадовалась, сама не зная чему. Оказать услугу этой маленькой и забавной фигуркѣ съ торчащими во всѣ стороны волосами, изсиня-черными и вьющимися, какъ у барашка, мнѣ показалось почему-то очень пріятнымъ.

Ее звали Люда Власовская. Она смотрѣла на меня и на окружившихъ насъ дѣвочекъ не то съ удивленіемъ, не то съ тоскою... Отъ этого взгляда, затуманеннаго слезами, мнѣ становилось безконечно жаль ея.

„Бѣдная маленькая дѣвочка! — невольно думалось мнѣ,—прилетѣла ты, какъ птичка, изъ далекихъ странъ, навѣрное далекихъ, потому что здѣсь, на сѣверѣ, нѣтъ ни такихъ изсиня-черныхъ волосъ, ни такихъ черныхъ

вишенекъ-глазъ. Прилетѣла ты, бѣдная птичка, и сразу попала въ холодъ и слякоть... А тутъ еще любопытныя, безжалостныя дѣвочки забрасываютъ тебя вопросами, отъ которыхъ тебѣ, можетъ-быть, дѣлается еще холоднѣе и печальнѣе на душѣ... О! я понимаю тебя, отлично понимаю, дорогая; вѣдь и я пережила многое изъ того, что испытываешь ты теперь. Но, быть можетъ, у тебя нѣтъ такой сильной воли, какъ у меня, можетъ быть ты не въ состояніи будешь пережить всѣхъ тѣхъ невзгодъ, которыя перенесла я въ этихъ стѣнахъ..."

И, грубо оборвавъ начинавшую уже поддразнивать и трунить надъ новенькой Бѣльскую, я постаралась приласкать бѣдняжку, какъ умѣла.

Она взглянула на меня благодарными, полными слезъ глазами, и этотъ взглядъ рѣшилъ все... Мнѣ показалось вдругъ, что ожилъ Юлико съ его горячей преданностью, что Барбале послала мнѣ привѣтъ изъ далекаго Гори, что съ высокаго синяго неба глянули на меня любящія и нѣжныя очи моей деды... Маленькая дѣвочка съ вишневыми глазками побѣдила мое сердце. Я смутно почувствовала, что это другъ настоящій, вѣрный, что смѣющаяся и мечтательная Ирочка—только фея и останется феей моихъ мыслей, а эту смѣшную, милую дѣвочку я точно давно уже люблю и знаю, буду любить долго, постоянно, всю жизнь, какъ любила-бы сестру, еслибъ она была у меня.

Счастье мнѣ улыбнулось. Я нашла то, чего смутно ждала душою во всю мою коротенькую дѣтскую жизнь... Ждала и дождалась. У меня теперь былъ другъ, вѣрный, милый.

ГЛАВА VII.

ГНИЛАЯ петербургская осень попрежнему висѣла надъ столицей, попрежнему сѣрѣло небо безъ малѣйшей солнечной улыбки, попрежнему кончались одни уроки и начинались другіе, попрежнему фея Ирэнъ, всегда спокойная, ровная, улыбалась мнѣ при встрѣчахъ, а между тѣмъ точно новая пѣсенка звенѣла въ воздухѣ, веселая весенняя пѣсенка, и пѣсенка эта начиналась и кончалась одною и тою-же фразой:

„Съ тобою Люда! твой другъ Люда! Твоя галочка-Люда!“

Я назвала ее галочкой потому, что она по моему на нее походила: такая смѣшная, черненькая, маленькая, съ такими круглыми птичьими глазками.

Ее всѣ полюбили, потому что нельзя было ее не любить,—такая она была славная, милая. Но я ее любила больше всѣхъ И она мнѣ платила тѣмъ-же. Однимъ словомъ, мы стали друзьями на всю жизнь.

Когда ей было тяжело, я уже видѣла это по ея говорящимъ глазкамъ, въ которыхъ читала, какъ въ открытой книгѣ.

Она привязалась ко мнѣ трогательной дѣтской привязанностью, не отходила отъ меня ни на шагъ, думала моими мыслями, глядѣла на все моими глазами.

— Какъ скажетъ Нина... какъ пожелаетъ Нина...— только и слышали отъ нея.

И никто надъ нею не смѣялся, потому что никому и въ голову не приходило смутить покой этого кроткаго, чуднаго ребенка.

И потомъ ее охраняла я, а меня уважали и чуточку побаивались въ классѣ.

Одна только Крошка временами задѣвала Люду.

— Влассовская, гдѣ-же твой командиръ? — кричала она, завидя одиноко идущую откуда-нибудь дѣвочку.

Я узнавала стороной продѣлки Марковой, но прекратить ихъ была безсильна. Только наша глухая вражда увеличивалась съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Люда пріѣхала изъ Малороссіи. Она обожала всю Полтаву, съ ея бѣлыми домиками и вишневыми садами. Тамъ, вблизи этого города, у нихъ былъ хуторъ. Отца у нея не было. Онъ былъ героемъ послѣдней турецкой

кампаніи и умеръ какъ герой, съ непріятельскимъ знаменемъ въ рукахъ на обломкахъ взятаго редута. Свою мать, еще очень молодую, она горячо любила.

— Мамуся-кохана, гарная мама, — постоянно щебетала она и вся дрожала отъ радости при полученіи писемъ съ далекой родины.

У нея былъ еще братъ Вася, и всѣ трое они жили безвыѣздно со смерти отца въ ихъ маленькомъ имѣньицѣ.

Все это разсказывала мнѣ Люда, послѣ спуска газа, въ длинные осенніе вечера, лежа въ сосѣдней со мною жесткой институтской постелькѣ. Не желая оставаться въ долгу, я тоже разсказывала ей о себѣ, о домѣ. Но о тѣхъ страшныхъ приключеніяхъ, которыя встрѣчались въ моей жизни, я умолчала. Я не хотѣла пугать Люду — робкую и болѣзненно-впечатлительную по природѣ. Довольно было съ нея и тѣхъ разсказовъ, которые съ такимъ восторгомъ слушались институтками въ вечерній поздній часъ, когда классная дама, повѣрившая въ нашъ притворный храпъ, уходила на покой въ свою комнату. Тутъ-то начинались настоящіе ужасы. Кира Дергунова отличалась особеннымъ мастерствомъ разсказывать „страсти“, и при этомъ разсказывала она „особеннымъ“ способомъ: таращила глаза, размахивала руками и повѣствовала загробнымъ голосомъ о томъ, что нашъ институтъ когда-то былъ женскимъ монастыремъ, что на садовой площадкѣ отрыли скелетъ и кости, а въ селюлькахъ или музыкальныхъ комнатахъ, гдѣ институтки

проходили свои музыкальныя упражненія, бродятъ тѣни умершихъ монахинь, и чьи-то мохнатыя зеленыя руки перебираютъ клавиши.

— Ай-ай,— прерывала какая-нибудь изъ болѣе робкихъ слушательницъ расходившуюся разсказчицу,— пожалуйста, молчи, а то я закричу отъ страха.

— Ахъ, какая-же ты дрянь, душка!—сердилась возмущенная Кира,—сама-же просила разсказывать...

— Да я просила „безъ глазъ“,—оправдывалась перетрусившая дѣвочка,—а ты и глаза страшные дѣлаешь, и басишь ужасно...

— Безъ глазъ и безъ баса не то!— авторитетно заявляла Кира и окончательно разражалась гнѣвомъ.— Нечего было просить—убирайся, пожалуйста!

Разсказъ прерывался. Начиналась ссора. А на слѣдующій вечеръ та-же исторія. Дѣвочки забирались съ ногами на постель Киры и она еще больше изловчалась въ своихъ фантастическихъ повѣствованіяхъ.

Временами я взглядывала на Люду. Ея ротикъ открывался, глаза расширялись ужасомъ, но она жадно слушала, боясь проронить хоть одно слово.

Какъ-то, за обѣдомъ, серьезная Додо сказала, что ей привелось встрѣтить лунатика. Дѣвочки, жадныя до всего таинственнаго, обрадовались новому предмету разговора.

— Какой лунатикъ? гдѣ ты его встрѣтила? чѣмъ это кончилось?..—набросились онѣ на Додо, но, къ боль-

шому разочарованію любопытныхъ, дѣвочка могла только сказать, что „онъ“ былъ во всемъ бѣломъ, что шелъ, растопыривъ руки, что глаза у него были открыты и смотрѣли такъ страшно, такъ страшно, что она, Додо, чуть не упала въ обморокъ.

— А что всего ужаснѣе, душки, — добавила Додо, заставивъ вздрогнуть сидѣвшую рядомъ съ нею Люду,— Ѳеня говоритъ, что тоже видѣла лунатика на церковной паперти.

— Ну, милая, и ты и твоя Ѳеня врете!—разсердилась я, видя, какъ зрачки Люды расширились отъ ужаса и вся она лихорадочными глазами впилась въ разсказчицу.

— Ну, у тебя всѣ врутъ! а пойди-ка на паперть и сама увидишь,—недовольно заявила Кира.

— Mesdam'очки, на паперти по ночамъ духи поютъ,— неожиданно вмѣшалась въ разговоръ Краснушка, — стра-а-шно!

— Трусихамъ все страшно! — насмѣшливо улыбнулась я.

— А тебѣ не страшно?

— Нѣтъ.

— И пошла-бы...

— Пойду.

— Что?! — и дѣвочки даже привскочили на своихъ мѣстахъ.

— И пойду! — еще упрямѣе возразила я, — пойду, чтобъ доказать вамъ, что вы все это сочиняете.

Въ ту-же минуту Люда незамѣтно толкнула меня подъ локоть. Я повела на нее недовольными глазами.

— Что тебѣ?

— Ниночка, не ходи!—шепнула она мнѣ тихо.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, чего ты боишься? Пойду, разумѣется, и докажу всѣмъ вамъ, что никакого лунатика, ни духовъ нѣтъ на паперти.

— Ну, и отлично! — крикнула на весь столъ Иванова, — пусть Джаваха идетъ сражаться съ лунатиками, черной монахиней, съ кѣмъ хочетъ. Только, свѣтлѣйшая принцесса, не забудьте оставить намъ ваше завѣщаніе.

— Непремѣнно,—поспѣшила я отвѣтить,—для тебя и для Крошки: тебѣ я завѣщаю мой завтрашній обѣдъ, а Крошкѣ—всѣ мои старыя тетради, чтобы она продала ихъ и купила себѣ на вырученныя деньги какой-нибудь талисманъ отъ злости.

Дѣвочки фыркнули. Маркова и Иванова презрительно улыбнулись, и разговоръ перешелъ на другую тему.

По возвращеніи въ классъ изъ столовой, Люда робко подошла ко мнѣ и тихо прошептала:

— Ниночка, если не ради меня, то ради Ирочки не ходи на паперть.

— Вздоръ, — отвѣчала я, — вотъ ради Ирочки-то я и пойду туда. Вѣдь я ничего еще не сдѣлала, чтобы доказать ей, что я ничего не боюсь, и заслужить ея любовь. Ну, вотъ пусть это и будетъ моимъ подвигомъ во имя ея. И ты не мѣшай мнѣ, пожалуйста, Люда!

Наступилъ вечеръ. Насъ отвели въ дортуаръ и до спуска газа предоставили самимъ себѣ. Дѣвочки, очевидно забывшія о моемъ рѣшеніи идти на паперть, разбившись на группы, разговаривали между собой. Только маленькая Люда ежеминутно устремляла на меня свои вопрошающіе глазки.

Лишь только дежурная Fräulein Генингъ скрылась за дверью, я быстро вскочила и начала одѣваться.

— Куда?—испуганно шепнула приподнявшаяся на локтѣ Люда.

Я не отвѣтила, сдѣлавъ видъ, что не слышала ея словъ, и безшумно выскользнула изъ дортуара.

Длинный полуосвѣщенный коридоръ, тянувшійся вплоть до церковной паперти, невольно пугалъ однимъ своимъ безмолвіемъ. Только неопредѣленный, едва уловимый шумъ газа нарушалъ его могильную тишину. Робко скользила я вдоль стѣны по направленію къ церкви.

Вотъ уже темная церковная площадка, словно сіяющая черная пропасть, непріятно выглянула на меня сквозь стеклянныя двери.

„Точно глаза чудовища“,—подсказало мнѣ мое встревоженное воображеніе, когда при свѣтѣ тускло горѣвшихъ газовыхъ рожковъ я увидѣла выступившія свѣтлыми полосками дверныя стекла.

Однако, я храбро взялась за ручку. Тяжелая дверь растворилась съ легкимъ скрипомъ. На паперти было

совсѣмъ темно. Ощупью отыскала я скамейку, на которой въ дни церковной службы отдыхали воспитанницы,

— Прямо на меня надвигалась бѣлая фигура...

и сѣла. Прямо противъ меня были церковныя двери, направо — коридоръ младшей половины, налѣво — старшей. Отдаленные газовые рожки чуть мерцали, роняя

слабый свѣтъ на двери, но вся площадка и широкая лѣстница тонули во мракѣ.

„Ну, гдѣ-же лунатикъ,— храбрилась я, оглядываясь во всѣ стороны,—все это одна выдумка глупыхъ дѣвочекъ...“

Я не досказала и вздрогнула... Раздался глухой и тяжелый звукъ... Одинъ... второй... третій. Это пробило двѣнадцать на нижней площадкѣ... И снова тишина — жуткая... страшая...

Мнѣ стало холодно...Я уже поднялась и направилась было къ коридорной двери обратно, какъ вдругъ случайно оглянулась и... ужасъ сковалъ мои члены... Прямо на меня надвигалась высокая бѣлая фигура. Тихо, медленно ступала она по паперти... Вотъ она ближе, ближе... Холодный потъ выступилъ у меня на лбу... ноги подкашивались, но я сдѣлала невѣроятное усиліе и бросилась впередъ, протягивая руки къ бѣлой фигурѣ.

Въ тотъ-же мигъ три раздирающіе душу крика огласили своды мирно спавшаго института... Кричалъ бѣлый лунатикъ, кричалъ кто-то еще, спрятавшійся въ углу за стеклянной дверью, кричала я, зараженная ужасомъ.

Не помня себя, я бросилась назадъ по коридору, пулей влетѣла въ дортуаръ, сильно хлопнувъ дверью, и, бросившись въ постель, зарылась въ подушки.

Поднялся плачъ, суматоха... Освѣтили дортуаръ, прибѣжали дѣвушки, спавшія въ умывальной.

Захлебываясь отъ волненія, я посылала ихъ на паперть—спасать отъ лунатика его жертву.

Fräulein Генингъ, ничего не понимавшая изъ того, что случилось, помчалась со свѣчей на паперть въ сопровожденіи служанокъ. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ вернулись, неся на рукахъ безчувственную Люду; съ ними была еще третья дѣвушка въ длинномъ бѣломъ „собственномъ“ платьѣ. Она пріѣхала въ этотъ вечеръ изъ гостей и пробиралась на ночлегъ въ то время, когда я дежурила на паперти. Я была уничтожена... Дѣвушка въ бѣломъ и оказывалась тѣмъ страшнымъ лунатикомъ, который такъ испугалъ меня. Мнѣ было обидно, совѣстно, неловко...

На вопросы доброй Кисъ-Кисъ я не могла не отвѣчать правды. А правда была такъ смѣшна и нелѣпа, что я едва собралась съ духомъ разсказать ей.

Я злилась... Злилась больше всего на Люду, сдѣлавшую мое положеніе такимъ смѣшнымъ и некрасивымъ.

И кто ее просилъ идти за мною прятаться за дверью, защищать меня отъ несуществующихъ призраковъ? Зачѣмъ? зачѣмъ?

Взволнованная, пристыженная, я быстро раздѣлась и легла въ постель. Сквозь полузакрытыя вѣки я видѣла, какъ привели въ чувство до-смерти напуганную Люду, видѣла, какъ ее уложили въ кровать и какъ, по уходѣ фрейлейнъ, блѣдная, измученная, она приподнялась немного и тихо шепнула:

— Ты спишь, Нина?

Но я молчала... Маленькій злой бѣсенокъ, засѣвшій во мнѣ, не давалъ мнѣ покоя. Я злилась на всѣхъ, на классъ, на ни въ чемъ неповинную дѣвушку, на себя, на Люду.

Долгій сонъ не успокоилъ меня.

— Ага, струсила!—услышала я первое слово разбудившей меня насмѣшливымъ смѣхомъ Мани Ивановой.

— Принцесса Горійская испугалась дортуарной дѣвушки!—вторила ей Крошка.

Защищаться я не пожелала и только метнула въ сторону Люды злыми глазами.

„Вотъ что ты надѣлала,—краснорѣчиво докладывалъ мой разсерженный взглядъ,—въ какое милое положеніе поставила меня! Всѣми этими непріятностями я обязана только тебѣ одной!“

Она посмотрѣла на меня полными слезъ глазами, но на этотъ разъ ея затуманенный печальный взглядъ не разжалобилъ, а окончательно вывелъ меня изъ себя.

— Ахъ, не хнычь, пожалуйста! Напортитъ, а потомъ реветъ! — крикнула я и вышла изъ дортуара, сильно хлопнувъ дверью.

Она, однако, еще разъ попыталась подойти ко мнѣ въ коридорѣ. Но и тутъ я вторично оттолкнула бѣдняжку.

Грустно, опустивъ кудрявую головку, поплелась она въ спальню, а я еще долго дулась, стоя у окна въ ко-

ридорѣ. Даже Ирочка, подошедшая ко мнѣ (она дежурила за больную классную даму въ дортуарѣ пятыхъ), не усмирила водворившагося въ мою душу бѣса.

— Что это, Нина, съ вами? Вы какъ будто разстроены?—спросила она обычнымъ ей покровительственнымъ тономъ.

— Оставьте меня, всѣ оставьте!—капризно твердила я, кусая губы и избѣгая ея взгляда.

— Въ самомъ дѣлѣ, васъ слѣдуетъ оставить, Нина: вы становитесь ужасно несносной, — строго произнесла Ирэнъ, очевидно обиженная моимъ рѣзкимъ отвѣтомъ.

— Ну, и слава Богу, — совсѣмъ уже нелѣпо, по-дѣтски пробормотала я и, передернувъ плечами, побѣжала въ спальню, желая спрятаться и остаться наединѣ съ моимъ маленькимъ горемъ.

Каково-же было мое изумленіе и негодованіе, когда я увидѣла мою Люду, моего единственнаго перваго друга, между Маней Ивановой и торжествующей Крошкой—моими злѣйшими врагами!.. Я сразу поняла, что онѣ воспользовались нашею ссорою съ Людою, чтобы, назло мнѣ, привлечь ее къ себѣ и сдѣлать ее подругою, товаркою. Ихъ я поняла, но Люда, Люда, какъ она согласилась подружиться съ ними?.. Неужели она не догадалась, сколько обиды и горечи нанесла этимъ поступкомъ моему, и безъ того измученному, сердцу? А я такъ любила ее!..

Я была возмущена до глубины души, возмущена и

противъ Ивановой, и противъ Марковой, и противъ Власовской — противъ всѣхъ, всѣхъ. Я не помню, что я крикнула имъ, но вѣроятно что-нибудь обидное, потому что Власовская испуганно заморгала своими вишневыми глазами, а ангельское личико Марковой исказилось злой гримаской.

Месть Крошки удалась на-славу! Отнявъ отъ меня моего друга, она лишала меня послѣдняго солнечнаго луча, послѣдней радости въ холодныхъ, негостепріимныхъ институтскихъ стѣнахъ.

ПОТЯНУЛИСЬ ужасные дни... На зло Людѣ я подружилась съ Бѣльской. Наши шалости превосходили всѣ прежнія. Бѣльская была хитра на выдумки и изворотлива, какъ кошка. Мы бѣгали, бѣснуясь, по всему институту, кричали до хрипоты въ часы рекреаціи, не боясь начальства, гуляли на половинѣ старшихъ. Растрепанныя, хохочущія, крикливыя, мы обращали на себя всеобщее вниманіе... Классныя дамы удивлялись рѣзкой перемѣнѣ въ моемъ характерѣ, но не бранили меня и не взыскивали. Я была общей любимицей, да къ тому-же многое приписывалось моимъ нервамъ и острымъ проявленіямъ тоски по родинѣ.

— Что съ вами, Нина,—удивлялась Ирочка, глядя, какъ я, вся красная отъ бѣготни, неслась къ нимъ на

половину, вопреки запрещенію синявокъ.— Я не узнаю васъ больше!

— Я веселюсь, фея Ирэнъ, — смѣялась я, — развѣ бѣднымъ маленькимъ седьмушкамъ запрещено веселиться?

Еслибъ она знала, какъ я была далека отъ истины! На глазахъ класса, въ присутствіи ненавистной Крошки, ея оруженосца Мани и еще недавно мнѣ милой, а теперь чужой и далекой Люды, я была настоящимъ сорви-головою. За то, когда дортуаръ погружался въ сонъ и все утихало подъ сводами института, я долго лежала съ открытыми глазами и перебирала въ мысляхъ всю мою коротенькую, но богатую событіями жизнь... И я зарывалась въ подушки головою, чтобы никто не слышалъ задавленныхъ стоновъ тоски и горя.

— Папа! — часто шептала я среди ночного безмолвія. — Милый, хорошій, дорогой папа, возьми меня отсюда... Увези меня отсюда! я теперь одна, еще больше одна, чѣмъ была раньше. Была Люда—нѣтъ Люды. И снова темно, мрачно и холодно въ институтскихъ стѣнахъ...

А Люда спала сномъ праведницы тутъ же рядомъ со мною, но безусловно чужая для меня и близкая Ивановой и Крошкѣ, которыхъ я презирала всѣми силами души...

На утро я вставала съ новымъ запасомъ шалостей въ головѣ и съ гордостью проходила мимо ненавистной „тройки“, дружески обнявъ Бѣльскую.

Первый снѣгъ въ этомъ году выпалъ въ началѣ ноября... Я точно обезумѣла... Всю большую перемѣну мы взапуски гонялись съ Бѣльской по послѣдней аллеѣ, куда младшимъ было строго запрещено ходить.

Въ одинъ на рѣдкость выпавшій полуосенній, полузимній морозный денекъ, во время прогулки мы были привлечены жалобнымъ карканьемъ большой черной вороны.

Ворона была противная, злющая, но ей перебили крыло и лапку, и этого было достаточно, чтобы разжалобить сердца сердобольныхъ дѣвочекъ.

— Джаваха!—крикнула Бѣльская,— давай поймаемъ ворону, накормимъ и вылѣчимъ ее.

Сказано—сдѣлано. Не привыкшая останавливаться передъ разъ задуманнымъ рѣшеніемъ, я храбро полѣзла въ рыхлый снѣгъ и протянула руку за вороной. Но глупая птица не понимала, казалось, моихъ добрыхъ намѣреній. Прихрамывая, она заковыляла отъ насъ по всей аллеѣ, точно мы были ея злѣйшіе враги.

— Держи, Бѣлка, забѣги слѣва,— отдавала я краткія приказанія моему адъютанту, какъ Крошка прозвала въ насмѣшку мою новую подругу.

— Берегись, Нина, синявка идетъ.

— Э, пустое!—лихо крикнула я. Къ общему удовольствію собравшихся вокругъ насъ зрительницъ, ворона была поймана и закутана въ казенную шаль. Съ величайшими предосторожностями мы понесли ее въ классъ.

— Кого хороните? — насмѣшливо крикнули намъ наши всегдашніе враги шестушки при видѣ оригинальнаго шествія.

— Закрой ее, закрой,—шептала Бѣльская,—а то онѣ насплетничаютъ инспектрисѣ...

До класса нашу новую protegé мы донесли благополучно, усадили или, вѣрнѣе, втиснули ее въ корзину и, увязавъ веревками поверхъ оберточной бумаги, поставили въ уголъ за географическую карту.

Слѣдующій классъ былъ батюшки. Уже въ началѣ урока по партамъ путешествовала записочка съ вопросомъ какъ назвать ворону? Внизу уже стояла цѣлая шеренга именъ въ родѣ: Душки, Cadeau, Orphéline, Смолянки и Amie, когда, осѣненная внезапной мыслью, я подмахнула подъ выше написанными именами „Крошка“ и, торжествуя, перебросила записку Краснушкѣ.

Едва послѣдняя успѣла развернуть бумажку, какъ изъ угла послышалось отчаянное и продолжительное карканье... Мы замерли отъ страха... M-lle Арно бросилась въ уголъ, но не успѣла заглянуть туда, какъ ворона внезапно вылетѣла изъ-за карты и стала носиться съ отчаяннымъ карканьемъ по всему классу. Вышло что-то невообразимо скверное.

Арно гонялась за вороной, мы за Арно, невѣроятно шумя и толкаясь, а батюшка, потерявъ нить разсказа о трогательныхъ страданіяхъ благочестиваго Іова, смотрѣлъ съ печальной улыбкой на всю эту суматоху.

Неожиданный звонокъ далъ новое направленіе событію. Пугачъ, грозно потрясая сѣдыми буклями, бросилась къ инспектрисѣ — докладывать о преступленіи. Лишь только смущенный не меньше насъ батюшка вышелъ изъ класса, поднялся споръ, шумъ, крики...

Рѣшили слѣдующее:

1) Меня не выдавать ни подъ какимъ видомъ.

2) Ворону, унесенную классной дѣвушкой Ѳеней, продолжать кормить и воспитывать въ саду.

3) Просить прощенія у батюшки за нарушеніе порядка въ его классѣ.

Едва дѣвочки успѣли обсудить и одобрить предложенные Бѣльской пункты, какъ въ классъ вошла инспектриса. Очень высокая, очень сердитая и очень болѣзненная, она не умѣла ни прощать, ни миловать. Это была какъ-бы старшая сестра нашего Пугача, но еще болѣе строптивая и желчная.

На ея строгій вопросъ, кто принесъ птицу—мы отвѣчали дружнымъ молчаніемъ.

Новый вопросъ — новое молчаніе. Пугачъ стояла тутъ-же и злорадно шипѣла:

— Очень хорошо... прекрасно... безподобно...

Ничего не добившись, инспектриса ушла, бросивъ намъ на прощаніе зловѣщее и многозначительное: „eh bien, nous verrons“. Это зловѣщее „nous verrons“ не предвѣщало ничего хорошаго, и хмурыя, понуренныя пошли мы завтракать въ столовую.

— Что-то будетъ? Что-то будетъ? — въ тоскѣ шептали болѣе робкія изъ насъ.

— Крошка насплетничаетъ, вотъ что будетъ!—сердито крикнула я и вдругъ чуть не вскрикнула отъ изумленія. Въ столовую вошла Люда... но не прежняя тихенькая, робкая Люда, а красная, какъ піонъ, съ разгорѣвшимися глазами и гордо-вызывающе поднятой головой. Но что показалось мнѣ удивительнѣе всего— Люда была безъ передника. Она не прошла на свое мѣсто за столомъ, а встала на серединѣ столовой, какъ наказанная.

— Что такое съ Влассовской? Чѣмъ она провинилась? — заволновались институтки, и наши, и чужеклассницы.

— Надо Крошку спросить или Иванову— вѣдь онѣ подруги,—безъ всякаго задняго умысла произнесла Валя Леръ, обращаясь ко мнѣ.

— Ну, и спрашивай, мнѣ что за дѣло, — вспыхнула я.

А Люда все стояла на своемъ посту, нимало не стѣсняясь, на глазахъ всего института.

Одну минуту мнѣ показалось, что ея черные глазки встрѣтились съ моими, но только на одну минуту, и тотчасъ-же я отвела свои...

„Что съ нею, — мучительно стонало внутри меня,— за что она можетъ быть наказана—эта маленькая, безобидная, кроткая дѣвочка?“

Вдругъ въ столовой произошло легкое смятеніе.

— М-lle Арно! — крикнули съ сосѣдняго стола сидѣвшей за нашимъ столомъ классной дамѣ, — Влассовской дурно...

Ей въ самомъ дѣлѣ было дурно. Она побѣлѣла, какъ платокъ, и пошатнулась. Не подоспѣй m-lle Арно, Люда, кажется, не выдержала-бы и упала.

Пугачъ подхватила ее и, придерживая своими длинными, цѣпкими руками, повлекла въ лазаретъ.

Кругомъ кричали, спорили, шептались, но я ничего не слышала... Моя голова горѣла отъ навязчивой мысли, бросавшей меня то въ жаръ, то въ холодъ: „Что съ Людой, что съ моей бѣдной, маленькой Галочкой?“

Я совершенно забыла, въ эту минуту, что она уже давно отказала мнѣ въ своей дружбѣ, предпочтя мнѣ ненавистную Крошку, но сердце мое ныло и сжималось отъ неизвѣстности и еще какого-то тяжелаго предчувствія.

И не напрасно... потому что это предчувствіе сбылось...

Едва мы поднялись въ классъ, какъ вошла Пугачъ и, торжественно усѣвшись на каѳедрѣ, начала рѣчь о томъ, какъ нехорошо нарушать общее спокойствіе и подводить подъ наказаніе подругъ.

— Вотъ, Влассовская не хотѣла сознаться, что принесла ворону въ классъ,—разглагольствовала синявка,— а пришлось, однако, открыть истину, совѣсть заговорила: она пошла къ инспектрисѣ и созналась... она...

— Что?! — вырвалось у меня, и я въ три прыжка очутилась у каѳедры.

— Cher enfant, — и Арно неодобрительно покачала головою, — soyez prudente... У васъ слишкомъ рѣзкія манеры...

О! это было уже свыше моихъ силъ!.. Она могла разсуждать еще о манерахъ, когда сердце мое рвалось на части отъ горя и жалости къ моей ненаглядной голубкѣ Людѣ, такимъ великодушіемъ отплатившей мнѣ за мой поступокъ съ нею.

Такъ вотъ она какова, эта милая, тихая дѣвочка! И я смѣла еще смѣяться надъ нею... презирать это маленькое золотое сердечко!

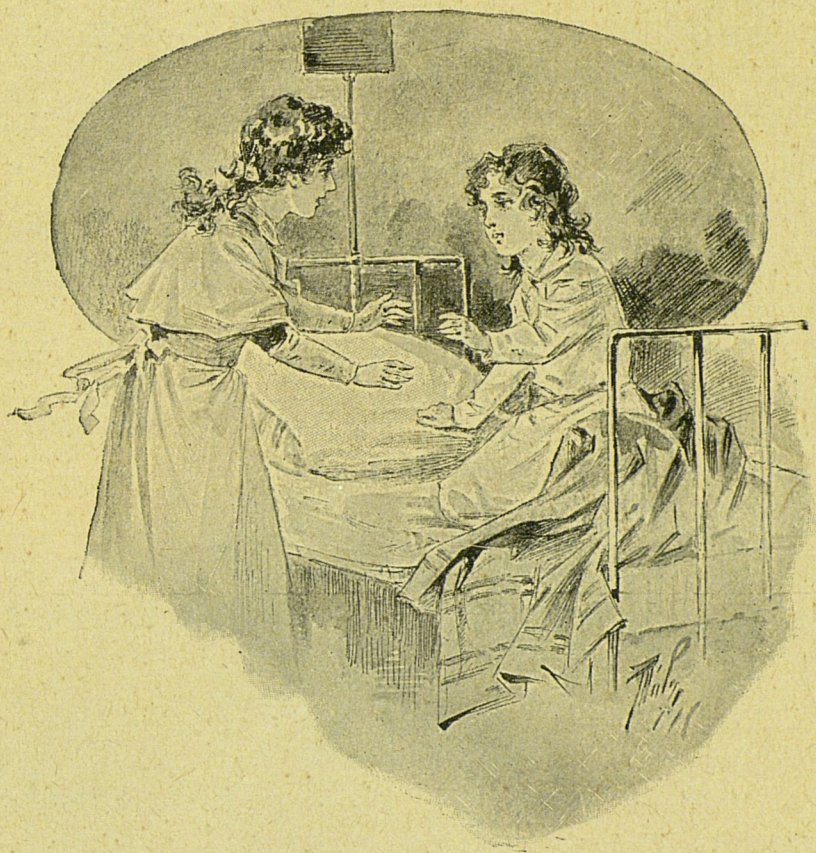
— Что съ вами, cher enfant?— видя, какъ я поминутно мѣняюсь въ лицѣ, спросила синявка, — или вы тоже нездоровы?

— О, нѣтъ... — съ невольной злобой на самую себя сказала я. — Я здорова... Больна только бѣдная Люда... Я, къ сожалѣнію, здорова... да, да, къ сожалѣнію, — подчеркнула я съ невольнымъ отчаяніемъ въ голосѣ.— Я злая, скверная, гадкая, потому что это я принесла въ классъ ворону, а не Власовская. Да, да... я одна... одна во всемъ виновата.

Я смутно помню, что говорила классная дама и инспектриса, опять пожаловавшая въ классъ по новому приглашенію Пугача, но отлично помню ту безумную радость, дошедшую до восторга, когда, по приказанію ея,

Арно стерла съ красной доски мою фамилію и потребовала, чтобы я сняла передникъ.

Съ тою-же радостью стояла я наказанная за обѣдомъ



— Я быстро наклонилась къ ней...

на мѣстѣ Люды, и сердце мое прыгало и замирало въ груди.

„Это искупленіе, — твердило оно, — это искупленіе, Нина, подчинись ему!“

И какъ охотно, какъ радостно прислушивалась я къ моему маленькому восторженному сердцу!

— Бѣлка, давай мнѣ скорѣй твой перочинный ножикъ,—огорошила я моего адъютанта, лишь только мы поднялись въ классъ.—Давай!

И прежде, чѣмъ она могла понять въ чемъ дѣло, я схватила лезвіе перочиннаго ножика такъ быстро и сильно двумя пальцами, что глубоко порѣзала ихъ

— Ай, кровь, кровь! — запищала Бѣльская, не любившая подобныхъ ужасовъ.

— Да, кровь, — засмѣялась я,— кровь, глупенькая... Это я нарочно... Она поможетъ мнѣ пройти къ Людѣ въ лазаретъ... понимаешь?

Но Бѣлка стояла передо мной съ открытымъ ртомъ, хлопала глазами и ничего не понимала. И только когда продребезжалъ лазаретный звонокъ, сзывавшій больныхъ на перевязку, и я заявила, что бѣгу забинтовать руку, Бѣльская неожиданно бросилась ко мнѣ на шею, заоравъ восторженно на весь классъ:

— Нинка Джаваха... ты—героиня!.

Осторожно крадучись, я проскользнула изъ перевязочной въ лазаретную столовую, а оттуда — въ общую палату, гдѣ, по моимъ расчетамъ, находилась Люда.

Я не ошиблась.

Она спала, забавно свернувшись калачикомъ на одной изъ кроватей. Я осторожно на цыпочкахъ подошла къ ней. На ея миломъ личикѣ были слѣды слезъ...

Слипшіяся рѣсницы бросали легкую тѣнь на полныя щечки... Алыя губы шептали что-то быстро и непонятно-тихо...

Острая, мучительная жалость и беззавѣтная любовь наполнили мое сердце при видѣ такъ незаслуженно обиженной мною подруги.

Я быстро наклонилась къ ней.

— Люда... Людочка... сердце мое... радость!

Она открыла сонные глазки... и взглянула на меня, ничего не понимая.

— Это я, Людочка...—робко произнесла я.

— Нина!—вырвалось изъ ея груди.—Ты пришла...

Мы упали въ объятія другъ друга... Плача и смѣясь, перебивая одна другую и снова смѣясь и плача, мы болтали безъ умолку, торопясь высказать все, что насъ угнетало, мучило, томило. Теперь только поняли мы обѣ, что не можемъ жить другъ безъ друга...

Люда выросла въ моихъ глазахъ... стала достойной удивленія... Я не могла ей не высказать этого.

— Ну, вотъ еще! — засмѣялась она, — тебѣ все это кажется... ты преувеличиваешь, потому что очень меня любишь.

Да, я любила ее, ужасно любила... Моя маленькая, одинокая душа томилась въ ожиданіи друга, настоящаго, искренняго... И онъ явился ко мнѣ — не мечтательной, смѣющейся лунной феей, а доброй сестрой и вѣрнымъ товарищемъ на долгіе институтскіе годы... Мы крѣпко

прижались другъ къ другу, счастливыя нашей дружбой и примиреніемъ...

Вечернія сумерки сгущались, дѣлая лазаретную палату какъ-то уютнѣе и милѣе... Отдаленные голоса пришедшихъ на перевязку дѣвочекъ едва долетали до насъ... Я и Люда сидѣли тихо, молча... Все было пересказано, переговорено между нами... но наше молчаливое счастье было такъ велико, что тихое, глубокое молчаніе выражало его лучше всякихъ словъ, пустыхъ и ненужныхъ...

38.47.3.65.